Основан в 1969 году
Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 3/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН
Издается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН
Включен в список ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЬЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru
А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21
Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.
© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 3/2021 (Latin America)

Founded in 1969
Established by
Academy of Sciences of the Soviet Union
Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences
Issued monthly
Published under the authority of the Global Problems and International Relations Department of the RAS
Included in the list of the Higher Attestation Commission
Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science
ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN, A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.
© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА

6 Т.А.Воротникова. **Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение**

20 В.К.Медина Гонсалес, А.А.Еремин. **Латинская Америка в условиях пандемии *COVID-19* в 2020 г. Социальный и политический аспекты. На примере Эквадора**

ЭКОНОМИКА

33 М.Ю.Бердина, А.Э.Бердин. **Региональные особенности развития особых экономических зон. На примере стран латиноамериканского региона**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

55 И.А.Ахтамзян. **Договор Тлателолко: пример для подражания**

65 Ф.О.Трунов. **Бразильское направление курса ФРГ на мировой арене: политико-военные аспекты**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

79 Г.П.Перепиляк. **Мадридский договор 1750 г. Передел колониальных зон Испании и Португалии**

КУЛЬТУРА

103 Л.В.Ростоцкая. **Стилистическая трансформация в фильмах Педро Альмодовара**

SUMARIO

POLITICA

6 Tatiana Vorotnikova. **Movimiento al Socialismo en Bolivia: trayectoria, composición, ideología**

20 Vinicio X.Medina González. **América Latina en las condiciones de la pandemia *COVID-19* en el año 2020. Los aspectos social y político. Ejemplo del Ecuador**

ECONOMIA

33 Marina Bérdina, Alexandr Berdin. **Peculiaridades regionales del desarrollo de las zonas económicas especiales. Ejemplos de los países de la región latinoamericana**

RELACIONES INTERNACIONALES

55 Ildar Akhtamzyan. **El Tratado de Tlatelolco: un ejemplo para seguir**

65 Filipp Trunov. **La dirección brasileña en la política exterior de Alemania en la arena mundial: aspectos político y militar**

PAGINAS DE LA HISTORIA

79 Gleb Perepilyak. **El Tratado de Madrid del año 1750. La repartición de las zonas coloniales de España y Portugal**

CULTURA

103 Lidia Rostotskaya. **La transformación del estilo en las películas de Pedro Almodovar**

CONTENTS

POLICY

6 Tatiana Vorotnikova. **Movimiento al Socialismo in Bolivia: trajectory, composition, ideology**

20 Vinicio X.Medina Gonzalez, Arkadiy Eremin. **Latin America in the first wave of the *COVID-19* pandemic in 2020. Social and political aspects. Case of Ecuador**

ECONOMY

33 Marina Berdina, Alexandr Berdin. **Regional features of the development of special economic zones. The example of the Latin American region's countries**

INTERNATIONAL RELATIONS

55 Ildar Akhtamzyan. **Treaty of Tlatelolco: an example to follow**

65 Filipp Trunov. **Brazilian direction of German foreign policy on the world stage: political-military aspects**

HISTORY PAGES

79 Gleb Perepilyak. **Madrid Treaty of 1750. Repartition of Spain and Portugal's overseas territories**

CULTURE

103 Lidia Rostotskaya. **Stylistic transformation in the films of Pedro Almodovar**

ПОЛИТИКА

Т.А.Воротникова

Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение

В статье анализируются институциональные основы и история выдвижения на авансцену политических процессов Движения к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) в Боливии — одной из наиболее заметных и успешных левых партий на современном политическом ландшафте латиноамериканского региона. За три десятилетия своего развития *MAS* прошло путь взлетов и падений, которые рассмотрены сквозь призму электорального процесса и увязаны с особенностями организационной структуры и идеологической платформы партии.

Ключевые слова: Боливия, Движение к социализму, Эво Моралес, левая идеология.

DOI: 10.31857/S0044748X0012671-7

Статья поступила в редакцию 23.10.2020.

Выдвижение левых сил в государственные институты стран Латинской Америки в начале XXI в. поставило перед учеными задачу изучения программной специфики и факторов электорального успеха этих сил. Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) в Боливии можно назвать одним из наиболее заметных и эффективных примеров левых партий на современном политическом ландшафте региона. *MAS* управляло страной непрерывно на протяжении почти полутора десятков лет. Его лидер Эво Моралес Айма трижды выигрывал президентские выборы (в 2005 г., в 2009 г. и в 2014 г.), побеждая в первом туре голосования со значительным перевесом (54%, 64% и 61% народной поддержки). Помимо этого в 2008 г. был проведен референдум о доверии Э.Моралесу, результаты которого подтвердили легитимность президента. Сталкиваясь с внутренними поли-

Татьяна Александровна Воротникова — кандидат политических наук, Ученый секретарь Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, vorotnikovat@yandex.ru).

Финансирование: Российский научный фонд (РНФ), проект №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

тическими кризисами, региональными протестами и поляризацией элит, боливийское правительство смогло достичь национального консенсуса, обеспечить беспрецедентный экономический рост (в среднем около 5% годовых) и поддерживать социально-политическую стабильность в стране. Партия сумела справиться с натиском социальных волнений в октябре-ноябре 2019 г., вызванных несогласием с подсчетом голосов на президентских выборах и вынужденной отставкой Моралеса. *MAS* извлекло уроки из осеннего (или весеннего для Боливии) кризиса и вышло на выборы в октябре 2020 г. с обновленной стратегией, доказав способность к активным политическим действиям. Его возвращение во власть и победа Луиса Арсе Катакоры* подтверждают актуальность и значимость изучения указанных выше процессов для понимания резервов и перспектив нового правительства.

В западной политической науке, прежде всего в странах самой Латинской Америки, проблематике современного политического развития Боливии уделено большое внимание. Ее различные аспекты детально проработаны в исследованиях Фернандо Молины (Боливия) [1], Рафаэля Арчондо (Боливия) [2], Пабло Стефанони (Аргентина) [3], Джеффри Веббера (Канада — Великобритания) [4], Эрве До Алто (Франция) [5] и многих других ученых. В российской историографии деятельность *MAS* рассмотрена в работах Андрея Аркадьевича Щелчкова [6]. В 2015 г. Институт всеобщей истории РАН выпустил фундаментальный труд «История Боливии с древнейших времен до начала XXI века» [7], в котором показаны политические процессы, происходящие в стране, в их историческом развитии. Тем не менее актуализация общественно-политической повестки требует постановки новых вопросов для исследования.

Цель данной работы заключается в выявлении характерных особенностей *MAS* в контексте таких измерений, как история электорального успеха партии на политической сцене страны, композиционная структура и механизмы кооптации ее членов, а также концептуальные и доктринальные рамки. В этом контексте важно рассмотреть исторический контекст формирования концепции «политического инструмента» общественных движений, пришедшего на смену традиционным инструментам политического участия. Отдельного внимания требует анализ внутренней партийной организации, благодаря которой был создан широкий фронт народной поддержки. Представляется, что принципиальное значение имеет определение институциональных и политико-идеологических основ *MAS*, в границах которых осуществлялась политика правительства Моралеса.

ТРАЕКТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ *MAS*

Феномен «боливийского синдикализма» и его особая роль в государственном строительстве определяли специфику политического процесса в стране с середины XX в. После создания Боливийского рабочего центра (*Central Obrera Boliviana, COB*) на гребне революции в 1952 г. фактически

* Выборы состоялись 18 октября 2020 г. при явке в 87%. Кандидат от *MAS* Луис Арсе Катакора получил 55,1% голосов избирателей, его основной соперник от правого центра Карлос Меса Хисберт — 28,83%, лидер правого альянса Фернандо Камачо Вака — 14%.

сложилась ситуация двоевластия, при которой профсоюзы являлись важнейшим элементом принятия решений наряду с исполнительной властью. История борьбы профсоюзов доказала их право играть решающую роль в политической жизни страны как структуры, обладающей одной из наиболее организованных и консолидированных позиций в регионе. *COB* объединял практически все трудовые коллективы Боливии и был способен мобилизовать около 1,5 млн человек. Ни одно правительство страны после 1952 г. не могло проводить свою политику, игнорируя волю профсоюзов [8, с. 108]. В условиях неразвитости политической системы и слабости партийного представительства только профсоюзы были способны путем всеобщей забастовки консолидировать трудящихся в общенациональном масштабе и стать выразителем политических интересов широких слоев населения.

Руководящую роль в революционном процессе и управлении народным хозяйством боливийские левые признавали именно за *COB*. Даже при том, что левому движению в Боливии были присущи многопартийность, идеологическая путаница и организационная раздробленность, многочисленные левые партии и группировки сделали профсоюзы главной ареной своей деятельности [8, с. 111]. Постоянная внутренняя борьба за методы и формы революционной практики между синдикалистами, левыми националистами, троцкистами, ультралевыми и коммунистами обнажила необходимость кардинальных перемен в теоретическом развитии и неизбежность структурных изменений.

В середине 1980-х годов боливийское левое движение переживало драматичный момент своей истории. К «кризису доверия» со стороны средних слоев добавилось размывание промышленного пролетариата, происходившее под натиском неолиберального курса правительства Виктора Паса Эстенссоро (1985—1989 гг.) по ограничению государственного регулирования, приватизации госсектора и перестройке экономической структуры. Реорганизация государственной горнорудной компании *Corporación Minera de Bolivia* (*COMIBOL*) привела к увольнению 23 тыс. горняков [9]. Профсоюзы сильно ослабли, *COB* фактически утратил свои позиции и перестал быть объединяющим звеном. Для достижения единства левого фронта страны требовались серьезное обновление политической повестки и поиск новых организационных форм.

Солидаризируясь с движением рабочих, в 1970-х годах стало набирать силу крестьянское движение. В нем начали принимать активное участие индейские активисты, занимавшиеся до этого в основном культурно-просветительской деятельностью и ликвидацией неграмотности в общинах. В 1982 г. состоялась общенациональная забастовка, которая продемонстрировала готовность крестьян к организованным выступлениям с выдвижением как социально-экономических, так и политических требований не только на местах, но и в национальном масштабе [8, с. 96].

На этом фоне в конце 1980-х годов лидеры крестьянских профсоюзов департамента Кочабамба начали реформировать местное движение с целью выработки собственной политической платформы. Э.Моралес Айма был одним из тех, кто выступил за создание политического крыла движения производителей коки — кокалерос, — представлявших мощную социальную силу в провинции. В условиях кризиса партийных структур распро-

странение получила идея создания «политического инструмента» как альтернативы традиционным формам представительства, который бы исполнял роль посредника между политическими институтами и крестьянскими профсоюзами, при этом являясь их органической частью [3, pp. 271-272].

На VII конгрессе (25-27 марта 1995 г.) Национального союза крестьян (*Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia, CSUTCB*) было принято решение о создании Ассамблеи за суверенитет народов (*Asamblea Por la Soberanía de los Pueblos, ASP*). Тем не менее, Национальный избирательный суд Боливии (аналог ЦИК) использовал незначительные нарушения, чтобы отклонить регистрацию *ASP*. Тогда на муниципальных выборах 1995 г. крестьянские лидеры выступили в составе партии Объединенные левые (*Izquierda Unida, IU*). Результаты оказались внушительными: они заняли 11 кресел глав муниципалитетов, 49 кандидатов были избраны в городской совет и 6 — в совет департамента Кочабамба [10]. А уже на всеобщих выборах 1997 г. под флагом *IU-ASP* кокалерос получили 4 места в национальном парламенте. Однако через два года, перед выборами 1999 г., *ASP* раскололась. Лидер шести Федераций тропиков Кочабамбы Моралес выдвинулся от новой структуры – Политического инструмента за суверенитет народов (*Instrumento Político por la Soberanía de los Pueblos, IPSP*). Но снова столкнувшись с отказом в регистрации, он был вынужден избираться по списку существовавшей с 1987 г. небольшой партии *MAS*. Как отмечает английский исследователь Свен Хартен, первый электоральный эксперимент обновленного движения на муниципальных выборах 1999 г. был относительно успешным: 79 членов городских советов и 10 мэров. Около 70% бюллетеней были поданы за *MAS* в Кочабамбе, в то время как на национальном уровне партия получила чуть более 3% голосов избирателей [10].

Следует отметить, что боливийская политическая система 80—90-х годов XX столетия строилась на либерально-демократической основе, но имела свою специфику. С принятием «Пакта во имя демократии» в 1985 г. в Боливии установилась так называемая пактовая демократия. По действовавшему тогда законодательству, если ни один из кандидатов не набирал на выборах более 50% голосов избирателей, второй тур проводился в Национальном конгрессе между двумя лидерами. Президентом становился тот, кто получал простое большинство в обеих палатах парламента. На практике это приводило к тому, что президенты избирались в результате межпартийных сговоров, кулуарных союзов и временных коалиций.

Смена власти происходила в рамках трех ведущих политических партий страны, к тому времени не имевших четких идеологических границ и представлявших умеренный центр. Некоторым изменениям способствовали конституционная реформа 1994 г. и избирательный закон 1996 г., направленные на увеличение репрезентативности и доступ малых партий в Национальный конгресс. Однако, как правило, представители этих партий примыкали к коалициям, создаваемым партиями-тяжеловесами. При таком раскладе мнение населения играло опосредованную роль, что ставило под сомнение легитимность власти: так, на выборах 1997 г. Уго Бансер получил лишь 22% голосов избирателей [11], но поддержка пяти партий в конгрессе обеспечила ему президентское кресло.

Схожая стратегия политической элиты обеспечила в 2002 г. победу на президентских выборах Гонсало Санчеса де Лосады, набравшего 22,5% голосов. Его основной противник Моралес, зарекомендовавший себя как харизматичный профсоюзный лидер и борец за права коренного населения и кокалерос, уступил лишь 1,5% бюллетеней [12]. Однако в конгрессе за Лосаду было подано 84 голоса против 43 за Моралеса [13], что создало впечатление «украденной у народа победы» и настроило оппозицию на решительный рывок.

Распределение парламентских кресел обозначило новую тенденцию. Оно показало традиционный успех партий-тяжеловесов на востоке, тогда как в западных районах их начали вытеснять новые крестьянские и трудовые объединения. Лосаду поддержали в экономически развитом Санта-Крусе, Чукисаке и боливийской Амазонии — Бени и Пандо. Моралес был поддержан жителями высокогорных индейских департаментов. Наибольшее число голосов он получил в Кочабамбе, Оруро, Потоси и Ла-Пасе. На этих выборах *MAS* и Индейское движение Пачакутик (*Movimiento Indígena Pachakuti, MIP*) стали весьма заметными левыми силами. Обе позиционировали себя как «индейские» и находились в роли внесистемной оппозиции при том, что их лидерам — Эво Моралесу и Фелипе Киспе — удавалось усидеть «на двух стульях»: с одной стороны, они возглавляли уличный протест, с другой — заседали в парламенте. *MAS* заняло второе место из 12 партий, набрав беспрецедентный для индейского движения процент — 20,94% [12]. Движение получило 8 мест в верхней палате парламента и 27 — в нижней. Впервые почти одну треть депутатского корпуса составили представители коренных индейских народов.

В декабре 2004 г. состоялись муниципальные выборы, которые подтвердили существенные перемены, произошедшие в политических предпочтениях населения. Традиционные партии потерпели сокрушительное поражение, впервые ни одной из них не удалось завоевать лидерство. Победа осталась за сторонниками *MAS*, которые в целом по стране набрали около 17% голосов [14, p. 40]. Присутствие представителей движения Моралеса в списках в большинстве муниципалитетов и результаты на местах показали высокий уровень поддержки *MAS* не только как партии, выдвинувшей своего кандидата в президенты, но и как силы, предложившей собственный политический проект для всего общества. На этих выборах прежняя система партийных коалиций фактически была разрушена.

Одним из важных критериев интереса к президентским выборам 2005 г. является явка 84,5% граждан; что выше, чем на всех предыдущих голосованиях. Выборы завершились триумфом Моралеса, завоевавшего 53,7% голосов. За него проголосовали 1 млн 544 тыс. 374 человека. Его главный оппонент Хорхе Кирога финишировал вторым с результатом 28,6%, тогда как ни один из остальных кандидатов не набрал больше 8% [15]. Впервые, с тех пор как Боливия вернулась к демократии, президент был избран посредствам прямого всенародного голосования.

Что касается распределения парламентских мест, то, кроме того, что *MAS* получило большое преимущество по партийным спискам, выборы довольно успешно завершились и для кандидатов-одномандатников, идущих под его знаменами. Теперь движение контролировало 55% мест (72 из

130) в палате депутатов, хотя и не получило большинства в сенате (12 из 27). Как и на предыдущих выборах, Моралеса поддержали в западных высокогорных районах, в которых проживают индейцы кечуа и аймара, — провинциях Ла-Пас, Кочабамба, Оруро и Потоси. Однако, судя по итогам избирательного процесса, доверие к лидеру *MAS* возросло во всех регионах страны [16]. Показательно, что в Ла-Пасе Моралес обошел Кирогу на 40 пунктов, тогда как последний выиграл лишь 8,5 пунктов у будущего президента в Санта-Крусе — самом оппозиционном к *MAS* департаменте.

Всеобщие президентские выборы 2005 г. прошли в условиях коллапса партийной системы страны. Из основных партий периода 1980—2002 гг. только одна выставила своих кандидатов. Избрание Моралеса простым большинством голосов и провал традиционных партий свидетельствовали о становлении новой архитектуры власти. Существенно возросло влияние местных организаций и движений, роль «политического инструмента», которую взяло на себя *MAS*. Победа Моралеса стала кульминацией этой стратегии и ознаменовала переход *MAS* из статуса внеинституциональной оппозиции к партии власти*.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА *MAS*

Описанная выше особенность политической системы и слабость законодательной и исполнительной властей порождали ощущение разорванности между государством и обществом, незаинтересованности депутатов в решении насущных проблем простых граждан и в потерю доверия к принципам представительной демократии. Неспособность политических партий предъявлять конкретные требования к структурам и лицам, принимающим решения, привела к спонтанному образованию и широкому распространению так называемых гражданских комитетов — организаций, формулирующих и подающих свои требования непосредственно к исполнительной власти, минуя представительские механизмы [17, p. 29]. Усиление влияния и значимости низовых организаций стало основой для создания прочной архитектуры *MAS*. В отличие от традиционных политических партий *MAS* формировалось на базе социальных движений, что позволяло ему добиваться поставленных целей в условиях институционального кризиса и падения авторитета партий.

---

* В дальнейшем *MAS* побеждало во всех четырех избирательных компаниях, включая непризнанные результаты выборов 2019 г. Расклад сил, сложившийся в Многонациональной законодательной ассамблее в 2010—2014 гг., отражал полное доминирование *MAS* на законодательном поле: 88 мест из 130 в палате депутатов и 26 из 36 в сенате, оппозиция была представлена тремя партиями в нижней палате и одной партией — в верхней. В созыве 2015—2019 гг. за *MAS* было закреплено 88 мест депутатских и 25 сенаторских кресел, Фронт национального единства (*Frente de Unidad Nacional, UN*) получил, соответственно, 32 и 9, Христианско-демократическая партия (*Partido Demócrata Cristiano*) — 10 и 2 места. В 2019 г. *MAS* утратило ряд мест — до 67 и 21, соответственно. По итогам выборов 2020 г. места распределились следующим образом: в нижней палате *MAS* имеет 75 мест, Гражданское сообщество (*Comunidad Ciudadana*) — 39, «Мы верим» (*Creemos*) — 16; в верхней палате, соответственно — 21, 11, 4 места.

В определенной степени *MAS* пошло по пути партии Националистического революционного движения (*Movimiento Nacionalista Revolucionario, MNR*)*, в 1950-е годы ставившей целью формирование однопартийного «революционного» режима. Однако, как отмечает российский историк А.А.Щелчков, тогда *MNR* не удалось создать единую и эффективную систему базовых организаций. В первую очередь этому помешала гетерогенность партийных структур. Одни районные комитеты формировались по территориальному принципу, куда входили представители среднего класса, другие создавались и полностью контролировались рабочими профсоюзами. Из-за идейных разногласий и конфликтов на местах партия не смогла выйти за рамки простого союза между различными политическими и общественными группами [7, с. 482]. *MAS* попыталось преодолеть этот базовый недостаток, сделав ставку на прочное взаимодействие между центром и общественными движениями.

Особенностью *MAS* является довольно сложная иерархическая конструкция, характерная для партий национального масштаба с разветвленной сетью подведомственных отделений. Главным новшеством стало то, что *MAS* не являлось организационным ядром общественного движения, а — напротив — было частью общественного движения. Как уже говорилось, *MAS* создавалось как «политический инструмент» и изначально воспринималось как структура, функционирующая параллельно с федерациями профсоюзов, которая подчинялась Координационному комитету — высшему органу в профсоюзе производителей коки.

Именно культура участия определяла внутреннюю работу *MAS* и отличала эту политическую организацию от других. Низовые структуры играли первостепенную роль и участвовали в процессе принятия решений. Принцип участия, как и в социальном движении, обеспечивался за счет широкого обсуждения и принятия общих решений, что сыграло огромную роль в определении идеологических и программных приоритетов *MAS* [18]. Однако при отсутствии структурных механизмов по его реализации совещательный принцип заменялся неформальными договоренностями.

Описанная выше система работы *MAS* была актуальна в течение первых десяти лет его существования как инструмента, выражавшего интересы кокалерос на политической арене. Примерно до середины 2004 г. движение управлялось так же, как Федерация производителей коки, и имело ту же организационную культуру. С 2004 г. руководство *MAS* приступило к процессу институционализации собственных партийных структур, в результате чего партия обрела относительную автономность. В ее состав входили множе-

---

* *MNR*, созданная в 1941 г., сыграла ведущую роль в революционных событиях 1952—1953 гг. и постреволюционном развитии Боливии. Партия обладала широкой социальной базой, включавшей буржуазию, средние слои, часть рабочих и крестьянство. Она относилась к типу национал-реформистских партий и представляла собой народно-националистическое движение. Политика *MNR* характеризовалась проведением буржуазно-демократических преобразований, осуществлением масштабной аграрной реформы, национализацией собственности крупных горнодобывающих предприятий, введением всеобщего избирательного права и реформированием системы образования.

ство комиссий, созданных на национальном, департаментском и местном уровнях с целью разработки конкретных программных предложений. В рамках стратегии по укреплению своего влияния *MAS* создавало альянсы с различными общественными организациями по всей стране. Интенсивность и характер этих связей были неодинаковы в отношении различных движений и не всегда были выражены настолько ярко, как в случае профсоюзов производителей коки. Иногда сотрудничество ограничивалось тем, что партия гарантировала локальной организации место в избирательном списке *MAS*, давая право вести избирательную кампанию от своего имени [10].

Решающим моментом организационных изменений стало решение «открыть» избирательные списки на муниципальных выборах 2004 г. и передать контроль над отбором кандидатов местным организациям. За этим решением стояло намерение привлечь новые кадры, которые не ассоциировались бы только с селянами или индейцами, и могли бы представлять более широкие слои общества. При этом руководство *MAS* никак не контролировало тех, кто входил в эти списки даже на решающих всеобщих выборах в 2005 года.

Идея открыть двери партии, чтобы привлечь максимальное количество союзников имела и свои недостатки. Подавляющее большинство проблем было связано с отсутствием механизма контроля за процессом регистрации новых членов (например, один из кандидатов одновременно выдвинулся в депутаты от *MAS* и от другой партии) [10]. Союзы выстраивались на основе близости политических платформ, что в более широком смысле сформировало идею программных действий в интересах всех разочаровавшихся в неолиберальной политической и экономической модели. Другими словами, *MAS* двигалось по пути от представления интересов конкретной группы к формулированию широкого спектра требований, которые выдвигали не только крестьяне и коренные народы, но и городские слои населения (транспортники, шахтеры, учителя, молодежь, госслужащие низшего звена). Помимо этого *MAS* предложило альтернативу средним слоям, симпатизирующим левоцентристской идеологии.

В решающий период с середины 2004 и до конца 2005 г. федерации производителей коки потеряли большую часть своего структурного представительства, так как открытость *MAS* способствовала постановке других приоритетов и выдвижению новых лидеров. Постепенно это привело к концентрации власти в руках Национального совета, состоявшего примерно из десяти человек, среди которых были Эво Моралес, Альваро Гарсиа Линера, Иван Ипорре, Хуан Рамон Кинтана, Хулио Салазар [10]. Национальный совет принимал большинство стратегических решений и координировал партийную деятельность. Другой влиятельной силой стала Национальная политическая комиссия, которая в основном координировала и одобряла программную работу других комиссий на национальном или субнациональном уровнях. Присутствие низовых структур обеспечивалось через представителей.

С 2005 г. был принят ряд мер по институционализации партийной структуры, обеспечивший большую независимостью руководства *MAS* от общественных движений. Одновременно происходило укрепление личного авторитета и концентрация власти в руках Моралеса [5]. Цель состояла в том, чтобы сохранить децентрализованную структуру со значительным влиянием низовых орга-

низаций, но обеспечить более эффективную и скоординированную работу по выработке программных предложений. Это требовало объединения вокруг сильного организационного ядра, которое могло бы руководить всеми комиссиями и союзными организациями путем создания механизмов структурированного и скоординированного участия. Стабильность системы поддерживалась путем балансирования между динамикой снизу и жесткой координацией сверху, что в организационном плане поставило *MAS* в уникальное положение — между политической партией и общественным движением.

Решение *COB* нарушить традиционную независимость и вступить в союз с политическим руководством страны создало новый прецедент, что способствовало тому, что в течение десяти лет между властью и профсоюзами были гармоничные и прочные отношения. Но накопившиеся за годы разногласия вылились в конфликт, который стал следствием закрытия четырех предприятий государственной текстильной компании *Enatex*, созданной четырьмя годами ранее в условиях ухода американской корпорации из боливийского текстильного рынка*. Правительство настаивало на экономической нерентабельности и высокой эксплуатационной стоимости заводов, с чем были не согласны профсоюзы, вставшие на защиту текстильного сектора. Трехдневная национальная забастовка, проведенная профсоюзами в мае 2016 г., стала первой серьезной размолвкой между правительством и *COB* [19] и показала, что *MAS* как организационная структура начала терять способность осуществлять контроль за тем, что происходит внутри партии.

Конфронтация ознаменовала начало нового этапа в партнерстве *COB* и *MAS* в изменившихся условиях, отличных от тех, которые преобладали с момента прихода к власти. Дальнейшее отдаление бывших союзников ослабило влияние центра. Партия, воспринимаемая как «власть представителей общественных движений» [6], была эффективна только в прочной связке с корпоративно организованной частью общества, которую обеспечивали профсоюзы. Потеря этой связи означала потерю управляемости. В кризисный момент 2019 г. *COB* выступили на стороне оппозиции, призвав Моралеса к отставке и тем самым сыграв одну из решающих ролей в смещении *MAS* [20].

Несмотря на консолидацию партийного аппарата, *MAS* не достигло того уровня институционализации, которого добивались другие партии, возникавшие из общественных движений. Низовые структуры *MAS* продолжали действовать в соответствии с прежней логикой, что объясняло крайнюю чувствительность партии к тому, что происходило в сфере социальных движений [5]. По-видимому, поиск новых основ для внутреннего единства станет одной из главных задач современной *MAS*, стоящей перед необходимостью обеспечения социальной стабильности в поляризованном боливийском обществе [21].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ *MAS*

Гетерогенность и многоуровневость *MAS* связаны не только с внутренней организационной структурой движения, но и с особенностями ее идео-

* После приостановки Соединенными Штатами Америки Андского закона о содействии торговле и искоренении наркотиков в декабре 2008 г, предусматривающего компенсационные льготы за контроль над незаконным оборотом наркотиков.

логического наполнения. В научной литературе дан подробный анализ идеологических основ режима Моралеса с разных точек зрения [22, 6, 24]. Здесь имеет смысл остановиться лишь на некоторых моментах, важных с точки зрения композиционной специфики.

Контуры будущей политической программы правительства Моралеса были очерчены во времена уличной борьбы начала 2000-х годов [4]. Список требований, который вошел в историю как «Октябрьская повестка» (2003 г.), включал в себя несколько основных пунктов, среди которых были: созыв революционного Учредительного собрания; радикальное перераспределение земли и богатств; национализация углеводородной промышленности; отказ от экспорта газа в США; общественный контроль за использованием природных ресурсов. Ключевыми принципами стали антиглобализм, антиимпериализм, социальная справедливость, экономический суверенитет и партисипативная демократия. Понятие «культурное наследие», уважение к коренным народам и реставрация национальной идеи на основе индейской идентичности были цементирующими элементами программы [25].

Указанные принципы свидетельствуют о наличии эклектичных представлений различных групп и направлений с самыми разными идеологическими установками. В интегрированном виде они вошли в уставные документы *MAS* и сводились к следующему:

— отстаивание единства трудящихся, крестьян и коренных народов, единства города и деревни, единства боливийского народа; в соответствии с 1 ст. Конституции декларировалась приверженность принципам мультиэтничности, составляющей основу боливийской нации;

— уважение самобытности, обычаев и традиций различных культур коренных народов и этнических групп, составляющих боливийское общество;

— гарантии соблюдения политической Конституции государства и прав человека;

— обеспечение защиты природных ресурсов, национального наследия, территории и окружающей среды как важнейших факторов национального суверенитета;

— защита демократии, профсоюзных, индейских, общественных и социальных организаций в соответствии с интересами национального большинства [26].

Индихенистский блок был представлен радикальным крылом лидеров, преимущественно индейцами-аймара, использовавшими этнические и культурные смыслы в качестве базисных элементов политической самоидентификации. Среди основных деятелей, артикулирующих эту тенденцию, — бывший министр иностранных дел и избранный вице-президент Дэвид Чокеуанка. Индихенисты в первую очередь выдвигали идеи, содержавшие призыв к возрождению и реконструкции исконного индейского мира, защите окружающей среды и жизни в гармонии с природой [27]. Эти идеи находили широкий отклик у индейского большинства — в первую очередь у представителей народов кечуа и аймара, проживающих в андских районах страны, которые составляли наиболее лояльную и твердую электоральную базу партии. Опираясь на катаристскую политическую традицию и используя социальные движения в качестве каналов политической

деятельности, *MAS* поставило этническую принадлежность в центр агрегирования политических предпочтений [28].

Второй блок представляли сторонники государственного планирования, усиления вмешательства государства в экономику и быстрой индустриализации, что отвечало интересам городских и средних слоев, выступавших за модернизацию страны. В руководстве партии их представляли бывший вице-президент Альваро Гарсиа Линера и занимавший ранее пост министра экономики Луис Арсе Катакора, который приступил к исполнению обязанностей нового главы государства в 2020 году.

В основу идеологической платформы режима легло сочетание левых идей с этнической спецификой страны [2]. Одной из главных причин конфликтности в боливийском обществе считалась экономическая зависимость от государств «коллективного Запада». Индейские народы рассматривались в качестве ведущей силы по борьбе с империализмом, а *MAS* — как инструмент их самоопределения.

В экономической политике был взят курс на централизацию и этатизацию экономики с последующим перераспределением бюджетных средств на социальные нужды. Антикапиталистический дискурс «старых левых» был заменен на антинеолиберальную программу, где основной акцент делался на критике приватизации и борьбе против транснационального капитала. В отличие от того, что предлагали радикальные левые, полной экспроприации частных корпораций не предполагалось. В партии было достигнуто согласие относительно необходимости усиления контроля над добычей и использованием природных ресурсов и пересмотра действовавших контрактов с основными инвесторами, а также повышения налоговых ставок и тарифов. Именно на этой основе в 2006 г. правительство осуществило третью в истории страны национализацию (первая в 1936 г., вторая в 1969 г.). Новый Закон об углеводородах был призван нести социальную функцию и обеспечивал перераспределение доходов от отрасли на здравоохранение, образование, поддержку коренных народов и развитие инфраструктуры.

Еще одно направление представляли синдикалисты. Его ядром стали крестьянские кооперативы и аграрные союзы, которые изменили соотношение в *COB*, где традиционно превалировали горняки, в свою пользу, обеспечив голоса сельских избирателей. Организациям, структурированным вокруг крестьянства, удалось взять на себя руководство боливийским народным движением [29]. В попытке объединить доминанту андско-амазонского мировоззрения коренных народов и социалистические идеи всеобщего равенства государство позиционировалось как «Родина для всех». По историческим причинам боливийскому обществу присущи коллективные формы организации, что отвечало идеологической и институциональной структуре *MAS* [1]. Политический аппарат должен был сгладить противоречия между различными левыми силами, привлечь на свою сторону представителей прогрессивной интеллигенции и средние городские слои.

Ключевой и символичной в данной схеме являлась фигура президента-харизматика. Моралес в свою очередь активно использовал политический символизм как основу пропаганды. Государственный лидер и чиновники принимали участие в церемониальных практиках коренных народов. Соци-

альные программы носили имена исторических героев. А первый боливийский космический спутник неслучайно был назван в честь легендарного боливийского предводителя восстания против колонизаторов Тапака Катари. Интересная деталь: в отличие от традиционного красного цвета, который принят в левой среде и является признанным для многих коммунистических и социалистических партий во всем мире, *MAS* оставило первоначальные цвета — синий, черный и белый [26]. Хотя такая символика досталась Моралесу от партии-предшественницы (о чем упоминалось выше), в определенном смысле она подчеркивает интегральный характер идеологической композиции движения.

Определить идеологическую платформу партии *MAS* как единую концепцию довольно сложно. Однако она сумела сплотить левые силы страны и предложить альтернативный проект государственного развития в поле электоральной демократии. Политический режим, выстроенный Моралесом, совместил черты левого прогрессизма, социал-реформизма и государственного десарроллизма под общим знаменателем народного национализма, в котором традиционная для Боливии структура синдикализма сочеталась с идеями культурного и исторического возрождения индейской идентичности.

Продолжающаяся эпоха *MAS* высветила отличительную черту современной боливийской демократической модели — сохранение многопартийности при единоличном доминировании «политического инструмента», балансирующего между национальной партией и общественным движением. Безусловно, этому способствовала особая внутренняя структура *MAS*, которая заметно отличалась от традиционных форм партийной организации существенно большей децентрализацией, влиянием неформальных механизмов взаимодействия и расширением участия членов партии в процессе принятия решений. Выдвинув пеструю, но консолидированную программную платформу, движение фактически воплотило чаяния тех, кто в эпоху становления современной боливийской демократии стремился к объединению разношерстных левых сил в единый широкий левый фронт, способный привлечь на свою сторону большинство избирателей и обеспечить проведение социально ориентированных реформ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Molina F. ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? Las fortalezas del MAS en la construcción de un Nuevo orden. *Nueva Sociedad*, 2013, N 245.

2. Archondo R. ¿Qué le espera a Bolivia con Evo Morales? *Nueva Sociedad*, 2006, № 202. Available at: https://nuso.org/articulo/que-le-espera-a-bolivia-con-evo-morales/ (accessed 23.09.2020).

3. Stefanoni P. Las nuevas fronteras de la democracia boliviana. *Nómadas*. Universidad Central, Colombia, 2005, N22, pp. 269-278.

4. Webber J. Carlos Mesa, Evo Morales, and a Divided Bolivia (2003—2005). *Latin American Perspectives*, 2010, Issue 172, Vol. 37, N 3, pp. 51-70. DOI: 10.1177/0094582X10364033

5. Do Alto H. El MAS-IPSP boliviano, entre movimiento social y partido político. *Análisis Político,* 2008, Vl.21, N62, pp. 25-43.

6. Щелчков А.А. Кризис латиноамериканских левых режимов: боливийская драма. *Свободная мысль,* М., 2020, № 1, сс. 93-106. [Shchelchkov A.A. 2020. Krizis latinoamerikanskikh levykh rezhimov: boliviiskaya drama [The crisis of Latin American leftist regimes: Bolivian drama]. *Svobodnaya mysl'*, Moscow, 2020, N 1, pp. 93–106 (In Russ).

7. История Боливии с древнейших времен до начала XXI века. Отв. ред. Е.А. Ларин, А.А. Щелчков. М., Наука, 2015, 699 с. [Istoriya Bolivii s drevneishikh vremen do nachala

XXI veka [History of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. Moscow, 2015, Nauka, 699 p. (In Russ).

8. Боливия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., Наука, 1990, 224 с. [Bolivija: tendencii jekonomicheskogo i social'no-politicheskogo razvitija [Bolivia: tendencies of economic and sociopolitical development]. Moscow, Nauka, 1990, 224 p. (In Russ).

9. Historia de la COMIBOL. Available at: http://www.comibol.gob.bo/index.php/institucional/historia-de-la-comibol (accessed 12.01.2021).

10. Harten S. ¿Hacia un partido "tradicional"? Un análisis del cambio organizativo interno en el Movimiento Al Socialismo (MAS) en Bolivia. Nuevo Mundo, 2007. Available at: https://journals.openedition.org/nuevomundo/4468#tocto1n2 (accessed 12.06.2020).

11. Base de Datos Políticos de las Américas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 1997. *Presidential Elections 1997.* Georgetown University y Organización de Estados Americanos. Available at: https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/el971.html (accessed 09.06.2020).

12. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2002. Primera Vuelta. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres02.html (accessed 09.06.2020).

13. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2002. Segunda Vuelta. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres02B.html (accessed 09.06.2020).

14. Romero Ballivián S. En la bifurcación del camino. Análisis de resultados de las Elecciones Municipales 2004. La Paz, 2005, 119 p.

15. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2005. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres05.html (accessed 23.05.2020).

16. Romero Ballivián S. Análisis de la elección presidencial de 2005 en Bolivia. *América Latina Hoy*, N 43, 2006, pp. 31-61.

17. Salazar E. Las elecciones bolvianos de 2002: los límites del reformismo institucional. *Revista mexicana de sociología*, 2004, Vol. 66, N 1, pp. 23-56.

18. Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz, Fundación Ebert, 2009, 346 p.

19. Nueva etapa en la relación COB-Gobierno. *Correo del Sur*. 10.07.2016. Available at: https://correodelsur.com/opinion/20160710_nueva-etapa-en-la-relacion-cob-gobierno.html (accessed 16.10.2020).

20. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур. *Латинская Америка,* 2020, № 1, сс. 22-32. [Chernyshev A.L. Postelektoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika,* N 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ).

21. Воротникова Т.А. Боливия перед выбором: возможна ли консолидация «разделенного общества»? *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, М., 2020, № 2, сс. 142-163. [Vorotnikova T.A. Bolivija pered vyborom: vozmozhna li konsolidacija «razdelennogo obshhestva»? [Bolivia at a crossroads: is consolidation of a 'divided society' feasible?] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika, Moscow, 2020, N 2, pp. 142-163. (In Russ).

22. Воротникова Т.А. Левая политическая мысль в современной Боливии. *Латиноамериканский исторический альманах,* М., 2019, т. 1, № 23, сс.185-199. [Vorotnikova T.A. Levaya politicheskaya mysl' v sovremennoi Bolivii [Left political thought in modern Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, Moscow, 2019, Vol. 1, no. 23, pp. 185–199. (In Russ). DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199. (In Russ.) DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199

23. Щелчков А.А. Левая альтернатива неолиберализму: культурная и демократическая революция в Боливии в начале XXI века. *Латиноамериканской исторический альманах,* 2016*,* № 17, сс.192-240. [Shchelchkov A.A. Levaja al'ternativa neoliberalizmu: kul'turnaja i demokraticheskaja revoljucija v Bolivii v nachale XXI veka [The left alternative to neoliberalism: the cultural and democratic revolution in Bolivia]. *Latinoamerikanskoj istoricheskij al'manah,* 2016, N 17, pp.192–240. (In Russ).

24. Webber J. Evo Morales and the political economy of passive revolution in Bolivia, 2006–15. *Third World Quarterly,* 2016 Vol. 37, N 10, pp.1855–1876.

25. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов. *Латинская Америка*. М., 2019, № 8, сс. 6-12. [Ivanovskij Z.V. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii. Social'naya panorama i dinamika politicheskih processov [Latin America in the new millennium. Social panorama and dynamics of political processes]. *Latinskaya Amerika,* Moscow, 2019. N 8, pp. 6-12 (In Russ). DOI: 10.31857/S0044748X0005576-2

26. Movimiento al Socialismo. Estatuto Orgánico o Carta Fundamental Available at: https://reformaspoliticas.files.wordpress.com/2015/03/boliviaestatutoorganicomas-2005.pdf (accessed 13.09.2020).

27. Шинкаренко А.А. Латинская Америка через призму экологической геополитики. Немного об истории вопроса. *Латиноамериканский исторический альманах,* М., 2020, № 28, сс. 207-236. [Shinkarenko A.A. Latinskaya Amerika cherez prizmu ekologicheskoj geopolitiki. Nemnogo ob istorii voprosa [Latin America through the prism of environmental geopolitics. A little about the history of the issue]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah,* 2020, N 28, pp. 207-236. (In Russ). DOI: 10.32608/2305-8773-2020-28-1-207-236

28. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, disgregación y clivajes étnicos. *Política y gobierno,* 2018, Vol. 25, N 1, pp. 65-100.

29. Do Alto H. Un partido campesino en el poder. Una mirada sociológica del MAS boliviano. *Nueva Sociedad,* 2011, N 234. Available at: https://nuso.org/articulo/un-partido-campesino-en-el-poder-una-mirada-sociologica-del-mas-boliviano/ (accessed 04.10.2020).

Tatiana A.Vorotnikova (vorotnikovat@yandex.ru)

PhD in Political Science, Academic secretary of Institute of Latin American Studies of Russian Academy of Sciences

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Movimiento al Socialismo in Bolivia: trajectory, composition, ideology

Abstract. The article reports an analysis of the institutional foundations and historical overview for the Movimiento al Socialismo (MAS) in Bolivia that is one of the most prominent and successful left parties in the modern political landscape of Latin American region. During three decades of its development, MAS has gone through a path of ups and downs, which are considered through the prism of the electoral process and are related to the specificity of organizational structure and ideological platform of the party.

Key words: Bolivia, Movimiento al Socialismo, MAS, Evo Morales, left ideology.

DOI: 10.31857/S0044748X0012671-7

Received 23.10.2020.

В.К.Медина Гонсалес, А.А.Еремин

Латинская Америка в условиях пандемии *COVID-19* в 2020 г.

Социальный и политический аспекты. На примере Эквадора

В статье рассматриваются изменения в странах Латинской Америки, произошедшие в результате распространения нового штамма коронавируса (*SARS-Cov*-2) на примере Эквадора. В работе дана характеристика развития пандемии в латиноамериканском регионе, ее основные паттерны. Проанализированы экономические и социальные последствия *COVID*-19: повышение уровня бедности; усиление социального неравенства; увеличение внешнего долга и количества безработных, в том числе среди молодежи; сокращение предприятий малого и среднего бизнеса; рост социальной напряженности. Вышеперечисленные последствия особенно ощутимы в Эквадоре, где уровень только официальной безработицы с мая 2020 г. достиг 13,3%, до 80% предприятий малого и среднего бизнеса были закрыты или приостановили свою деятельность, а наиболее пострадавшими отраслями оказались туристический сектор, обрабатывающая промышленность, торговля и ремесленное производство. В рамках исследования авторы приходят к выводу о том, что помимо социальных и экономических последствий пандемии в ряде стран латиноамериканского региона произошел кризис политических систем, оказавшихся неспособными противостоять угрозе такого масштаба и характера. В работе использованы методы анализа и синтеза информации, статистический метод, а также метод системного анализа.

Ключевые слова: пандемия *COVID*-19, латиноамериканский регион, политический кризис, социальная напряженность, Эквадор, кризис власти, экономические и социальные последствия пандемии.

DOI: 10.31857/S0044748X0013516-6

Статья поступила в редакцию 03.10.2020.

Винисио Ксавиер Медина Гонсалес — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (РУДН) (РФ, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, xaviermedinagonza1988@gmail.com); **Аркадий Алексеевич Еремин — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, РУДН** (РФ, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, eremin-aa@rudn.ru).

ИСТОРИОГРАФИЯ РАССМАТРИВАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

Сложно спорить с тем, что любая тема, связанная с *COVID-19*, будет актуальной для любого региона и страны еще долгие годы. Человечеству еще предстоит оценить урон, нанесенный пандемией, не только на глобальном уровне, но и в отдельных государствах. В этой связи сложность академического осмысления масштабов *COVID-19* в Латинской Америке, в первую очередь, обусловлена небольшим количеством научных работ по этой теме. На момент написания данной статьи в научном обороте по указанной тематике в РФ можно выделить исследования только двух авторов — А.В.Будаева [1] и Е.Ю.Косевич [2]. В большинстве научных работ, индексированных в наукометрических базах *Scopus* и *Web of Science* по теме *COVID*-пандемии в ЛКА, рассматривается исключительно медицинский аспект проблемы, а не социальный, экономический и политический. В статьях же вышеупомянутых ученых представлены не только частные примеры последствий пандемии, но и проведена существенная работа по их обобщению, благодаря чему исследователи смогли определить основные тенденции развития эпидемии коронавируса и ее возможных последствий для латиноамериканских государств.

При написании работы, касающейся последствий *COVID-19* для латиноамериканского региона, невозможно не упомянуть проблему внутренних кризисов и протестных настроений, захлестнувших регион непосредственно перед развитием пандемии. Данные сюжеты в полной мере раскрываются в исследованиях таких видных российских латиноамериканистов, как А.Н.Пятаков [3] и Л.С.Окунев [4]. Эти авторы провели глубокий анализ социальных причин возникновения протестных движений в регионе ЛКА, а также проследили их развитие в рамках «правого поворота» и кардинального изменения государственной политики в ряде стран региона. Стоит упомянуть и одну из недавних работ З.В.Ивановского, где дана комплексная характеристика политического ландшафта латиноамериканского региона, включая вопросы политической, экономической и социальной нестабильности государств [5]. Среди западных ученых, пишущих на данную тему, можно назвать Рудольфо Диси [6], Даниеля Хауса [7], в статьях которых рассмотрены не отдельные примеры, а общая картина формирования протестных настроений в регионе.

В условиях влияния пандемии *COVID-19* на латиноамериканский регион актуальными являются труды по динамике «левых» и «правых» поворотов в Латинской Америке. Данная тема нашла отражение в работах уже упомянутой Л.С.Окуневой [8], во многом связывающей нынешний правый поворот со вспыхнувшими в регионе протестами, а также в совместных исследованиях Л.С.Хейфеца и В.Л.Хейфеца [9, 10]. Примечательно, что разрушительные последствия грядущего правого поворота авторам удалось предсказать еще в 2015 г. В их недавних исследованиях раскрываются результаты смены «правых» и «левых» поворотов в регионе в исторической ретроспективе, демонстрируется вся полнота негативных последствий данного явления для стран региона.

РАЗВИТИЕ ПАНДЕМИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В 2020 г. мир столкнулся с беспрецедентной ситуацией, обусловленной возникновением и распространениям во всех регионах планеты нового ко-

ронавируса *SARS-Cov-2.* Этот вирус, породивший мировую пандемию, повлиял на все сферы жизни общества, в том на числе экономическую, политическую, социальную, культурную и пр. *COVID-19* негативно отразился и на международных отношениях: усилилось соперничество между крупными государствами (преимущественно США и Китаем), были спровоцированы международные политические конфликты, снизились темпы экономического развития, прекратилось регулярное авиационное и морское сообщение, выросло социальное недовольство, в том числе политикой руководств ряда стран. Важной особенностью пандемии стало то, что даже богатые ресурсами развитые государства в большинстве своем оказались не способны эффективно решить данную проблему, результатом чего стали серьезные экономические, политические (репутационные) и человеческие потери. Крайне серьезно пандемия *COVID-19* отразилась на странах латиноамериканского региона, отличительными чертами которых являются институциональная слабость правительств и низкий уровень доверия к ним со стороны граждан, что усугубило негативные последствия эпидемии. Эти проблемы, требующие незамедлительного решения, обуславливают актуальность выбранной темы исследования и важность поиска направлений минимизации социальных, экономических, политических и иных последствий пандемии, в том числе для наименее развитых государств латиноамериканского региона. В данном ключе важным является не только рассмотрение опыта борьбы с пандемией и ее последствиями в отдельных странах, но и проведение компаративного анализа различных примеров из региона ЛКА, что позволит выделить как общие тенденции, так и особенности борьбы с *COVID-19.*

Последствия коронавируса в латиноамериканском регионе оказались крайне серьезными. Согласно статистике на конец октября 2020 г., здесь заразились 8 670 633 человека, умерли 271 433 человека, выздоровели 7 533 596 человек. Наиболее пострадавшие страны (по количеству заразившихся и умерших) — Бразилия, Колумбия, Аргентина, Перу и Чили (см. таблицу ниже).

Эквадор находится лишь на шестом месте в рейтинге наиболее пострадавших стран региона, однако уровень смертности относительно численности населения был там самым высоким, что объективно позволяет назвать страну одной из наиболее пострадавших непосредственно от эпидемии. Важно и то, что показатель количества зараженных может быть значительно ниже реального, так как в стране делалось крайне мало тестов на *COVID-19*. Если в Бразилии, например, на 209 млн населения отмечено 150 506 смертельных случаев (1 смерть на 1391 человек), то в Эквадоре с населением чуть более 17 млн человек соотношение лишь немного лучше — 1 к 1419 [12]. На конец ноября здесь зафиксировано 13 288 смертельных случаев из 187 230 заразившихся.

Первый случай заболевания вирусом был зафиксирован в Эквадоре 29 февраля 2020 г. 14 марта 2020 г. правительство объявило о закрытии границ для всех иностранных туристов, однако серьезных ограничений для граждан страны в этой время введено не было. Уже в апреле Эквадор был назван «эпицентром» пандемии в Латинской Америке. Так, за март 2020 г. коронавирусная инфекция распространилась практически во всех провинциях. Особенно серьезной ситуация оказалась в крупнейшем городе страны Гуаякиль. Отсутствие минимальных санитарных стандартов в уходе за пациентами с *COVID-19* привели к всплеску эпидемии, сделав Гуаякиль одним из городов с самым высоким уровнем заражения и смертности в мире. Стремительное распространение коронавирусной инфекции произошло из-

за запоздалой реакции властей на ситуацию и отсутствия оперативных шагов по борьбе с эпидемией. И хотя власти ввели карантинные меры, в том числе перевели часть сотрудников государственных учреждений и компаний частного бизнеса на удаленную работу, сократили для них рабочее время, закрыли крупные торговые центры, учебные заведения, рестораны, все это было сделано с опозданием (к 4 мая 2020 г. эти меры были ослаблены). Несмотря на то, что пандемия пришла в регион ЛКА значительно позже, чем во многие другие, а неизбежность ее распространения уже была очевидна, эквадорское правительство фактически упустило время, которое можно было использовать для подготовки к противодействию распространению вируса [1].

ЗАРАЖЕНИЕ КОРОНАВИРУСОМ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ НА 12.10.2020 (первая волна)

Страна	Всего заражений	% от общего населения	Смертельные случаи	Выздоровевшие	% Смертности
Бразилия	5 094 979	2,3	150506	4 470 165	2,95
Колумбия	911316	1,7	27834	789787	3,0
Аргентина	894206	1,9	23868	721380	2,7
Перу	849371	2,5	33305	743969	3,9
Чили	481371	2,5	13318	453352	2,7
Эквадор	**147033**	**0,8**	**12191**	**128134**	**8,2**
Боливия	138574	1,1	8308	101103	5,9
Венесуэла	83137	0,2	697	74664	0,8
Парагвай	49675	0,06	1077	32090	2,1
Гвиана	10144	3,4	69	9834	0,6
Тринидад и Тобаго	5101	0,3	90	3252	1,7
Суринам	5051	0,8	107	4845	2,1
Гайана	3469	0,4	103	2318	2,9
Уругвай	2294	0,06	50	1942	2,1
Фолклендские острова	13	0,4	0	13	0
Всего:	8 675 734	2	271523	7 536 848	3,1

Источник: [11].

Другим фактором, негативно повлиявшим на обстановку в Эквадоре, можно назвать слабый уровень развития медицины в стране, в частности, постоянную нехватку квалифицированных кадров, дорогостоящего оборудования и медикаментов. Кроме того, чиновники, работающие, в том числе, в сфере здравоохранения, регулярно становятся фигурантами коррупционных скандалов. Так, во время кризиса, связанного с коронавирусом, несколько сотрудников министерства здравоохранения оказались замешаны в коррупционном скандале после того, как выяснилось, что ведомство закупило специализированные мешки для трупов по цене, в 13 раз превышающей фактическую [2].

Дополнительным фактором, спровоцировавшим распространение коронавируса в Эквадоре, можно назвать низкий уровень доверия населения к государственной власти, во главе которой стоит непопулярный Ленин Морено (2017 — н/в). В таких условиях любые ограничения, связанные с *COVID-19*, как правило ущемляющие основные конституционные права граждан, будут восприниматься последним крайне негативно, что повлечет за собой нежелание подчиняться и может спровоцировать открытое игнорирование эпидемиологических мер и их саботаж. Наконец, стоит упомянуть традиционные особенности поведения эквадорцев, не привыкших к социальному дистанцированию. Характерными чертами эквадорского народа являются «общинность» и стремление к социальной коммуникации. Стремление населения к социализации вкупе с низким уровнем осведомленности людей об особенностях *COVID-19* привели к ускоренным темпам распространения инфекции.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Пандемия привела к серьезной трансформации в различных сферах общества. В латиноамериканском регионе наиболее серьезно пострадали Бразилия, Мексика, Эквадор, Перу, Чили и Аргентина. Ряд предприятий малого и среднего бизнеса в этих странах были разорены, усилилось социальное неравенство, повысилась доля безработных. Особенно сложная ситуация на рынке труда сложилась для молодых людей, женщин, представителей коренных народов, мигрантов, лиц африканского происхождения. Кроме того, по прогнозам Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в ближайшее время будет расти доля детей из беднейших семей, которые во время пандемии будут вынуждены выходить на рынок труда. Этот показатель может составить до 10,5 млн детей в возрасте от 5 до 17 лет (до 7,3%) [12]. Кроме того, некоторые страны региона оказались на пороге дефолта (Аргентина, Бразилия), увеличился объем внешнего долга, выросло недовольство правительством со стороны населения этих государств [1, с. 13].

Президент Эквадора Л.Морено еще весной 2020 г. заявлял, что ситуация с коронавирусом и его последствиями является беспрецедентной для страны. Он прогнозировал потери 50% доходов, нехватку 8 млрд. долл. в результате потерь, вызванных чрезвычайной ситуацией, а также 4 млрд. долл. общего дефицита бюджета [13]. Сегодня, в условиях развития второй волны пандемии в ряде стран мира, возрастает вероятность того, что прогнозируемые цифры будут на порядок выше.

В сентябре 2020 г. министр здравоохранения Эквадора Х.Севальос заявил, что правительство страны в ближайшее время выделит еще 219 млн долл. на борьбу с распространением коронавируса. Эти средства планировалось потратить на разработку новой стратегии отслеживания зараженных, а также на укрепление государственной системы здравоохранения — увеличение количества корпусов и мест в отделениях интенсивной терапии в инфекционных больницах, повышение заработной платы врачам и вспомогательному медицинскому персоналу [14]. При этом, как отмечалось выше, чиновники этого министерства уже оказывались в центре коррупционного скандала, что само по себе ставит под вопрос эффективность расходования этих денежных средств.

За несколько месяцев с начала пандемии в Эквадоре были закрыты сотни частных предприятий. Следует отметить, что почти 99% компаний в Латинской Америке, в том числе в Эквадоре, являются представителями

малого бизнеса. А именно на них пришелся основной удар пандемии, и они стали самыми уязвимыми для последовавшего экономического кризиса. После второй волны *COVID-19* ожидается уход с рынка очередного количества предприятий малого и среднего бизнеса. По состоянию на конец 2020 г. в результате закрытия таких предприятий работы лишились 150 тыс. эквадорцев. Официальный уровень безработицы увеличился с 4,9% в январе 2020 г. до 13,3% в июне 2020 г. При этом обычно принято считать, что реальный уровень безработицы в стране значительно выше. Подобная ситуация вызывает крайнее напряжение среди молодого, социально активного населения страны [15]. Согласно данным Национального института статистики и переписи (*Instituto Nacional de Estadística y Censo, INEC*), сегодня официальный уровень безработицы в Эквадоре достиг самых высоких показателей с 2007 г. Кроме того, *INEC* привел следующие данные: в период с мая по июнь из-за экономического кризиса около 493 840 эквадорцев перестали входить в категорию экономически активного населения (в январе 2020 экономически активное население составляло 62,3%), а неполная занятость в Эквадоре выросла до 34,5% [16].

Очевидные проблемы наметились и в области образования. Так, виртуальная форма обучения, предложенная министром образования, фактически исключила 50% детей и молодых людей из системы образования, поскольку у них нет доступа к Интернету [17]. Данный факт вызвал серьезное возмущение в обществе и еще больше повысил уровень недоверия населения к Л.Морено.

Немаловажным последствием пандемии также можно назвать обесценивание национальных валют. Особенно серьезно данная проблема проявилась в Бразилии, Чили, Аргентине, Мексике, Перу и Колумбии, то есть в наиболее развитых странах региона. Она усугубилась оттоком инвестиций, повлекшим за собой серьезное падение фондовых рынков региона. Подобный удар по экономике является настолько существенным, что грозит серьезным замедлением проведения структурных реформ в экономическом секторе, без которых невозможно развитие и восстановление государств ЛКА. По мнению Е.Ю.Косевич, экономику латиноамериканских стран ждет беспрецедентный спад, который усилит политическое и социальное давление нарастающих кризисов, а также не позволит региону в ближайшее время преодолеть общую экономическую отсталость и нивелирует любую возможность для ее представителей претендовать на глобальное лидерство в ближайшем будущем [2, с. 50].

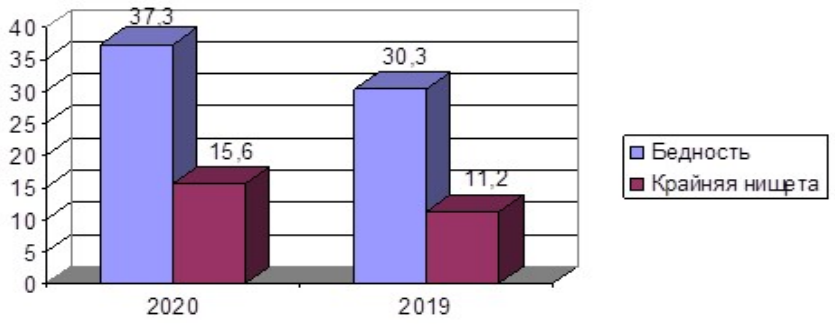
Социальный аспект неразрывно связан с экономической слабостью государств региона, в том числе и Эквадора. Во время карантина наименее защищенным слоям населения правительство этой страны выделяло пособие в размере 60 долл., однако при минимальных заработных платах в 394 долл. [18] эта сумма не могла способствовать тому, чтобы люди оставались дома. Таким образом, столь незначительная поддержка со стороны государства не произвела должного эффекта и еще больше усилила социальную напряженность. Еще одним немаловажным фактором, подогревающим экономическую нестабильность в Эквадоре, стала тяжелая ситуация для стран — экспортеров углеводородного сырья. Если во времена президента Рафаэля Корреа (2007—2017 гг.) цена на нефть была высокой, и страна успешно участвовала в ОПЕК, то уже при Л.Морено с его и без того спорным политическим курсом Эквадор более не мог поддерживать условия сделки ОПЕК+, из-за чего был вынужден отказаться от членства в организации. Без этого важного топливно-энергетического фактора, способствовавшего росту экономики, Эквадор уже не мог рассчитывать на меж-

дународную поддержку в том же масштабе, как ранее, в том числе и от КНР, ставшей за последние годы важным для Эквадора партнером. Все это углубляет экономический кризис и обостряет социально-политические противоречия в стране.

Следует отметить, что за несколько месяцев до пандемии, с середины 2019 г., в Латинской Америке наблюдалось увеличение числа социальных протестов, которые в большей степени охватили Гаити, Пуэрто-Рико, Венесуэлу, Боливию, Чили, Колумбию и Эквадор [3, сс. 42-43; 4, сс. 8-9]. В ряде стран этим протестам предшествовало серьезное ухудшение социальной ситуации. Например, в 2019 г. в некоторых государствах насчитывалось большое количество безработных, доступ к программам социальной защиты был крайне ограничен. На пособия по безработице, хотя их уровень был крайне низок, могли рассчитывать только люди, работающие в Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Уругвае и Эквадоре. Число граждан, живущих в условиях крайней нищеты, неуклонно увеличивалось. Большой процент такого населения наблюдается в Аргентине, Боливии, Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Колумбии, Коста-Рике, Сальвадоре, Чили, Эквадоре, Венесуэле, Доминиканской Республика, Мексике, Никарагуа, Панаме, Парагвае, Перу и Уругвае. Протесты проходили также и в Перу, но там они были вызваны в большей степени политическим противостоянием президентской и парламентской власти.

К 2019 г. в Эквадоре сложилась крайне тяжелая социальная ситуация. Согласно индексу социального прогресса, которым оцениваются различные индикаторы социального благополучия, в стране существенно осложнилась обстановка с доступом к воде, питанием, жилищными условиями, уровнем здравоохранения и образования, социальным обеспечением [20].

НАСЕЛЕНИЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ, ЖИВУЩЕЕ В УСЛОВИЯХ БЕДНОСТИ И КРАЙНЕЙ НИЩЕТЫ (в %)



Источник: составлено авторами по [19].

В докладе З.Б.Ивановского, представленного в рамках научной конференции, организованной Центром политических исследований Института Латинской Америки РАН, было подчеркнуто, что массовые протесты были «крайне разнородны и разновекторны». Они происходили и в относительно экономически благополучных странах континента, и там, где уже назрел глубокий системный кризис. В рамках этих акций были зафиксированы

многочисленные нарушения прав человека, силовые методы подавления протестов [5]. Все это не только не способствует выходу из самих кризисов, но и подрывает доверие к государству, что существенно снижает эффективность любых мер, в том числе и по борьбе с распространением коронавируса. Более того, каждая подобная акция несет в себе риск распространения инфекции, а их подавление лишь вызовет новый виток протестных настроений, заключая множество стран региона в некое подобие порочного круга.

Пандемия коронавируса только усилила социальную нестабильность, назревавшую в Эквадоре ранее. На протяжении последнего года росла социальная напряженность, все большее число граждан были недовольны политикой властей в лице Л.Морено. В основном это было и остается связано с тем, что достижения от тех реформ, которые проводились во время правления предыдущего президента Р.Корреа (в здравоохранении, образовании, в области социальной поддержки, укреплении гендерного равенства и национального суверенитета) были либо частично, либо полностью дезавуированы. Были свернуты или сокращены многие проекты по социальной поддержке граждан, программы в области здравоохранения и образования. Например, в начале октября 2019 г. правительство Морено отменило субсидии на топливо с последующим повышением цен на него. С 2016 г. активно сокращалось финансирование здравоохранения. Инвестиции в эту сферу с 306 млн долл. в 2017 г. сократились на 34% и составили 201 млн долл. в 2018 г., а затем снизились еще на 36% и исчислялись 110 млн долл. в 2019 г. [19]. Ситуация с пандемией *SARS-Cov-2* еще больше усугубила и без того сложную экономическую и социальную ситуацию.

Начавшийся с 16 марта 2020 г. карантин привел к тому, что практически 80% всех производственных предприятий в Эквадоре были либо закрыты, либо их деятельность была приостановлена. Перестали работать и предприятия сферы услуг, в которых было занято огромное число эквадорцев (предприятия общественного питания, непродовольственные магазины, гостиницы и пр.). К наиболее пострадавшим от последствий первой волны пандемии можно отнести туристический сектор, обрабатывающую промышленность, торговлю и ремесленное производство [21].

КРИЗИС ВЛАСТИ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ

В политических системах многих стран мира наблюдаются серьезные изменения, произошедшие во многом из-за пандемии коронавируса. Ряд политических систем подвергся серьезным испытаниям. Власти не везде смогли справиться с новыми вызовами, причем речь идет не только о менее благополучных государствах, но и о мировых лидерах. Нередко принимались неправомерные решения, которые не соответствовали национальному законодательству и запросам населения, и это неотвратимо отразилось, в том числе, и на социальной стабильности во многих странах: была ограничена свобода передвижения, что сказалось на настроениях граждан в обществах, пропагандирующих демократию; подверглись испытанию процессы глобализации, которые были существенно замедлены или приостановлены; начала разрушаться архитектура глобальной международной безопасности; усилилось недоверие общества к правящим элитам.

В процессе развития пандемии в странах Латинской Америки наблюдалось отсутствие единой позиции и плана действий у руководств государств региона. Некоторые латиноамериканские правительства, имея возможность выиграть время и подготовить медицинские мощности для борьбы с пандемией, предпочли намеренно приуменьшить серьезность ситуации, что впоследствии привело к серьезному недовольству граждан. Обострились споры в обществе о ценностях политических систем, об их эффективности, а также о возможности этих систем гарантировать социальные права гражданам и обеспечить безопасность жизни. Особенно это проявилось в Бразилии, где президент Жаир Болсонару (2019 — н/в) выступил в роли так называемого *COVID*-диссидента, полностью отрицая возможные риски для государства и населения. Это привело к серьезной политической конфронтации президента с рядом чиновников и губернаторов страны, которые заняли более ответственную и активную позицию, нежели глава государства.

В Эквадоре и Мексике, где уровень заболеваемости новой коронавирусной инфекцией также был высок, работа политической системы дала сбой по целому ряду причин, описанных ранее. Во время первой волны распространения вируса в Эквадоре наиболее серьезная ситуация наблюдалась в крупнейшем городе станы Гуаякиле. На какое-то время город оказался парализован и остался практически без управления, так как мэр был заражен коронавирусом, а его заместители осуществляли несогласованные, часто противоречащие друг другу действия. Это в очередной раз продемонстрировало отсутствие среди правящих элит консенсуса в ходе принятия необходимых мер по борьбе с пандемией. Важно отметить, что темпы распространение *COVID-19* в таких крупных городах, как Кито, тоже крайне велики. Здесь по состоянию на 10 января 2021 г. количество зараженных только по официальным данным достигло 71 641 человека с рекордным для страны ежедневным приростом по городу в 294 заболевших. Реакция властей столицы на проблемы, вызванные пандемией, оказалась не столь критичной, как в Гуаякиле, но можно отметить, что население страны до сих пор не готово к безоговорочному исполнению рекомендаций правительства. По состоянию на 18 января количество зафиксированных случаев заражения в Эквадоре перевалило за 231 644 с ежедневным приростом по стране в 3942 случая [11].

Сегодня в латиноамериканском регионе по-прежнему существуют серьезные противоречия между населением и правящими элитами. Следует отметить, что в регионе давно назревал социальный кризис из-за резкого «правого поворота», частично разрушившего тот задел на развитие, который заложили в предыдущие годы левые правительства [3, с. 20]. Например, в целом ряде государств региона, в том числе в Эквадоре, в последние годы сворачивались программы в сфере медицины и образования, а также поддержки безработных, что уже не раз приводило к нарастанию социальной напряженности. Когда правительства ряда государств выступили за жесткие карантинные меры, напряженность только усилилась (особенно в Аргентине и Боливии, где руководства стран ввели для населения строгие ограничительные меры). В Боливии, где с вводом строгих ограничительных мер население отдаленных регионов подверглось опасности умереть от голода, жители г. Кочабамбы устроили забастовку и заблокировали доступ на городскую свалку, что ухудшило и без того сложную санитарную обстановку. В Чили в мае 2020 г. после ужесточения карантина произошли столкновения между протестующими и полицией. В Мексике в процессе реализации карантинных мероприятий наблюдался рост числа убийств на

душу населения, а также краж и грабежей, беспрецедентных по своему масштабу за последнее десятилетие.

Согласно прогнозам специалистов, в латиноамериканском регионе в целом произойдет усиление авторитарных методов управления. Прогнозируются также рост националистических настроений и замедление интеграционных процессов [2], которые и так во многом сошли на нет в связи с резким сокращением роли Союза южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR*) и «правым поворотом» большинства правительств. Однако новая политическая и социально-экономическая реальность, складывающаяся в латиноамериканских странах, может создать условия для роста левых настроений [20]. Кроме того, уже сейчас наблюдаются антиглобализационные процессы, в том числе в Латинской Америке, где с большой долей вероятности могут усилиться позиции националистов-антиглобалистов, выступающих за создание сильных, самодостаточных и устойчивых национальных государств [22]. Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что в ближайшее десятилетие латиноамериканский регион и, в частности, Эквадор как одна из самых пострадавших от последствий коронавируса латиноамериканских стран, столкнутся с рядом новых трудностей в экономической, социальной и политической сферах.

Большая проблема Латинской Америки состоит в том, что перед глобальной угрозой пандемии регион оказался политически и идеологически разобщен на три противоборствующих блока: авторитарные, левые и правые правительства. Вполне вероятно, это — один из факторов, которые повлияли на нежелание правящих элит координировать усилия по борьбе с коронавирусом, что совпало со снижением значимости и активности интеграционных инициатив для государств региона. Радикальная смена власти в большинстве стран ЛКА стала причиной того, что к началу пандемии приоритетом для новых правящих элит был вопрос удержания и укрепления собственной власти, а также адаптации систем управления под новые ценности и цели правоцентристского толка. В этой связи интересен тот факт, что Мексика и Бразилия, которые являлись негласными лидерами региона, отказались брать на себя ведущую роль, предпочтя разбираться с проблемами, связанными с пандемией, только в своих странах и сведя значимость интеграции государств латиноамериканского региона к минимуму [2].

Пандемия только усугубила структурные проблемы латиноамериканских стран, которые накапливались десятилетиями. Сегодня государства региона столкнулись с серьезными трудностями, на преодоление которых потребуются политическая воля руководств этих государств и выверенные стратегии выхода из глубочайшего экономического, политического и социального кризиса.

В Эквадоре социальные и экономические последствия *SARS-Cov-2* сегодня усугубляются политическим кризисом, который возник за годы руководства Л.Морено и углубился в период пандемии. Прогнозировать дальнейшее развитие пандемии и ее последствия для Эквадора сейчас сложно.

Можно с уверенностью сказать, что нестабильная политическая, экономическая и социальная обстановка стали наиболее значимыми факторами, предопределившими масштаб проблем, связанных с эпидемией *COVID-19* в Латинской Америке. Фактически речь идет не об одиночных кризисных явлениях или какой-то общей слабости экономик или правящих элит, а о системном и фундаментальном кризисе

всего региона. Наиболее серьезная проблема стоит в том, что, находясь в самом разгаре одного масштабного кризиса, государства ЛКА столкнулись с другим, не менее значимым. Результатом этого стал некий «кризис в квадрате», где одно негативное явление усугубляет и пролонгирует другое. И если проблему *COVID-19* в перспективе можно окончательно решить с помощью эффективных и безопасных вакцин, а также формирования популяционного иммунитета, то экономическая стагнация и слабость правительств вкупе со сложной социальной обстановкой может привести к тому, что за регионом закрепится статус периферии без возможности усиления позиций на международной арене. В свою очередь это грозит формированием новых «несостоявшихся государств», что повлечет за собой обострение отношений между странами региона, всплеск военной агрессии, рост преступности и фактическую потерю контроля со стороны властей над территорией этих государств.

Главный урок, который можно вынести из описанной ситуации, — важность и даже приоритетность социальной политики в развивающихся странах. Левые правительства, сконцентрированные на социальной составляющей государственной политики, в большинстве своем не добились существенных успехов в экономике; но и ориентация на экономику в ущерб социальному развитию со стороны «правых» оказалась еще менее эффективной и даже разрушительной. В этой связи, вероятно, стоит сказать о разрушительности «правых» и «левых поворотов» в Латинской Америке, которые в силу недостаточной преемственности внутренней и внешней политики приводят к плачевным последствиям, когда лидеры очередной партии, получившей власть, первым делом пытаются не привнести что-то новое, а демонтируют все достижения и нововведения предыдущей [8-10]. Это хорошо видно на примере Эквадора, где, в частности, непосредственно перед наступлением глобального кризиса, обусловленного пандемией *COVID-19*, было сокращено финансирование здравоохранения. Очевидно, что для успешного выхода из крайне затруднительного положения, в котором оказалось большинство стран региона, необходимо избегать подобных контрпродуктивных «маятников» в политике, а единственным способом достичь этого остается поиск некоего идеологического консенсуса между правыми и левыми политическими силами государств Латинской Америки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Будаев А.В. Пандемия коронавируса в Латинской Америке: фактор отката в прошлое или стимул для развития? *Латинская Америка,* М., № 9, 2020, сс. 6-23 [Budaev A.V. Pandemiya koronavirusa v Latinskoj Amerike: faktor otkata v proshloe ili stimul dlya razvitiya?] *Latinskaya Amerika,* Moscow, N 9, 2020, pp. 6-23 (In Russ.).

2. Косевич Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт. Латинская Америка, М., № 10, 2020, сс. 39-53 [Kosevich E.Yu. Latinskaya America: koronovirus i noviy politicheskiy landshaft] *Latinskaya Amerika*, Moscow, N 10, 2020, pp. 39-53 (In Russ.).

3. Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 году. Глобальный контекст и эквадорский case-study. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2020, № 12, Т. 12, сс.7-43 [Pyatakov A.N. Fenomen social'nyh protestov v Latinskoj Amerike v 2019 godu. Global'nyj kontekst ie kvadorskij case-study] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2020, N 12, T. 12, cc.7-43 (In Russ.).

4. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? *Латинская Америка*, 2020, № 1, сс. 8-21. [Okuneva L.S. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smyisl sotsialnyih protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: what is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latinskaia Amerika,* 2020, N 1, pp. 8-21 (In Russ).

5. Ивановский З.Б. Политическая турбулентность в Латинской Америке: причины и последствия (обзор выступлений). *Латинская Америка,* № 7, 2020, сс.99-110 [Ivanovskij Z.B. Politicheskaya turbulentnost' v Latinskoj Amerike: prichiny i posledstviya (obzor vystuplenij)] *Latinskaya Amerika,* N 7, 2020, pp.99-110 (In Russ.).

6. Dici R.P. Policies, parties, and protests: explaining student protest events in Latin America. Social Movement Studies, vol 19, N 2., 2020, pp. 183-200.

7. House D. Civil resistance and violent conflict in Latin America: mobilizing for rights. Intelligence and National Security, vol. 35, N 5, 2020, pp. 758-761.

8. Okuneva L.S. Brasil consolida su rumbo a la derecha. *Iberoamérica*, N 4, 2019, pp. 44-62.

9. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота». *Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Международные отношения*. Т.15, № 4, сс.45-55 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika: praviy shtorm dlia «levogo povorota».] *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.* Vol. 15, N 4, pp. 45-55.

10. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. Электронный научно-образовательный журнал *История*, 5 (91), с. 16 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Praviy povorot v Latinskoy Amerike: istoriya i sovremennost] *Istoria*, 5 (91), p.16.

11. COVID-19 Coronavirus Pandemic. Worldometers. Available at: https://www.worldometers.info/coronavirus/ (accessed 14.12.2020).

12. Report on the economic impact of coronavirus disease (COVID-19) on Latin America and the Caribbean. Available at: https://www.cepal.org/en/publications/45603-report-economic-impact-coronavirus-disease-covid-19-latin-america-and-caribbean (accessed 23.12.2020).

13. Президент Эквадора заявил о потере почти 50% доходов бюджета из-за коронавируса. ТАСС. [Prezident Ekvadora zayavil o potere pochti 50% dohodov byudzheta iz-za koronavirusa. TASS (In Russ.)] Available at: https://tass.ru/ekonomika/851250 (accessed 24.12.2020).

14. Эквадор потратит $219 млн на борьбу с коронавирусной инфекцией. ИА Regnum [Ekvador potratit $219 mln na bor'bu s koronavirusnoj infekciej (In Russ.)] Available at: https://news.rambler.ru/other/44901954 (accessed 14.11.2020).

15. Безработица в Эквадоре существенно выросла в последние два месяца. Информационное агентство «Красная Весна» [Bezrabotica v Ekvadore sushchestvenno vyrosla v poslednie dva mesyaca (In Russ.)] Available at: https://rossaprimavera.ru/news/ff17254c (accessed 10.11.2020).

16. Instituto Nacional Estadística y censos. Available at: https://www.ecuadorencifras.gob.ec/institucional/home/ (accessed 10.11.2020).

17. Impacto social del Covid-2019 en Ecuador: desafios y respuestas. OECD, 2020. Available at: https://www.oecd.org/dev/Impacto-social-COVID-19-Ecuador.pdf (accessed 10.11.2020).

18. Эквадор. Минимальная заработная плата [Ekvador. Minimal'naya zarabotnaya plata (In Russ.)] Available at: https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/minimum-wages (accessed 14.11.2020).

19. Crespo S. O.Covid-19 Ecuador: Shock neoliberal y cuarentena perpetua. *Cuadernos del Pensamiento Crítico Latinoamericano* (CLACSO), № 76, 2020. Available at: https://www.clacso.org/wp-content/uploads/2020/07/Cuaderno-PLC-N76-Julio_2020.pdf (accessed 24.11.2020).

20. Борзова А.Ю., Павлова М.П. Сотрудничество стран Латинской Америки и Карибского бассейна по поддержанию устойчивого развития региона. *Латинская Америка,* №8, 2019, сс. 47-60 [Borzova A.YU., Pavlova M.P. Sotrudnichestvo stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna po podderzhaniy uustojchivogo razvitiya regiona] *Latinskaya Amerika,* N 8, 2019, pp. 47-60 (In Russ.).

21. В Эквадоре около 80% производства парализовано из-за коронавируса. РИА Новости [V Ekvadore okolo 80% proizvodstva paralizovano iz-za koronavirusa (In Russ.)]. Available at: https://ria.ru/20200327/1569216795.html (accessed 24.12.2020).

22. Акопов П. Мир после коронавируса станет другим – эксперт. Геополитика.ру, 17.03.2020. [Mir posle koronavirusa stanet drugim – ekspert [The world will change after the coronavirus–expert]. Geopolitica.ru, 17.03.2020. Available at: https://www.geopolitica.ru/ar-ticle/mir-posle-koronavirusa-stanet-drugim-ekspert (accessed 20.12.2020).

Vinicio X.Medina Gonzalez (xaviermedinagonza1988@gmail.com)
PhD, teaching fellow, RUDN University

Mikluho-Maklaya Str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Arkady A.Eremin (eremin-aa@rudn.ru)
PhD, senior lecturer, RUDN University

Mikluho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Latin America in the first wave of the *COVID-19* pandemic in 2020. Social and political aspects. Case of Ecuador

Abstract: The article examines the changes in the countries of Latin America that have occurred as a result of the spread of the new coronavirus *SARS-Cov-2*, including the example of Ecuador. In this paper authors provide general key characteristics of the development of the pandemic in the Latin American region. The research focuses on economic and social consequences of the *COVID-19* pandemic: an increase in the level of poverty; rising social inequality; growth of external debt; increasing unemployment (mostly among the youth); reduction or elimination of small and medium-sized businesses; growth of social tensions. These consequences are especially noticeable today for Ecuador, where the level of official unemployment alone has reached 13.3% since May 2020, and where up to 80% of small and medium businesses were closed, especially in the tourism sector and manufacturing industry. It is concluded that in addition to the social and economic consequences, a crisis of political systems has occurred in a number of countries in the Latin American region. For Ecuador, which has been seriously affected by the *COVID-2019* pandemic, political tension is also related to the fact that in 2021 the country will hold elections for the President of the Republic, whose leadership has been voiced by most of the citizens in recent years. The authors used such methods as analysis and synthesis, statistical method, and system analysis.

Key words: *COVID-19* pandemic, Latin American region, political crisis, social tension, Ecuador, power crisis, economic and social consequences of the pandemic.

DOI: 10.31857/S0044748X0013516-6

Received 03.10.2020.

М.Ю.Бердина, А.Э.Бердин

Региональные особенности развития особых экономических зон

На примере стран латиноамериканского региона

Экономическая деятельность многих современных государств связана с созданием и функционированием особых экономических зон (ОЭЗ). Они рассматриваются в качестве таких эффективных инструментов развития национальной экономики, как создание рабочих мест, рост экспорта, привлечение иностранных инвестиций, передача технологий и кадровая политика. ОЭЗ в латиноамериканском регионе имеют более чем вековую историю развития, но именно в 2000-х годах произошли заметные изменения их роли в экономиках отдельных государств. В статье выявляются особенности создания и функционирования ОЭЗ в Латинской Америке, а также определяются ключевые направления трансформации экономик некоторых стран региона с целью привлечения иностранных инвестиций в ОЭЗ.

Ключевые слова: особые экономические зоны, Латинская Америка, свободные точки, «якорные» компании, инвестиции в ОЭЗ.

DOI: 10.31857/S0044748X0012430-2

Статья поступила в редакцию 29.09.2020.

Особые экономические зоны (ОЭЗ) считаются высокоэффективным инструментом для создания рабочих мест, роста экспорта, привлечения иностранных инвестиций, передачи технологий и развития кадров [1]. Например, занятость в свободных индустриальных зонах Доминиканской Республики выросла с 500 человек в 1970 г. [2] до почти 200 тыс. человек сегодня. В Китае в последние

Марина Юрьевна Бердина — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства, Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 199000 Санкт-Петербург, ул. Б.Морская, 67, svitkova_marina@mail.ru); **Александр Эдуардович Бердин — старший преподаватель кафедры экономики высокотехнологичных производств Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения** (РФ, 199000 Санкт-Петербург, ул. Б.Морская, 67, berdin07@mail.ru).

годы на ОЭЗ приходилось около 22% национального ВВП, 46% прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и колоссальные 60% экспорта, при этом создавалось более 30 млн рабочих мест [3]. Дубай привлек более 2000 предприятий, в основном с иностранным капиталом, здесь находится около 24 ОЭЗ, в том числе широко известный *Dubai Media City* [3, 4].

Основные цели данной статьи — провести систематизацию особых экономических зон в Латинской Америке, выявить их национальные особенности и определить, где они развиты лучше всего. Исследование основывается на общенаучной методологии, а базой для его проведения являются статистические данные по числу ОЭЗ в мире и странах латиноамериканского региона, а также национальные документы и сведения, систематизирующие страновые данные о работе ОЭЗ, аналитические материалы международных организаций, контролирующие работу зон в мире. Авторами были изучены публикации Всемирного банка, ЮНКТАД, поскольку это — одни из немногих источников с наибольшим количеством доступных рабочих документов и специализированных отчетов, относящихся к экономическим зонам по всему миру. Для достижения целей данного исследования был также проведен обзор релевантной отечественной и зарубежной литературы, в основном за 2015—2020 гг.

Степень научной проработанности заявленной темы в настоящее время представляется недостаточной. В отечественной литературе вопрос изучен слабо. Несмотря на то, что первые исследования российских ученых по этой теме появились еще в конце 1990-х годов [5], в настоящее время нам удалось найти лишь незначительное число работ, где анализируются отдельные аспекты развития ОЭЗ в латиноамериканском регионе [6-10]. Особый интерес представляют труды российского автора, доцента СПбГУ А.Г.Коваль [7, 8, 10], в которых проведено исследование общих проблем функционирования ОЭЗ, а также рассмотрены ключевые задачи экономического развития, для осуществления которых ОЭЗ создавались в странах — членах *BRICS*. Профессор А.Х.Хакимов [6] обобщил международные аспекты применения эффективных институциональных форм реализации инвестиционных процессов на примере функционирования ОЭЗ США, Китая и Мексики. Вместе с тем российским авторам не удалось найти актуальной информации о специфике функционирования ОЭЗ не только в крупнейших странах латиноамериканского региона, но и в небольших государствах, где опыт создания ОЭЗ является порой более успешным, чем в ведущих странах.

В зарубежной литературе тема латиноамериканских ОЭЗ изучена более обстоятельно [11—19]. Признанные специалисты по исследованию ОЭЗ в мире Т.Фароль, Г.Акинчи, С.В.Фрик в своих работах проводят комплексный анализ функционирования ОЭЗ без особого акцента на страновые аспекты. Латиноамериканские исследователи, например, Р.Болин, Р.Мойзес, Ф.Салдивар и др., уделяют больше внимания отдельным страновым особенностям функционирования ОЭЗ в Панаме, Мексике, Доминиканской Республике и т.д. Однако комплексных исследований по деятельности ОЭЗ как в крупных, так и в малых государствах региона в работах зарубежных ученых нам также найти не удалось. В этой связи считаем целесообразным систематизировать современный материал по проблематике создания и функционирования ОЭЗ в регионе, а также определить основные характеристики ОЭЗ, присущие Латинской Америке.

МЕСТО ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ОБЩЕМИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОЭЗ

В некоторых государствах Латинской Америки ОЭЗ были созданы еще в середине XX в. (рис. 1). Большинство стран региона разработали свое действующее законодательство об ОЭЗ в 1990-х годах.

Рис. 1. КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОЭЗ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Страна	Год создания первой зоны	Страна	Год создания первой зоны
Пуэрто-Рико	1942	Сальвадор	1976
Панама	1948	Гондурас	1977
Багамские о-ва	1955	Коста-Рика	1978
Бразилия	1957	Сент-Китс	1978
Колумбия	1958	Сент-Люсия	1979
Чили	1958	Уругвай	1987
Каймановы о-ва	1967	Тринидад и Тобаго	1988
Доминиканская Республика	1969	Белиз	1990
Парагвай	1970	Перу	1991
Гватемала	1973	Аргентина	1995
Ямайка	1976	Куба	1997

Источник: [3].

С 2010 г. в регионе произошли значительные изменения: переименование, переориентация и расширение зон, а также открытие новых ОЭЗ в целях возрождения роли ОЭЗ в качестве двигателей экономического роста и создания рабочих мест. В настоящее время в Латинской Америке насчитывается почти 500 ОЭЗ (таблица 1), в которых размещено более 10 тыс. предприятий и работают около 1 млн человек (таблица 2).

Таблица 1

ЧИСЛО ОЭЗ В МИРЕ (по регионам), 2019 г.

	Общее число ОЭЗ	В том числе находятся на этапе развития	Запланированные дополнительные ОЭЗ
Всего в мире	**5383**	**474**	**507**
Развитые страны	374	5	—
Европа	105	5	—
Северная Америка	262	—	—
Развивающиеся страны	**4772**	**451**	**502**
Азия	4046	371	419
Восточная Азия	2645	13	—
Китай	2543	13	—
Юго-Восточная Азия	737	167	235
Южная Азия	456	167	184
Индия	373	142	61
Западная Азия	208	24	—
Африка	237	51	53
Латинская Америка и Карибский бассейн	486	28	24
Страны с переходной экономикой	**237**	**18**	**5**
Слаборазвитые страны	173	54	140
Наименее развитые страны	146	22	37
Островные государства	33	8	10

Источник: [3].

С точки зрения зарубежных владельцев капитала инвестиционный потенциал латиноамериканского региона довольно велик. ОЭЗ имеются почти во всех государствах Центральной и Южной Америки за исключением Суринама и Гайаны. В Карибском бассейне, напротив, ОЭЗ есть только в нескольких странах.

В процессе создания ОЭЗ правительствам стран не следует ограничиваться только налоговыми льготами. Необходимо снижать нормативные барьеры, которые могут сдерживать деловую активность и защищать от коррупции. Многие из существующих ОЭЗ обладают инвестиционным потенциалом. Наиболее развитые зоны в Латинской Америке могут сформировать благоприятную для

бизнеса среду, сопоставимую с наиболее динамично развивающимися мировыми центрами предпринимательства. Например, за период 1985—2000 гг. в рамках зональной программы Доминиканской Республики было создано более 100 тыс. рабочих мест в обрабатывающей промышленности, что позволило уменьшить чрезмерную зависимость экономики страны от сельского хозяйства.

Таблица 2

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА С НАИБОЛЬШИМ ЧИСЛОМ ОЭЗ, 2019 г.

Страна	Число ОЭЗ
Доминиканская Республика	73
Никарагуа	52
Коста-Рика	49
Гондурас	39
Колумбия	39
Бразилия	32

Источник: [3].

Для иностранных компаний, которые по различным причинам не могут позволить себе размещать свои филиалы за рубежом, ОЭЗ в Латинской Америке предоставляют эффективный вариант для производства и поиска поставщиков. ОЭЗ дают этим компаниям возможность производить и реализовывать свою продукцию со значительно более низкими затратами (стоимость местной рабочей силы, аренда земли, налоговые льготы, банковские ставки и пр.).

Как видно из таблицы 2, в каждой из указанных стран довольно много ОЭЗ, что свидетельствует о значительной инвестиционной привлекательности как отдельно взятого государства, так и региона в целом. Если сопоставить численность ОЭЗ с этим показателем в других странах, например европейских (см. таблицу 1), то преобладание ОЭЗ в Латинской Америке станет очевидно. А это говорит и о высоком инвестиционном потенциале этих стран, и о заинтересованности иностранных и национальных инвесторов во вложении средств в ОЭЗ латиноамериканского региона.

Создание ОЭЗ в странах Латинской Америки характеризуется следующими общими чертами [5]:

— ОЭЗ создаются по инициативе центральных органов власти, а не местных властей, исходя из общегосударственных интересов;

— созданию ОЭЗ предшествовала разработка соответствующей нормативно-правовой базы, практическая реализация которой осуществляется нередко через три-четыре года (так это было сделано в Бразилии в ОЭЗ «Манаус»);

— четкое определение типов ОЭЗ: производственные, экспортно-производственные, торговые, оффшорные и т.д. Такая детальная классификация позволяет в каждой стране региона определить различные величины налоговых, таможенных, фискальных и иных льгот;

— выделение под ОЭЗ ограниченных территорий, где развитие и увеличение ОЭЗ происходит благодаря росту количества предприятий и их оборота, а не за счет освоения новых земель (например, торговая зона «Колон» в Панаме с годовым оборотом в 8 млрд долл. за 40 лет своего существования не достигла даже площади в 300 га) [11];

— постепенное увеличение количества ОЭЗ.

ТИПОЛОГИЯ ОЭЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Первым видом ОЭЗ в Латинской Америке были торговые зоны. Льготы для их резидентов в основном касались таможенного обложения. Товары, ввезенные на территорию зоны, не подлежат обложению таможенными пошлинами и налогом на импорт, освобождены от других видов контроля над импортом, включаемых в таможенное законодательство страны. В ОЭЗ, находящихся, как правило, около крупных торговых портов (например, порт Барранкилья в Колумбии), резиденты зон, занимающиеся внешнеторговой деятельностью, имеют право осуществлять целый ряд операций с товарами без уплаты налогов (на срок до 1 года) и пошлин: ввоз/вывоз, перегрузка, складирование, хранение, продажи. Возможность беспошлинного хранения продукции в ожидании благоприятных изменений конъюнктуры на мировых рынках или на внутреннем рынке страны, где расположена ОЭЗ, чрезвычайно выгодна поставщикам. Поставки товаров из ОЭЗ на внутренний рынок облагаются импортной таможенной пошлиной, как на аналогичные товары, ввезенные из-за рубежа на обычных условиях.

Со временем в торговых ОЭЗ стали возникать предприятия по обработке ввозимых товаров, что позволило трансформировать их уже в более сложный вариант ОЭЗ — свободные производственные зоны. Подавляющее большинство производственных зон работает на экспорт. Например, в Бразилии, согласно закону № 3.173/57 о создании зоны «Манаус» [20], предприятия экспортно-производственных зон должны экспортировать 100% продукции. Тем не менее некоторые ОЭЗ (например, бразильская «Манаус» и остров Огненная Земля в Аргентине) работают только на внутренний рынок [21].

Правительства государств региона стремятся стимулировать увеличение потоков иностранных инвестиций и деловой активности в регионе, а также обеспечить конкурентоспособность своих стран по сравнению с другими высокопроизводительными региональными игроками. Коста-Рика, Панама и Белиз предлагают привлекательные варианты для создания офшорных зон. В Коста-Рике оффшорные компании освобождены от подоходного налога и налога на имущество, а налог на компании значительно снижен. Мексика и другие государства Латинской Америки становятся ведущими поставщиками информационных технологий и бизнес-услуг для клиентов из Северной Америки и Европы.

БРАЗИЛИЯ И УРУГВАЙ — ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПРИМЕРЫ УСПЕШНЫХ ЗОН

В Бразилии, крупнейшей экономике региона, из 32 ОЭЗ около 25 — это зоны свободной торговли (ЗСТ), но активно работают только три — «Сеара» и «Пиау» на северо-востоке страны и «Рио-Бранко» — на северо-западе. Законо-

дательство Бразилии об ОЭЗ предлагает налоговые и административные льготы для компаний-резидентов при условии, что 60% валового дохода компании должно быть получено от экспорта промышленных товаров и услуг [20, 22].

«Правительство Бразилии понимает, что ОЭЗ — это будущее международной торговли, и в ближайшие годы практически в каждом штате Бразилии будут созданы подобные зоны, — отмечает президент ОЭЗ «Сеара» Марио Лима … В этих зонах разместятся международные компании — разработчики программного обеспечения. Они будут привлечены к ЗСТ, тем более что в будущем у них будет более широкий доступ к внутреннему рынку Бразилии» [22]. ОЭЗ в Бразилии имеют серьезные ограничения: не хватает хороших дорог и доступа к аэропортам, чтобы обеспечить транспортировку товаров. Однако будущим зонам, специализирующимся на предоставлении услуг, для эффективной работы потребуется в основном только интернет-связь.

Столкнувшись с глобальной тенденцией использования особых зон, Бразилия в 1988 г. стала создавать зоны экспортной обработки в расчете на то, что они будут способствовать улучшению положения в депрессивных регионах страны, уменьшению дисбаланса и развитию страны в целом в экономическом, технологическом и социальном направлениях [13]. Однако с тех пор, как в Бразилии были созданы особые зоны, правительство постепенно стало утрачивать интерес к ним, так как параллельно с этими процессами в стране произошла серьезная реструктуризация экономики, которая привела к отсрочке реализации нескольких проектов, в том числе зон экспортной обработки.

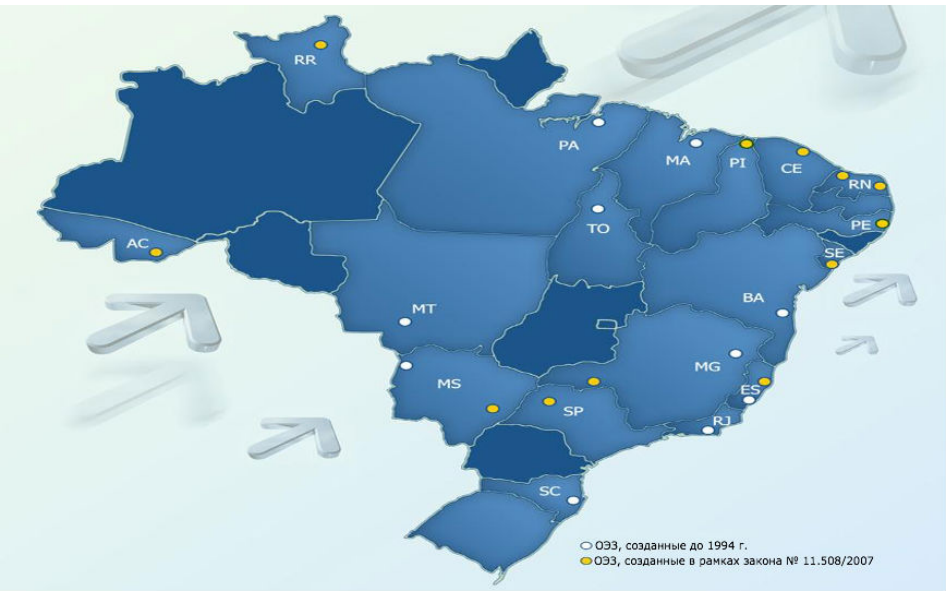
С принятием в 2007 г. Закона N 11.508 [23], создающего условия для появления новых экспортных зон в Бразилии, интерес к особым зонам в стране вновь повысился. Экспортные производственные зоны Бразилии предоставляют резидентам административные льготы при экспортно-импортных операциях, за исключением лицензий или разрешений на импорт сырья и капиталов. Однако эти лицензии не применяются в отношении санитарных мер, мер национальной безопасности и охраны окружающей среды. Долгосрочная правовая определенность является важным атрибутом этого режима: льготы предоставляются на 20 лет и могут быть продлены на такой же период.

В настоящее время в Бразилии насчитывается 18 подобных зон в 15 штатах (рис. 2). Основное, на чем специализируются резиденты зон, это — выращивание и поставки за рубеж фруктов, бразильских орехов, каучука (латекса), обработка древесины и рыбоводство, кожевенная промышленность, текстиль, керамика, гранит. ЭПЗ Бразилии зарекомендовали себя как важный инструмент поддержки национальных и иностранных инвестиций, ориентированных на внешний рынок.

Наряду с созданием экспортных производственных зон бразильское правительство развивало ОЭЗ, ориентированные на внутренний рынок. Яркий пример — знаменитая зона «Манаус» [24, 25]. Решение о создании свободной экономической зоны «Манаус» было принято Национальным конгрессом в качестве экономической альтернативы развития по традиционному пути и интеграции района внутренней Амазонии в экономику всей страны. Закон N 3173 от 6 июня 1957 г. о создании зоны «Манаус» предусматривал выполнение программы регионального развития. Однако этот

закон не был введен в действие, и СЭЗ «Манаус» была создана только спустя десять лет Декретом N 288/67. В документе отмечалось, что «Манаус» представляет собой зону свободной торговли и специальных налоговых льгот, учрежденную с целью создания во внутренней Амазонии промышленного, торгового и сельскохозяйственного центра с обеспечением соответствующих экономических условий для развития с учетом местных факторов и большого расстояния от центров потребления продукции.

Рис.2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭПЗ В БРАЗИЛИИ



AC: Сенадор Гумард	BA: Илеус	CE: Песем
ES: Аракруз и Вила Велья	MA: Сан Луис	MG: Теофило Отони и Убераба
MS: Корубма и Батагуассу	MT: Каререс	PA: Баркарена
PE: Суапе	PI: Парнаиба	RJ: Итагуайи
RN: Ассу и Макаиба	RR: Боа Виста	SC: Имбитуба
SE: Баррадос Кокейрос	SP: Фернандополис	TO: Арагуаина

Источник: [22].

Несмотря на изменения и дополнения, внесенные в законодательстве, суть зоны «Манаус» осталась той же: предоставление значительных субсидий производственному сектору. Более того, сектор услуг косвенно субсидировался за счет снижения импортных тарифов, поскольку розничные торговцы «Манауса» могли продавать импортные товары по более низким ценам. Как и в случае с другими проектами по развитию региона (например, строительство Трансамазонской магистрали), формирование «Манауса» было дорогостоящим мероприятием. Сегодня, примерно через 50 лет после создания, данная зона смогла создать социально-экономическую базу для эффективного развития экономики в регионе Амазонии, способствуя лучшей производственной и социальной интеграции региона с остальной частью Бразилии [25].

«Зонамерика» (*Zonamerica*) — первая и крупнейшая из ОЭЗ Уругвая, которые были основаны на средства частных инвесторов. Изначально запущенная как платформа логистики и дистрибуции, *Zonamerica* превратилась в многоплатформенную ОЭЗ для местных и международных компаний, в которой основное внимание уделяется технологиям и услугам с высокой добавленной стоимостью. Сегодня зона включает 30 зданий на площади 92 га в столице Уругвая Монтевидео. Из более чем 350 фирм ОЭЗ, в которых работают в общей сложности 10 тыс. человек, особое внимание уделяется частным банкам и финансовым корпорациям: 60 компаний работают в финансовой отрасли, что составляет 80% компаний по управлению активами, зарегистрированных в центральном банке Уругвая [26]. В целом на долю *Zonamerica* приходится 1,8% ВВП Уругвая.

В результате успешной работы *Zonamerica* для нее открылись новые возможности с точки зрения международной экспансии. В частности, возможность экспортировать данную бизнес-модель в Колумбию и Китай. Инвесторы рассматривают новые места вложения средств в других регионах Латинской Америки, Азии и Африке, чтобы создать «бизнес-среду в развитой стране внутри развивающейся страны» [26]. Для первого этапа своей международной экспансии *Zonamerica* выбрала город Кали в Колумбии. При объединении с колумбийской *Grupo Carvajal* с целью создания новой современной ОЭЗ в качестве резидентов зоны были приглашены компании, занимающиеся технологиями и услугами с высокой добавленной стоимостью. На данный момент в колумбийской *Zonamerica* находится 18 зданий, а также центр обработки данных на общей площади 38 га, в котором потенциально могут работать 17 тыс. человек.

Выход в Китай, который является главным торговым партнером Уругвая, стал следующим этапом в стратегии международной экспансии компании. В феврале 2018 г. в Китае открыли бизнес-центр в Фошане, в южной провинции Гуандун, чтобы стимулировать деловые связи между Китаем и Латинской Америкой и предложить существующим клиентам в Уругвае базу для развития их бизнеса за рубежом [26]. *Zonamerica* не объявляла о каком-либо новом расширении в краткосрочной перспективе, но дала понять, что она проверяет места для будущих возможных инвестиций, которые дадут новый импульс ее стратегии международной экспансии.

Несмотря на значительный прогресс в создании ОЭЗ в Центральной Америке и Карибском бассейне, Южная Америка — за некоторыми исключениями, такими, как Бразилия, Уругвай, Чили и Колумбия, — все еще отстает от тех стран, где ОЭЗ развиваются успешно, по целому ряду экономических показателей. Государства Южной Америки, только рассматривающие возможность создания собственных ОЭЗ, могут перенять опыт у других стран региона [27]. В частности, Доминиканская Республика, Сальвадор и Гондурас используют ОЭЗ, чтобы воспользоваться преимуществом преференциального доступа на рынки США. Эти страны, экономика которых ранее зависела от сельскохозяйственных товаров, создали у себя крупномасштабные производственные сектора.

МОДЕЛЬ «СВОБОДНЫХ ТОЧЕК» — ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ «ИЗЮМИНКА»

Организация особых экономических зон в виде «свободных точек» для одного предприятия* очень популярна в регионе, особенно в странах, которые относительно более зависимы от ОЭЗ для экспорта, включая Колумбию, Доминиканскую Республику, Ямайку и Мексику [28]. Распространенность этого типа ОЭЗ в некоторых странах региона была обусловлена политическим выбором для предоставления преимуществ в свободной зоне местным малым и средним предприятиям (в их существующем местоположении) и сосредоточения внимания на промышленной деятельности, которую сложно перенести в разделенную зону.

В частных и небольших по размеру ОЭЗ занято немного работников, и они вносят небольшой вклад (за некоторыми исключениями) в экспорт соответствующих стран по сравнению с относительно свободными зонами с несколькими предприятиями. Однако «свободные точки» — это, по сути, одна компания, поэтому сравнивать их с традиционными зонами, где сосредоточено много компаний, разных по размерам, не представляется целесообразным.

«Свободные точки» не относятся к определенной области. Компании вправе открывать свои предприятия в любом месте на национальной территории: в непосредственной близости от границы, на месторождениях сырья (древесина, сельскохозяйственная продукция, продукция горнодобывающей промышленности и т.д.), вблизи портов (например, для добычи и переработки рыбы и морепродуктов) или в менее привлекательных городах, расположенных в глубине страны. На компании, которые выбирают этот вариант, распространяются те же преимущества и ограничения, что и на фирмы, работающие в свободных зонах.

Подход со «свободными точками» аналогичен схеме работы таможенного склада, но предполагает более широкий спектр преимуществ. Официальная схема целей создания «свободных точек» часто совпадает с целями промышленной политики и может включать разработку «инвестиционного проекта с высоким экономическим и социальным воздействием» (Колумбия), «облегчение проблем безработицы» и усилия по «модернизации инфраструктуры [и] содействию внедрению новых технологий и знаний» (Мексика) [27]. Правительства разрешают «свободные точки» для одного предприятия конкретной отрасли, которая либо нуждается в значительных капиталовложениях, знаниях или технологиях, которых нет в стране, либо требует места, близкого к природным ресурсам или существующим клиентам, и в конечном итоге не может извлечь выгоду из кластерной экономики, предлагаемой ОЭЗ. Например, фермеры или агропромышленные компании, которым необходимо импортировать оборудование; порты, больницы и клиники (Колумбия); оффшорные разведочные платформы (Колумбия); а также, как в случае с Мексикой, производственные компании, ищущие недорогих работников [27, 29].

---

* Свободная точка для одного предприятия (*The single-enterprise free-point*) — специфическая разновидность ОЭЗ, предусматривающая создание благоприятных условий (инвестиционного климата, льгот и пр.) для одного конкретного предприятия, специализация в деятельности которого является по инвестиционным, политическим или экономическим соображениям важным для страны.

«Свободные точки» позволяют правительствам ориентироваться на конкретные отрасли, избегая при этом указания местоположения инвесторов зоны. Не находясь в разграниченных зонах, компании избегают «риска анклава» и, как считается, лучше интегрируются в местную экономику. Однако предоставление статуса свободной зоны существующим предприятиям увеличивает стоимость программ зон, что приводит к уменьшению числа существующих предприятий в рамках схем стимулирования, тем самым сокращая налоговую базу вместо привлечения новых инвестиций. «Свободные точки» для одного предприятия также считаются более подверженными коррупции, поскольку компании подкупают чиновников в обмен на статус свободной зоны. Кроме того, осуществлять контроль за обеспечением и соблюдением социальных и экологических правил в распределенных зонах сложнее, чем в специально отведенных местах. Наконец, в таких случаях нет обычных преимуществ промышленного развития на основе зон, включая синергизм, эффекты кластеризации и экономию на развитии инфраструктуры и услуг.

Как правило, наиболее важным и сложным аспектом такой схемы является соблюдение таможенных правил и контроль. Меры физического контроля могут быть довольно дорогостоящими, включая размещение сотрудников таможни в лицензированных помещениях. Вот почему во многих случаях страны перешли от физических схем к системам, основанным на документах и счетах. Например, в Мексике компании, работающие по схеме *IMMEX* (*Manufacturing, Maquila и Exports Services*), обязаны использовать специализированное программное обеспечение для отслеживания всего импорта, экспорта и отходов. Необходимы подробная отчетность об этих действиях и правильная классификация инвентаря, а нарушения могут привести к крупным штрафам и, возможно, к потере разрешения на *IMMEX*.

Самыми известными «свободными точками» являются мексиканские макиладорас, основанные в рамках Национальной программы индустриализации границы, начатой в 1960-х годах. Уполномоченные фабрики вдоль границы с США смогли беспошлинно импортировать материалы и производственное оборудование и экспортировать свою продукцию в США по более низким тарифам, чем из других стран. Поскольку целью Программы макиладорас было экономическое развитие обширного приграничного региона, режим распространялся на отдельные фабрики в любом месте этого района, а не на географически ограниченные зоны. Первоначально макиладорас занимались производством текстиля, простой электроники и иных промышленных товаров. Но к XXI в. они способствовали тому, что Мексика вошла в число ста крупнейших экспортеров автозапчастей и усилила свои позиции в других отраслях, таких как авиакосмическая промышленность, электроника, медицинские приборы и альтернативная энергетика. Успех макиладорас, подкрепленный присоединением страны к НАФТА в 1994 г., способствовал росту благосостояния северной части Мексики с высоким уровнем иностранных инвестиций. Южная часть страны при этом осталась позади.

С целью устранить региональное неравенство в 2016 г. был принят закон о создании семи новых ОЭЗ на юго-востоке Мексики и дополнительной зоны в северном пограничном регионе. Инициатива была направлена на снижение яв-

ных диспропорций в уровнях экономического развития внутри станы — от относительно богатых северных штатов до отсталых аграрных южных регионов.

Мексика создала свою первую ОЭЗ в тихоокеанском порту Ласаро Карденас, на границе штатов Мичоакан и Герреро, а остальные три — на перешейке Теуантепек (штаты Веракрус и Оахака), Пуэрто-Чьяпас (Чьяпас), и коридор Коацакоалькос/Сьюдад-дель-Кармен (Кампече) (рис. 3). Цель состояла в том, чтобы к 2018 г. в каждой ОЭЗ работала как минимум одна «якорная компания»* [14].

Рис. 3. РАСПОЛОЖЕНИЕ ОЭЗ В МЕКСИКЕ

Примечание: ОЭЗ «с декларацией» — значительная часть мексиканских ОЭЗ, созданы по итогам издания в 2017—2018 гг. президентом Энрике Пенья Ньето указов, определяющих мексиканские регионы с высокими темпами развития (показанные на карте темно-зеленым цветом) как особые экономические зоны. Структуры «с правом» — тип предприятий, которые расположены в самых бедных регионах и еще не имеют такого статуса [30].

При разработке стратегии в отношении ОЭЗ Мексика опиралась, в том числе, на опыт Китая. В 1980-е годы в КНР были созданы ОЭЗ (Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу в провинции Гуандун), на долю которых в настоящее время приходится 22% ВВП, 46% прямых иностранных инвестиций и 60% экспорта страны, а также 30 млн рабочих мест [31]. Однако, несмотря на впечатляющие результаты китайских ОЭЗ, ставка Мексики на них может быть довольно рискованной.

* Под «якорными» понимаются компании, специализирующиеся на квалифицированном высокотехнологичном бизнесе, который является неотъемлемой частью высокотехнологичной деятельности и оказывает или может оказать влияние на бизнес-решения и местонахождение квалифицированных поставщиков и клиентов.

Оценивать аналогичные модели развития во всем мире как успешные не совсем верно [32]. Случается, что инвестиции не привлекаются в ожидаемых объемах, как это было на Гаити, а иногда инвесторы могут уйти через несколько лет производственной деятельности в ОЭЗ, как это произошло в Доминиканской Республике [15]. Даже в тех случаях, когда привлечение ПИИ было возможно, большинство ОЭЗ не смогли создать надлежащий экономический климат, в котором местное население получило бы ощутимые выгоды, в частности, справедливую заработную плату [16]. Лишь небольшому числу ОЭЗ удалось должным образом развить местную промышленность на базе привлеченных иностранных инвестиций (например, в Гондурасе). Как отмечали эксперты Всемирного банка [33], даже в Китае многие ОЭЗ в итоге привели к развитию анклавной экономики, в которой поток инвестиций осуществляется по принципу «стремительной гонки вниз» оплаты труда, а рабочие места создаются на основе утверждения, что «низкооплачиваемая работа лучше, чем ее отсутствие».

В случае с Мексикой маловероятно, что применение модели ОЭЗ приведет к существенному улучшению положения беднейших штатов. Если мексиканское правительство планирует использовать ОЭЗ для развития своих депрессивных регионов, то, на наш взгляд, шансов реализовать данное намерение для этих штатов у него мало [34]. С точки зрения научной экспертизы авторы бы порекомендовали мексиканским властям вести переговоры с потенциальными инвесторами, которые готовы инвестировать в любой (в том числе в депрессивный) регион страны, а не делать ставки только на те компании, которые могут инвестировать в большом объеме в процветающие штаты.

Чтобы добиться успеха в функционировании своих ОЭЗ, по мнению авторов, Мексике необходимо сделать акцент на следующих моментах.

1. Выбрать социально ответственную администрацию ОЭЗ. Будет эффективнее, если каждая из ОЭЗ Мексики будет управляться «интегральным администратором» — частной или полугосударственной компанией, отвечающей за разработку, регулирование, администрирование, строительство и обслуживание зоны в течение установленного периода продолжительностью до сорока лет [35]. Интегральные администраторы могут быть отобраны властями из конкурирующих предложений, поданных разными участниками торгов. Интегральные администраторы будут оказывать сильное влияние на процессы, происходящие внутри ОЭЗ, — от установления правил работы и рекомендаций по предотвращению несчастных случаев до получения прибыли от сдачи в аренду свободных площадей зоны и услуг, которые она будет предоставлять инвесторам. В результате выбор такого администратора вполне может стать одним из самых важных публичных предложений, которые Мексика будет реализовывать за последние 20 лет. Этих служащих следует выбирать не только по умению действовать, но и по способностям ставить амбициозные социальные цели. В ходе отбора и оценки лучших кандидатов на должность интегрального администратора решающее значение должны иметь такие критерии, как получение максимально возможной чистой экономической выгоды для Мексики с

точки зрения вкладываемых инвестиций, а также создание рабочих мест и демонстрационного эффекта.

2. Критерием успеха должны быть результаты, достигнутые за счет местных ресурсов развития, а не благодаря привлечению иностранных инвестиций. Правительство Мексики определило цель ОЭЗ с точки зрения развития региональных производственно-сбытовых цепочек и расширения местных государственных услуг, но не в том, *как* этого достичь. Власти страны в целом оказывали значительное влияние на появление тех сообществ, где прямые иностранные инвестиции помогли создать конкурентоспособные местные бизнес-сообщества [17]. Правительство должно стимулировать «сватовство» между иностранными инвесторами и местными компаниями [16]. Оно также должно помочь местным жителям получить земли для ведения бизнеса, обеспечить доступ к обучению для создания прибыльного местного бизнеса и правовой защите [6]. В качестве примеров успеха можно привести опыт Тайваня и Южной Кореи: власти активно проводили политические интервенции, которые способствовали интенсификации связей с местными компаниями. Важно понимать, что развитие и улучшение жизни значительной части местного населения является обязательным условием для долгосрочного функционирования ОЭЗ. Как показал опыт Индии и Бангладеш, когда регионы, окружающие ОЭЗ, лишены гражданских прав и бедны, народные восстания против проекта становятся обычным явлением [25, 26].

3. Избегать отраслей, которые повышают конкурентоспособность за счет низкооплачиваемой работы. Эксперты Всемирного банка признали, что в результате большинства инициатив ОЭЗ, как правило, создаются низкоквалифицированные, малооплачиваемые рабочие места [19]. Необходимо разрабатывать условия развития отраслей, для работы в которых требуются квалифицированные кадры. Один из способов сделать это — адаптировать учебные программы и потребовать от компаний обучать своих сотрудников. Изучение английского языка также имеет важное значение, так как отсутствие языковых навыков — одно из основных препятствий мобильности внутри транснациональных корпораций [9]. Еще один способ избежать гонок за минимальными зарплатами — это осуществлять регулирование таким образом, чтобы по крайней мере 85% от общей заработной платы приходилось на долю местных рабочих (к примеру, это успешно делает Гондурас).

4. Продвигать «якорные компании», которые являются сложными, а не простыми и эксплуататорскими. Цель правительства Мексики — «обеспечить инвестиции от «якорной» компании в каждую ОЭЗ», но более важной целью, несомненно, должно быть обеспечение инвестиций именно от «якорной» фирмы, стратегически важной для каждого региона страны. Торопиться с выбором «якорной» компании нельзя. Крайне важно, чтобы Мексика находила время для привлечения сложных отраслей, а не только той первой отрасли, которая решила инвестировать в страну. Под сложными отраслями понимаются такие, которые обладают большими возможностями распространения знаний в регионы. Отрасли, которые продвигают простую производственную

деятельность, могут показаться привлекательными в краткосрочной перспективе, но в конечном итоге их функционирование может привести к весьма нежелательным экономическим последствиям, например, к технологической отсталости, производству слабо конкурентноспособной продукции и т.п. [36].

5. Избегать «эффекта гриба», означающего быстрое создание множества ОЭЗ, которые конкурируют друг с другом [33]. Конкуренция полезна для инноваций и роста, но она целесообразна в нужное время. Слишком высокая конкуренция и преждевременное принятие решений могут помешать консолидации ОЭЗ Мексики. Перед масштабированием зон важно убедиться в том, что одна или две ОЭЗ работают правильно. Более того, может потребоваться инкубационный период, иначе некоторые ОЭЗ могут в конечном итоге конкурировать между собой и даже с развитым севером страны, где активно развиваются макиладорас. На сегодняшний день на долю пяти мексиканских штатов приходится 55% всего экспорта Мексики (Чьяпас, Коауила, Нуэво-Леон, Нижняя Калифорния и Тамаулипас). ОЭЗ должны привлекать новых инвесторов, а не только тех, которые уже находятся в этих пяти штатах.

Важно отметить тот факт, что для привлечения ПИИ снижения налогов и предоставления дешевой рабочей силы недостаточно [16, 32]. Напротив, исследования по этой проблеме убедительно показывают, что успех ОЭЗ обеспечивают не фискальные привилегии, а более расширенные условия конкурентной среды для ведения бизнеса [32]. Такие факторы, как инфраструктура, доступность человеческого капитала и стоимость энергии, в большей степени определяют привлекательность инвестиций, чем налоговые льготы и низкая заработная плата. Мексика должна создать разумные стимулы: обеспечить верховенство закона, высокое качество человеческого капитала, сильные партнерские отношения между правительством и частным сектором и оказывать поддержку производственно-сбытовой цепочки.

В Колумбии также популярна модель «свободных точек». Местное законодательство [37] позволило отдельным компаниям (иностранным или местным), которые инвестируют в крупные проекты с высоким экономическим и социальным воздействием, стать зонами свободной торговли. Требования к инвестициям и квалификации работников для предприятий, которые планируют стать свободными точками одной компании, немного отличаются от тех требований, которые предъявляются к участникам традиционных ОЭЗ. На сегодняшний день существует 72 таких точки, работающих в различных сферах и отраслях, включая агробизнес, порты, больницы и клиники, а также разведочные работы на море. Эти точки стали важным источником занятости: 72 из них составляют менее 10% от общего числа инвесторов. Эти инвесторы в основном работают по схемам комбинирования традиционных свободных зон и «свободных точек». Всего в Колумбии в 2018 г. насчитывалось 979 таких «свободных точек», на которые приходилось 42% рабочих мест [38].

Хотя ОЭЗ в странах с низким уровнем дохода, таких как Гондурас и Никарагуа, по-прежнему сосредоточены на трудоемких отраслях, в основном на швейной и текстильной промышленности, под давлением

конкурентов из Азии, производящих дешевую продукцию, многие реструктурируют ОЭЗ, чтобы обеспечить более высокую добавленную стоимость и привлечь компании в соответствующие виды деятельности. Некоторые экспортеры, например, *GrupoM*, отреагировали на усиливающуюся конкуренцию среди ОЭЗ, открыв зоны в соседнем Гаити, чтобы воспользоваться более низкими затратами на рабочую силу и преференциальным доступом к рынку США. В связи с возможным истечением срока действия Программы льгот по импорту в Доминиканской Республике (*Earned Import Allowance Program, EIAP*) [2], которая позволяет осуществлять беспошлинный экспорт одежды в США, Национальный совет по свободным зонам не только лоббирует расширение экспорта, но и работает над открытием новых экспортных возможностей в Европе (в том числе в Испании, Германии и Финляндии), в то же время изучая возможности сотрудничества с Китаем и африканскими странами (Марокко).

Например, Доминиканская Республика активизировала усилия по привлечению новых инвесторов в более высокотехнологичное производство и услуги. Программа считалась успешной, что позволило привлекать иностранные инвестиции, и способствовала устойчивому экономическому росту в 1990-х годах. На своем пике в 2003 г. на долю компаний ОЭЗ приходилось 7,5 % ВВП страны [2, 12]. Ключевыми факторами успеха являются близость страны к потребительскому рынку США, преференциальные торговые соглашения, стимулы, предоставляемые ОЭЗ, и доступность дешевой рабочей силы.

На рубеже веков, однако, страна столкнулась с внешними потрясениями: глобальный экономический спад, рост цен на нефть и, для текстильного сектора, который тогда лежал в основе ОЭЗ, — прекращение действия Соглашения по изделиям из различных видов волокон *(Multi-fiber Arrangement)* в 2005 г., вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г. Количество компаний в ОЭЗ уменьшилось, экспорт из них сократился, а программа оставалась неизменной до 2010 г.

В этом контексте местные инвесторы ОЭЗ на национальном и региональном уровнях стремились к расширению доступа к рынкам в США. Через руководство официальной торговой ассоциации ОЭЗ (*Asociación Dominicana de Zonas Francas, ADOZONA*) и регулирующего органа ОЭЗ — Национального совета по свободным зонам — они успешно лоббировали присоединение Доминиканской Республики к Соглашению о свободной торговле в Центральной Америке (2007 г.) и к Соглашению об экономическом партнерстве между Карибским бассейном и ЕС (2008 г.) [15].

В сотрудничестве с учреждениями, занимающимися вопросами развития трудовых ресурсов, в компаниях поощрялось развитие человеческого капитала с целью поддержать модернизацию производственного профиля страны. В то время как иностранные производители в текстильной промышленности перенаправили свои интересы в экономику с более низкими затратами, местные фирмы инвестировали в новые технологии (например, новые типы волокон) и человеческий капитал, чтобы иметь возможность вертикально интегрироваться и оставаться конкурентоспособными с низкозатратными производителями.

Местные доминиканские инвесторы развивали межотраслевые связи и диверсифицировали производство. Некоторые переориентировали производство с одежды на обувь, некоторые создали колл-центры и совместные предприятия с индийскими IT-компаниями, а другие инвесторы открыли фабрики и ОЭЗ в соседней Гаити. В рамках этого частного соглашения Национальный совет по свободным зонам и *ADOZONA* активизировали усилия по привлечению новых инвесторов из развивающихся отраслей, включая услуги (колл-центры и аутсорсинг бизнес-процессов), хирургическое оборудование, фармацевтику, ювелирные изделия, электротехнику, бытовую технику.

С 2010 г. экспорт, выпуск и количество работников ОЭЗ в Доминиканской Республике восстановились и продолжили расти, хотя еще не достигли уровня начала 2000-х годов относительного вклада в ВВП или общего экспорта. Их доли стабилизировались на уровне 55% общего объема экспорта и 3,2% ВВП — ниже, чем прошлые уровни в 85% и 8%, соответственно, что указывает на рост экономики, не связанной с ОЭЗ. Количество индустриальных парков с 2012 г. выросло на треть, составив 73 зоны на настоящий момент [3, 17]. Производство в ОЭЗ стало более диверсифицированным: экспорт медицинской и фармацевтической продукции составил более четверти общего экспорта, а электротехническая и электронная продукция — примерно такую же долю (16 %), что и традиционная швейная и текстильная промышленность в 2018 г. США по-прежнему представляют самый крупный рынок, причем большинство компаний (58%) Доминиканской Республики экспортируют туда, хотя с 2000 г. эта доля сократилась (с 86%). В 2017 г. ОЭЗ обеспечили около 166 тыс. прямых рабочих мест и, по оценкам, 250 тыс. — косвенных, большинство из которых по-прежнему занимали низкоквалифицированные работники (так называемые синие воротнички, 71%), хотя с 2012 г. доля технических сотрудников неуклонно росла [17]. Ряд ОЭЗ заключают соглашения о сотрудничестве с местными университетами. Обучение по программе, предлагаемой Национальным институтом профессионально-технического обучения и *ADOZONA*, расширяет долю работников ОЭЗ. В 2018 г. министерство образования подписало соглашение с *ADOZONA* и Национальным советом зон свободного экспорта *(Consejo Nacional de Zonas Francas de Exportación, CNZFE)* об улучшении качества высшего образования, чтобы сделать его более актуальным для компаний ОЭЗ.

В Коста-Рике ОЭЗ эволюционировали от размещения производства и услуг с низкой добавленной стоимостью (например, текстиля) до более высокотехнологичного производства, прежде всего медицинского оборудования, и передовых услуг, таких, как сложные общие центры обслуживания и НИОКР [39]. Колумбия использует концепцию ОЭЗ и «свободных точек» для одного предприятия в качестве партнерства между государственным и частным секторами для инноваций, устранения пробелов в финансировании и знаниях и развития отдельных отраслей, включая государственные услуги. С 2000 г. «свободные точки» для одного предприятия финансировали строительство и эксплуатацию 12 больниц и клиник, благодаря чему страна превратилась в одно из мест оздоровительного туризма.

Помимо конкуренции со стороны азиатских стран государства Латинской Америки, особенно малые экономики в Центральной Америке [18], сталкиваются с рядом серьезных проблем. Зависимость этих экономик от рынка США делает их уязвимыми к воздействию торговых шоков. Недавняя фискальная реформа в Соединенных Штатах ослабила привлекательность некоторых латиноамериканских ОЭЗ, особенно в тех странах, которые еще не имеют хороших позиций в глобальной цепочке ценностей.

Еще одной проблемой является неустойчивость налоговых стимулов. В странах, где ОЭЗ составляют важную часть экономики, правительства предусматривают значительные суммы потенциальных налоговых поступлений. В 2018 г. Коста-Рика приняла закон о налоговой реформе, чтобы заменить налог с продаж налогом на добавленную стоимость [39]. Аргентина, Бразилия, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Мексика, Парагвай, Перу и Уругвай за последние пять лет пересмотрели свои стратегии зон свободной торговли, стремясь сделать так, чтобы специальные режимы стали более благоприятными для экономического развития. Новые режимы больше ориентированы на внутренний рынок и специализацию кластеров, что делает их более похожими на индустриальные парки и зоны развития [19]. В течение следующих пяти лет 20-30 новых ОЭЗ могут быть созданы или введены в эксплуатацию согласно новым режимам.

ВКЛАД ОЭЗ В ЭКОНОМИКУ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА

Основное влияние, которое оказывает функционирование ОЭЗ в любой стране, — это приток национальных и иностранных инвестиций в экономически активные сектора. Главным принципом привлечения значительных объемов местных и иностранных инвестиций в ОЭЗ по-прежнему является разработка конкретных государственных стратегий, применимых исключительно в этих зонах, которые служат основными стимулами для компаний. Различные типы стимулов, предоставляемые как местным, так и иностранным компаниям, можно кратко сформулировать так: преференциальный режим в отношении налогов, стоимости земли, ссуд, кредитов и т.д.; большая свобода для инвесторов с точки зрения доходов и собственности; преимущества местной дешевой рабочей силы, инфраструктуры, услуг и т.д.; административные преимущества в зонах для упрощения и унификации формальностей [19].

Следующий значимый экономический результат эффективной работы ОЭЗ связан с занятостью и экспортом. Начиная с 1970-х годов, в Восточной Азии и Латинской Америке первые программы экономических зон были разработаны для привлечения инвестиций со стороны трудоемких транснациональных корпораций [32]. ОЭЗ создают для соседних регионов положительные внешние эффекты. Такие эффекты прибрежных предприятий-инвесторов, где расположены СЭЗ, являются значительными, надежными и экономически важными: увеличение ПИИ в прибрежные зоны повышает темпы роста внутренних городов в среднем на треть [38]. Без этого латиноамериканская периферия не развивалась бы так быстро. Таким образом, взаимодействие внутри цепочек поставок между национальными компаниями и иностранными инвесторами является важным каналом, через

который внутренние регионы получают дивиденды от положительных межрегиональных внешних эффектов, достигаемых благодаря иностранным инвестициям. В случае Мексики это — хорошая возможность для экономического роста в штатах, регионах и муниципалитетах, на которые непосредственно влияют ОЭЗ, путем их интеграции в местную экономику через производственные цепочки и возникающие местные кластеры.

Основная цель привлечения как местных, так и иностранных инвестиций в экономические зоны государств Латинской Америки и Карибского региона, по нашему мнению, — прямо или косвенно создавать рабочие места. Правительства стран с помощью ОЭЗ стремятся стимулировать экономику путем поощрения взаимодействия между компаниями, повышения производительности за счет строительства конгломератов или привлечения технологически передовых промышленных предприятий. Наконец, достижение экономических результатов в работе ОЭЗ способствует улучшениям в социальной сфере — повышению уровня занятости и обеспечению достойной заработной платы для местного населения [40].

После Второй мировой войны правительства стран Латинской Америки пытались развивать национальные экономики за счет защитных тарифов и субсидирования местного производства. Эти усилия часто приводили к развитию дорогостоящего и неэффективного производства в дополнение к растрате капитальных ресурсов. В 1960—1970-х годах, когда начали развиваться ОЭЗ, власти осознали, что субсидирование национального производителя было непродуктивным. Таким образом, многие страны Латинской Америки обратились к альтернативной стратегии экспортно ориентированного производства, неолиберальному подходу. Однако в условиях нехватки капитала, относительно слабого технологического опыта и ограниченного доступа к международным рынкам было необходимо привлекать ПИИ. Благодаря ОЭЗ ТНК могли воспользоваться преимуществами нового международного разделения труда.

Формулируя основной вывод, отметим, что ОЭЗ, конечно, не являются волшебным средством для экономического развития. Однако есть множество обнадеживающих примеров, в том числе в Латинской Америке, когда ОЭЗ приносили пользу местному населению и стране в целом. Большинство южноамериканских зон относительно поздно присоединились к этой форме инновационной экономической политики.

ОЭЗ в латиноамериканских странах являются хорошим примером того, как извлечь выгоду из глобализации капитала и рабочей силы. Ключевым вопросом политики в отношении ОЭЗ становится поиск баланса между положительными эффектами глобализации и множеством проблем безопасности, которые она порождает. Это важно не только для разработчиков внутренней политики, но также для региона и международного сообщества. Перспективные и инвестиционно привлекательные страны (Бразилия, Мексика, Доминиканская республика, Уругвай и пр.) благодаря своим ресурсам, инвестиционным проектам и грамотной политике властей вполне могут рассчитывать на эффективную работу ОЭЗ, в том числе с активным привлечением иностранных инвесторов-резидентов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Job creation made easy: The Colombia, Panama, a. South Korea free trade agreements: Hearing before the Comm. on foreign affairs, House of representatives, 112th Congr., 1st sess., Sept. 23, 2011. Washington: Gov. print. off., 2011. – III, 68 p.

2. Kaplinsky, R. Export Processing Zones in the Dominican Republic: Transforming manufactures into commodities. *World Development*, (1993), vol.21 (11), pp. 1851-1865.

3. UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. New York and Geneva: United Nations. 2020, 220 p.

4. FIAS (Foreign Investment Advisory Service). Special Economic Zones: Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development. Washington, DC: FIAS. 2008, 72 p.

5. Сизоненко А.И.Свободные экономические зоны в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН, 1996, 82 с. [Sizonenko A.I. Svobodnyye ekonomicheskiye zony v Latinskoy Amerike [Free economic zones in Latin America]. Moscow, ILARAN, 1996, 82 p. (in Russ).

6. Хакимов А.Х. Особые Экономические Зоны: Международные аспекты функционирования. *Экономика и управление,* 2016, № 11 (133), сс. 38-42. [Khakimov A.KH. Osobyye Ekonomicheskiye Zony: Mezhdunarodnyye aspekty funktsionirovaniya [Special Economic Zones: International Aspects of Functioning]. *Ekonomika i upravleniye,* 2016, N 11 (133), pp. 38-42 (in Russ).

7. Андреева М.Ю., Артемьев А.А., Баринов А.Я., и др. Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития / Монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «экономика», «государственный аудит» и «финансы и кредит» - Москва, ЮНИТИ-Дана, 2017, Книга 1, 101 с. [Andreyeva M.YU., Artem'yev A.A., Barinov A.YA., i dr. Osobyye ekonomicheskiye zony. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty razvitiya. Monografiya dlya magistrantov, obuchayushchikhsya po programmam napravleniy «ekonomika», «gosudarstvennyy audit» i «finansy i kredit» [Special economic zones. Theoretical and methodological aspects of development]. Moscow, UNITY-Dana, 2017, Book 1, 101 p. (In Russ.).

8. Адигамова Ф.Ф., Андреева М.Ю., Баландина А.С., и др. Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт. Монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «экономика», «государственный аудит» и «финансы и кредит». Москва, ЮНИТИ-дана, 2017, Книга 2, 287 с. [Adigamova F.F., Andreyeva M.YU., Balandina A.S., i dr. Osobyye ekonomicheskiye zony. Zarubezhnyy i otechestvennyy opyt. Monografiya dlya magistrantov, obuchayushchikhsya po programmam napravleniy «ekonomika», «gosudarstvennyy audit» i «finansy i kredit» [Special economic zones. Foreign and domestic experience]. Moscow, UNITI-dana, 2017, Book 2, 287 p. (In Russ.).

9. Разумовский Д.В. Конец «постлиберального» регионализма в Латинской Америке? *Латинская Америка.* М., 2018, № 1, с. 25-44 [Razumovskiy V. Konets «postliberal'nogo» regionalizma v Latinskoy Amerike? [The End of "Post-Liberal" Regionalism in Latin America?]. *Latinskaya Amerika.* Moscow, 2018, N 1, pp. 25-44 (In Russ.).

10. Коваль А.Г., Трофименко О.Ю. Особые экономические зоны как фактор развития BRICS. *Латинская Америка.* М., 2020, № 11, сс. 20-38 [Koval' A.G., Trofimenko O.YU. Osobyye ekonomicheskiye zony kak faktor razvitiya BRICS [Special economic zones as a factor of the development of BRICS states]. *Latinskaya Amerika.* Moscow, 2020, N 11, pp. 20-38 (In Russ.).

11. Almaza, I. Normativa del régimen tributario de las zonas francas en Panamá. *Boletín de Informaciones Jurídicas*, 2012, vol. 47, pp. 79-92.

12. Jenkins, M., G. Esquivel and F. Larrain. Export Processing Zones in Latin America. *Harvard Institute for International Development, Development Discussion Paper,* 1998, No. 646 (August).

13. Bolin, R.L. Impact of 57 New Export Processing Zones in MERCOSUR. Flagstaff Institute, 1995.

14. Rios, V. Mexico's Special Economic Zones: White Elephants? Available at: https://www.wilsoncenter.org/article/mexicos-special-economic-zones-white-elephants (accessed 30.06.2016).

15. Defever F., Reyes J., Riano A., Sanchez-Martin M. Special Economic Zones and WTO Compliance: Evidence from the Dominican Republic. *CESifo Working Paper Series*, No. 6791. Munich: Ifo Institute. 2017. Available at: https://www.cesifo.org/ DocDL/cesifo1_wp6791.pdf (accessed 20.04.2018).

16. Farole, T., Camp; Akinci, G. Special economic zones: progress, emerging challenges, and future directions. World Bank Publications. 2011, 314 p.

17. Frick S., Rodríguez-Pose A., Wong M. Toward Economically Dynamic Special Economic Zones in Emerging Countries. *Economic Geography*, 2019, Vol. 95(1), pp. 30–64.

18. Sigler, T.J.Panama's special economic zones: Balancing growth and development. *Bulletin of Latin American Research,* 2014, N 33(1), pp.1-15.

19. Zaldívar F.G., Molina E. Special economic zones and their impact on regional economic development [Zonas Económicas Especiales y su impacto sobre el desarrollo económico regional]. *Problemas del Desarrollo*, 2018, 49(193), pp. 11-32.

20. Brazilia Law N 3.173/57from 06.06.57 «Manaus Free Trade Zone».

21. De Almeida P.R. Latin American development trends and Brazil's role in the region. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения,* M., 2015, № 4, pp.7-19.

22. Associação Brasileira de Zonas de Processamento de Exportação. Available at: https://www.abrazpe.org.br/index.php/abrazpe/ (accessed 15.09.2020).

23. Law 11.508/2007. Rules on the tax, exchange and administrative regimes of Export Processing Zones and other matters.

24. Castilhos G.V. A Special Economic Zone in Brazil: The Manaus Free Trade Zone. *SSRN Electronic Journal,* January 2016.

25. Possebom V. Free Trade Zone of Manaus: An Impact Evaluation using the Synthetic Control Method, *Revista Brasileira de Economia,* vol. 71 no.2 Rio de Janeiro Apr./June 2017.

26. Competitive advantages of Zonamerica. Available at: https://web.zonamerica.com/#/uruguay/por-que-zonamerica/1 (accessed 15.09.2020).

27. Mitchell J. Latin America braced for SEZ surge, *FGI Intelligence*, 2017, February 16.

28. UNCTAD. Enhancing the Contribution of Export Processing Zones to the Sustainable Development Goals: An Analysis of 100 EPZs and a Framework of Sustainable Economic Zones. New York and Geneva: United Nations, 2015, 35 p.

29. Moises R. Special Economic Zones: South America Lags Behind. *PROSPERCSIS*, 2015, December 18.

30. Regional Economies' Report // Banco de México (January–March 2018). Available at: http://www.banxico.org.mx/dyn/publicaciones-y-prensa/reportes-sobre-las-economias-regionales/recuadros/%7B20867F6A-F174-04D0-9A04-BB846DB7EFC3%7D.pdf (accessed 01.10.2020).

31. Special Economic Zones. Not so special. *The Economist*, April, 4th, 2015.

32. Farole, T. Special economic zones: What have we learned? *World Bank-Economic Premise*, 2011, (64), pp.1-5.

33. Management models for Special Economic Zones: Draft note to the Government of Mexico. World Bank Group, 2015, 155 p.

34. Ericson A.-S.An analysis of Mexico's border industrialization program. *Monthly Labor Review*, Vol. 93, No. 5 (MAY 1970), pp. 33-40.

35. Thierry-Aguilera R.a, Di Marco G.b, Diaz-Santillan E.a Mexico´s logistics performance index as a sustainable indicator(Conference Paper). Proceedings of the 2016 Industrial and Systems Engineering Research Conference, ISERC 2016, 2020.

36. Menon S.N., Mitra S.K. Special Economic Zones: The Rationale. *Special Economic Zones: Promise, Performance, and Pending Issues*. Occasional Paper. Center for Policy Research: Delhi, 2009, No. 16.

37. Special Economic Zones for Exports in Colombia (Law 677 of 26 September 2001).

38. Foreign investment in Latin America expected to halve in 2020. UNCTAD. World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic. New York and Geneva: United Nations, 2020, 285 p.

39. Jenkins M. Economic and social effects of export processing zones in Costa Rica. ILO: Geneva, 2005 Jan.

40. Cavalcanti L. Labor standards and social conditions in free trade zones: the case of the Manaus free trade zone. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*, 14 (2020-19), pp. 1–41.

Marina Yu.Berdina (svitkova_marina@mail.ru)
Candidate of economic sciences, Associate Professor at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

B.Morskaya street, 67, 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation

Alexandr E.Berdin (berdin07@mail.ru)
Senior Lecturer at the Department of Economics of High-Tech Industries Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

B.Morskaya Street, 67, 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation

Regional features of the development of special economic zones. The example of the Latin American region's countries

Abstract: The economic activity of modern countries is associated with creation and functioning of SEZs. They are seen as effective tools for the development of national economy: job creation, export growth, attracting foreign investment, technology transfer and human resources development. SEZs in the Latin American region have more than a century of development history, but it was in the 2000s that noticeable changes in their role in the economies of individual countries took place. The article identifies the features of creation and functioning of special economic zones in Latin American countries and discusses the key areas of economic transformation for individual countries of the region in order to attract foreign investment to the SEZs.

Keywords: special economic zones (SEZs), Latin America, free points, anchor companies, SEZ's investments.

DOI: 10.31857/S0044748X0012430-2

Received 29.10.2020.

И.А.Ахтамзян

Договор Тлателолко: пример для подражания

В статье проанализирован более чем полувековой опыт действия Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договора Тлателоко). Рассмотрены как достижения в области создания безъядерных зон, так и проблемы, выявленные на примере самого первого Договора о зонах, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), в густонаселенном регионе Земли. Автор приходит к выводу о значительной роли Договора Тлателолко в процессе продвижения идеи ЗСЯО, охватившей в совокупности уже свыше ста государств мира.

Ключевые слова: Тлателолко, ядерное оружие, OPANAL, ООН, Альфонсо Гарсиа Роблес.

DOI: 10.31857/S0044748X0013676-2

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

В ходе борьбы за укрепление режима нераспространения ядерного оружия вопрос о безъядерных зонах приобрел большое политическое значение. Он стал, по существу, важнейшим фактором «поддержки снизу» режима, который во многих аспектах воспринимается странами «третьего мира» как нечто, навязанное им великими державами. Историческое значение конкретных договоров о создании зон, свободных от ядерного оружия, хорошо заметно на примере Договора Тлателолко, выработанного в Латино-Карибской Америке (ЛКА) на основе анализа собственных государственных интересов.

Изучение опыта ЛКА в создании и совершенствовании безъядерной зоны началось полвека назад и открывает все новые грани с каждым десятилетием, с каждым новым витком постановки и решения проблем контроля над ядерным оружием. В наши дни этот опыт представляет интерес своим практическим подходом на фоне появившихся в ряде стран «третьего мира» проектов «продиктовать» ядерным державам условия движения к безъядерному миру (например, проект Договора о запрещении ядерного оружия, открытый для подписания в сентябре 2017 г.). Цель настоящей статьи — выявить на конкретном примере ЛКА достижения, проблемы и особенности их преодоления при наличии политической воли региональных и внерегиональных участников этого процесса.

Ильдар Абдулханович Ахтамзян — кандидат исторических наук, доцент МГИМО(У) МИД России (119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, intrel@mgimo.ru).

Проблемы, связанные с реализацией идеи безъядерного статуса региона, секретными ядерными программами государств ЛКА и с участием этих стран в различных проектах развития атомной энергетики, давно интересуют исследователей, прежде всего из самого региона [1], а также, по понятным причинам, Соединенных Штатов [2; 3]. Атомная энергетика оказывается в фокусе внимания, прежде всего, ученых из тех стран ЛКА, в которых реализованы или планировались программы строительства атомных энергоблоков, — Аргентины, Бразилии, Мексики, а также Кубы и Чили. Показательными в этом плане можно считать работы таких авторов, как Э.Бобадилья [4], Л.П.Роса [5], Г.Матеос и Э.Суарес-Диас [6]. В отечественной науке особый интерес для анализа представляют не только сюжеты, затрагивающие важнейшие вопросы международной безопасности, но и перспективы взаимовыгодного сотрудничества государств ЛКА с Россией в области атомной энергетики и иных аспектов использования «мирного атома».

Прошло более полувека после подписания (14 февраля 1967 г.), а затем введения в действие (начиная с 25 апреля 1969 г.) Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке («Договор Тлателолко»). Гордость, с которой в государствах ЛКА в 2017 г. торжественно отметили полувековой юбилей договора, вполне оправдана: благодаря этому договору впервые была создана зона, свободная от ядерного оружия (ЗСЯО), в густонаселенном и политически активном регионе Земли*. Сегодня, когда угроза распространения ядерного оружия (ЯО) в мире вышла на «новые рубежи», опыт стран ЛКА становится особенно ценным и востребованным.

Не стоит думать, что до начала карибского кризиса (октябрь 1962 г.) страны ЛКА оставались индифферентны к ядерной угрозе. Еще в 1958 г. Коста-Рика предложила всем латиноамериканским государствам не производить и не приобретать ядерное оружие. Сходные инициативы выдвигались Чили в период 1959—1960 гг., однако они не получили должного развития в документах Организации американских государств (ОАГ).

4 ноября 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 652 (XVI), призывавшую рассматривать Африку как ЗСЯО [7]. А в сентябре 1962 г. представитель Бразилии в женевском Комитете 18 государств по разоружению Афонсо Аринос де Мело Франко предложил распространить эту резолюцию и на страны ЛКА. В следующем месяце произошел карибский кризис, продемонстрировавший нежелание народов региона видеть его объектом ракетно-ядерного соперничества двух сверхдержав. Бразильскую инициативу поддержали Боливия, Чили и Эквадор, а 29 апреля 1963 г. эти страны вместе с Мексикой выступили с Совместной декларацией [8, pp. 23, 39, 40]. В ней они призвали к подписанию многостороннего регионального соглашения с обязательством «не производить, не принимать, не хранить и не испытывать ядерное оружие или ядерные взрывные устройства» [9]. Однако проблема создания первой безъядерной зоны вскоре серьезно осложнилась в связи с приходом к власти реакционных военно-диктаторских режимов в ряде государств, прежде всего в

* Любая демилитаризованная зона или регион, даже созданные до ядерной эпохи, могут рассматриваться в качестве прецедента безъядерной зоны. В американской научной литературе встречается, например, упоминание демилитаризованных Аландских островов в качестве безъядерной зоны в Европе. Первой такой зоной после Второй мировой войны стал Антарктический регион (к югу от 60 градуса южной широты), где всякая военная деятельность вообще была запрещена по Договору об Антарктике 1959 г.

Бразилии и Аргентине. Военные этих двух стран, озабоченные давними геополитическими спорами друг с другом, перешли к созданию секретных ядерных программ.

Работы в области атомной энергетики в Аргентине начались еще в конце 1940-х годов при активном участии ученых, эмигрировавших из Германии. Промышленная добыча урана, начавшаяся в 1953 г., и ввод в эксплуатацию четырех исследовательских реакторов в период 1958—1972 гг. свидетельствовали о быстром продвижении страны по пути овладения ядерными технологиями. Аргентина стала первой латиноамериканской страной, где была введена в действие АЭС («Атуча», 1974 г.)*.

Аргентинская ядерная программа получила новый импульс в период пребывания у власти военных (в 1966—1973 гг. и 1976—1982 гг.). В 1977 г. ими была принята секретная директива под названием «военная ядерная программа». В следующем году было развернуто строительство объектов, относящихся к чувствительным фазам ядерно-топливного цикла, — центра по обогащению урана в г. Пильканиеу и по переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) в г. Эсейса. После ухода генералов от руководства страной в 1983 г. в связи с поражением в войне за Мальвинские (Фолклендские) острова ядерная программа Аргентины была вновь поставлена под контроль гражданских властей, начиная с президента Рауля Альфонсина (1983—1989 гг.). Одновременно открылась перспектива сотрудничества в ядерной области между Аргентиной и Бразилией, а также присоединения двух стран к Договору Тлателолко, к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.) и к системе всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) [10, сс. 36-38]. Однако даже после подписания представителями Аргентины Договора Тлателолко эта страна длительное время, вплоть до января 1994 г., не ратифицировала его, стремясь свести к минимуму применение международных гарантий к своей ядерной деятельности. Очевидно, аргентинцы, ощущая превосходство, достигнутое Бразилией в ядерной области, все еще не доверяли своим соседям, несмотря на подписание договора о создании Общего рынка стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) в 1991 г.

Бразилия добилась наибольшего прогресса в деле создания ЯО на южноамериканском континенте. С начала 1950-х годов бразильцы приступили к исследованиям атомного ядра и быстро наверстали первоначальное отставание от аргентинцев. В период 1957—1965 гг. в этой стране было построено три исследовательских реактора и предпринимались неоднократные попытки получения чувствительных технологий за рубежом. Наиболее интенсивно исследования в области создания ЯО (так называемая параллельная ядерная программа) велись во время пребывания у власти военных правительств с 1964 по 1985 г. [11, сс. 36-49]. Организацией, ответственной за разработку секретного проекта по созданию ЯО, был исследовательский центр ВМФ Бразилии *Almirante Alvaro Alberto*, штат Сан-Паулу [12, сс. 38-41]. Добиваясь самообеспечения в ядерной области, руководство Бразилии подписало в 1975 г. масштабную программу сотрудничества с ФРГ. Она предусматривала не

* В Аргентине на 5 марта 2020 подключены к сети атомные энергоблоки «Атуча-1» (с 19 марта 1974 г.), «Атуча-2» (с 25 июня 2014 г.) и «Эмбалзе» (с 25 апреля 1983 г.), строится «Карем25». В Бразилии действуют энергоблоки «Ангра-1» (с 1 апреля 1982 г.) и «Ангра-2» (с 21 июля 2000 г.), ведется строительство «Ангры-3». В Мексике функционируют «Лагуна Верде-1» (с 13 апреля 1989 г.) и «Лагуна Верде-2» (с 11 ноября 1994 г.).

только строительство в течение 15 лет восьми атомных энергоблоков, но и осуществление проектов по обогащению урана и переработке ОЯТ [5, p. 490].

После прихода к власти в марте 1985 г. гражданской администрации президента Жозе Сарнея (1985—1990 гг.) реализация параллельной ядерной программы, имевшей кодовое обозначение «Проект Солимоес», официально была прекращена, но, по сообщению некоторых источников, секретно продолжалась. В тот год Бразилия заявила об овладении технологией полного ядерного цикла. Проект бразильских военных осуществлялся вплоть до апреля 1990 г. Новый президент Фернанду Колор ди Мелу (1990—1992 гг.) в местечке Кашимбу (штат Пара) символически засыпал шахту, которая предназначалась для испытания ядерного устройства, и потребовал от военных полного рассекречивания всей связанной с этим документации. Окончательный запрет на обладание ЯО был закреплен в Конституции Бразилии 1998 г. Еще раньше, в ноябре 1990 г., президенты Аргентины и Бразилии подписали двустороннее соглашение о координации ядерных программ и взаимной инспекции ядерных объектов («Протокол Мендосы»)*.

В области создания атомной энергетики Аргентине и Бразилии удалось реализовать лишь часть намеченных проектов в военной сфере, но при этом достичь серьезных успехов в развитии «мирного атома». Обе страны овладели технологиями полного ядерного цикла, в обоих государствах были сооружены и подключены к сети энергоблоки промышленного масштаба, построены установки по обогащению урана, подготовлены специалисты, накоплен многолетний опыт эксплуатации реальных ядерных объектов.

В Бразилии к моменту прекращения «параллельной» ядерной программы военных и появления конституционного запрета на обладание ЯО были разработаны конструкции двух ядерных зарядов, однако к тому времени еще не было накоплено необходимого количества расщепляющихся материалов оружейного качества. На основе соглашений с Аргентиной Бразилия в мае 1994 г. ввела для себя в действие Договор Тлателолко и в 1998 г. присоединилась к ДНЯО. Эти важные шаги двух «пороговых» стран, ранее конкурировавших между собой в своем регионе в направлении добровольного отказа от ЯО, могут служить примером для других государств, находящихся в напряженных отношениях.

ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

После государственного переворота в Бразилии, осуществленного военными 1 апреля 1964 г., инициатива разработки договора о безъядерной зоне перешла к Мексике. Первый проект текста договора был подготовлен 1 июля 1965 г. усилиями Альфонсо Гарсиа Роблеса (бывшего посла Мексики в Бразилии), который стал председателем Подготовительной комиссии по объявлению Латинской Америки безъядерной зоной. После внесения поправок проект был одобрен Подготовительной комиссией за два дня до подписания. Сам А.Гарсиа Роблес предложил ряд оригинальных инициатив, важнейшей из которых стала идея, сформулированная в ст. 28.2: право принятия специальной декларации для введения договора в силу без со-

* Окончательное урегулирование проблем двусторонних отношений в области мирного использования атомной энергии было достигнуто Аргентиной и Бразилией в соглашении об исключительно мирном использовании ядерной энергии от 18 июля 1991 г. (Гвадалахарское соглашение), в соответствии с которым по ст. VI-VII учреждалось Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов [16, сс. 399-401].

блюдения сложных условий (ст. 28.1). Необычным аспектом этого положения стало право подписавших договор государств (например, до 1990-х годов — Бразилии и Чили), которые еще не приняли соответствующую декларацию, участвовать в механизме его осуществления, согласно ст. 6. Мексиканский дипломат выступил с инициативой о выделении обязательств внерегиональных держав в отдельные протоколы. В 1982 г. деятельность А.Гарсиа Роблеса была отмечена Нобелевской премией мира.

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (именуемый также Договор Тлателолко* — по месту его подписания в районе г. Мехико) был открыт для подписания 14 февраля 1967 г., более чем за год до заключения ДНЯО. Сложная процедура его вступления в силу «для всего региона» (ст. 28) требовала подписания и ратификации всеми государствами региона, наряду с подписанием и ратификацией Дополнительных протоколов I и II рядом внерегиональных держав, включая все ядерные державы, а также государствами, контролирующими территории в пределах зоны (последняя из них, Франция, представила инструмент ратификации Дополнительного протокола I в 1992 г.). Вступление в силу Договора Тлателолко обусловливалось также заключением странами ЛКА с МАГАТЭ дву- или многосторонних соглашений о гарантиях. Выполнение всех этих условий оказалось бы непростой задачей, решение которой растянулось бы на десятилетия.

Предвидя эти трудности, разработчики договора внесли в текст ст. 28.2, которая позволяет ратифицировавшим договор государствам ввести его в действие для себя посредством специальной декларации (*waiver*). Уже к 25 апреля 1969 г. 11 государств региона приняли соответствующую декларацию, и на основе статьи 28.3 государство-депозитарий (Мексика) созвало совещание этих стран для создания Агентства по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке (*Organismo para la Proscripción de las Armas Nucleares en la América Latina y el Caribe, OPANAL*). К концу 1980-х годов Договор действовал для 23 государств региона. К 1999 г. уже 32 страны воспользовались правом принятия специальной декларации и ввели его в действие для себя, включая Аргентину, Бразилию и Чили (1994 г.). Наконец, 23 октября 2002 г. специальной декларацией воспользовалась Куба.

Куба, заявившая о поддержке ЗСЯО еще в 1962 г. и подписавшая договор 25 марта 1995 г. (три поправки к нему — 5 декабря 1995 г.), ратифицировала этот документ лишь 23 октября 2002 г. в связи со «сложными отношениями» с США [13]. Вся ядерная деятельность на Кубе так или иначе охвачена гарантиями МАГАТЭ [14], причем 3 июня 2004 г. для Кубы вступил в силу Дополнительный протокол, усиливающий систему гарантий МАГАТЭ. Таким образом, на сегодняшний день все 33 государства Латинской Америки подписали и ввели для себя в действие Договор Тлателолко.

Возможность денонсации договора сформулирована в его тексте весьма расплывчато. Право на денонсацию появляется, если у какой-либо стороны «возникли или могут возникнуть» связанные с содержанием договора или протоколов к нему «обстоятельства, затрагивающие ее высшие интересы, мир и безопасность одной или более стран-участниц» (ст. 30). Любопытно, что нарушение договора, согласно ст. 20, не связывается с этими обстоятельствами, и должно повлечь за собой, в случае угрозы миру и безопасности, передачу информации об этом одновременно Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, а также Совету ОАГ.

---

* Тлателолко — площадь в Мехико, где расположены здания мексиканского МИД. Ацтекское название (в переводе — «Земляной холм») второго центра государства ацтеков, расположенного к северо-западу от Теночтитлана, который стал их столицей и в 1473 г. поглотил Тлателолко.

ПОПРАВКИ К ТЕКСТУ ДОГОВОРА И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

Расширение круга участвующих в договоре государств произошло благодаря принятию специальных поправок к его тексту. Первая, принятая генеральной конференцией *OPANAL* 3 июля 1990 г., добавила в название документа и в ст. 7 слова «а также страны Карибского бассейна» (*and the Caribbean*), что облегчило присоединение к нему англоговорящих островных государств этого субрегиона.

Согласно второй поправке, принятой на генеральной конференции *OPANAL* 10 мая 1991, был отменен параграф 2 ст. 25, благодаря чему Белиз и Гайана* смогли стать полноправными участниками договора. Изначально эта статья гласила: «Генеральная конференция не выносит решение о принятии в состав членов политического объединения государства, часть или вся территория которого были до даты открытия настоящего договора для подписания предметом спора между внеконтинентальным государством и одним или более латиноамериканскими государствами, до тех пор, пока этот спор не будет решен мирными средствами». Новая формулировка допускала участие в договоре всех независимых государств в зоне его применения по ст. 4 и 28.1. Она распространялась на государства, которые были членами ООН по состоянию на 10 декабря 1985 г., и неавтономные (зависимые от иностранных государств) территории, как только они обретут независимость [15].

Хотя в ст. 13 договора не оговаривался «всеобъемлющий характер» контроля со стороны МАГАТЭ, по уже заключенным соглашениям о гарантиях был введен контроль над всеми ядерными материалами, имеющимися у государств-участников. Система международных гарантий была дополнена процедурами регулярных и специальных отчетов и налаженным обменом информацией. 26 августа 1992 г. на специальной сессии Генеральной конференции *OPANAL* была одобрена третья поправка к тексту договора. Изменения коснулись ст. 14-16 и 19-20, в результате чего предусматривалось усиление роли МАГАТЭ в регионе, при этом за всемирным агентством оставлялось исключительное право на проведение специальных инспекций. Первоначальный текст договора предоставлял право на специальные инспекции как МАГАТЭ, так и *OPANAL* (ст. 16). Эта поправка, предложенная Аргентиной, Бразилией, Мексикой и Чили, должна будет вступить в силу после выполнения требований ст. 28. Отметим, что на 1 февраля 2020 г. первая поправка была в силе для 24 стран (еще 7 государств ее подписали), вторая — для 24 (подписали еще 6 стран), третья — для 28 (подписали еще 3 государства). Таким образом, на 1 февраля 2020 г. Договор Тлателолко со всеми поправками к нему вступил в силу для 23-х государств, включая все ведущие страны этого региона, —Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Мексику и Чили.

Дополнительный Протокол I, подписанный и ратифицированный США, Великобританией, Францией и Нидерландами как государствами, несущими де-юре или де-факто международную ответственность за территории в регионе, обязывает их соблюдать статус ЗСЯО на всех этих территориях. Дополнительный протокол II, вступивший в силу для США, Великобритании, Франции, а также СССР/России и Китая как ядерных держав, содержит обязательство «не содействовать в какой-либо форме тому, чтобы на

* Гайана имеет неурегулированные территориальные споры с Венесуэлой и Суринамом, а на территорию Белиза претендует Гватемала.

территориях, к которым применяется Договор, согласно его ст. 4, осуществлялись акты, являющиеся нарушением обязательств, изложенных в ст. 1». Правительства ядерных держав предоставили негативные гарантии безопасности участвующим в договоре государствам, то есть обязались «не использовать или не угрожать использованием против них ядерного оружия» (сопроводив свое согласие характерными для каждой державы оговорками). США распространили свои обязательства по Дополнительному протоколу II и на территории в пределах региона, за которые несут ответственность участники Дополнительного протокола I.

ОГОВОРКИ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ ПО СОДЕРЖАНИЮ ДОГОВОРА

При ратификации Дополнительного Протокола II к Договору Тлателолко США в 1971 г. и СССР в 1978 г. высказали наиболее серьезные оговорки по ст. 18 текста договора, разрешающей странам-участницам осуществлять мирные ядерные взрывы, «включая взрывы, предполагающие использование устройств, аналогичных тем, которые применяются в ядерном оружии». Разрешается сотрудничество в этих целях участвующих в договоре государств с третьими сторонами, при этом не должны нарушаться ст. 1 и 5. В статье 5 дано весьма широкое определение ядерного оружия, фактически включающее всякое ядерное взрывное устройство: «В настоящем договоре под ядерным оружием подразумевается всякое устройство, способное высвобождать неконтролируемую ядерную энергию и имеющее такую группу характеристик, которая подходит для использования его в военных целях» [16, сс. 147-163]*. С точки зрения государств, обладающих ядерным оружием в соответствии с ДНЯО, это означает, что изготовление устройства для проведения мирных ядерных взрывов государством — участником договора явилось бы нарушением ст. 1, запрещающей испытание, использование, изготовление, производство и приобретение любым путем ядерного оружия, а также получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения таким оружием.

СССР и США разошлись в вопросе о возможности транспортировки или транзита ядерного оружия через зону применения договора. Советский Союз принял к сведению толкование, данное в заключительном акте Подготовительной комиссии по объявлению Латинской Америки ЗСЯО, о том, что транспортировка ядерного оружия сторонами договора охватывается запрещениями, предусмотренными в ст. 1 [17]. Транзит ядерного оружия подразумевает заход в порты зоны судов или приземление на региональных аэродромах самолетов, которые являются носителями ядерного оружия, принадлежащего внерегиональным державам. В заявлении СССР была подтверждена советская позиция: «допущение транзита в любой форме противоречило бы целям Договора» [18]. США же подчеркнули, что документ «не затрагивает прав договаривающихся сторон разрешать или отказывать в транспортных и транзитных привилегиях государствам, не участвующим в договоре». В тексте договора этот вопрос обойден, а в заключительном акте подготовительной комиссии дана его трактовка в том смысле, что выдача

* По инициативе латиноамериканских государств был подготовлен официальный текст Договора Тлателолко на русском языке. См. текст Договора, Дополнительных протоколов I и II и третьей поправки к нему.

разрешения на транзит ядерного оружия по просьбе стран, не являющихся участниками договора, входит в компетенцию каждой отдельной страны-участницы [17]. Мексика и Панама, ключевые в плане транзита государства региона, приняли на себя специальные обязательства о запрещении транзита ядерного оружия через свои территории.

Со стороны СССР было также отмечено, что подписание Дополнительного протокола II «никоим образом не означает признания возможности распространения действия Договора, как это предусматривается в п. 2 ст. 4, за пределы территории государств-участников, включая воздушное пространство и территориальные воды, установленные в соответствии с международным правом»*. Аналогичная оговорка содержится в заявлении Франции, сделанном ею 2 марта 1979 г. при подписании Дополнительного протокола I [19]. В связи с этим в представленном *OPANAL* 31 мая 2018 г. материале к докладу Генерального секретаря ООН по морскому праву в разд. IV говорится: «Юридическая природа зоны применения Договора Тлателолко никоим образом не означает претензии на суверенитет или юрисдикцию над частью открытого моря, включенной в эту зону» [20].

ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА ТЛАТЕЛОЛКО ДЛЯ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

При оценке Договора Тлателолко следует иметь в виду, что это — первый документ, провозгласивший создание ЗСЯО в густонаселенном регионе Земли. Многие недостатки документа, например, отсутствие окончательного решения вопроса о транзите ядерного оружия, связаны с проблемой внешнего влияния на регион. Разработчики договора, прежде всего мексиканский дипломат А.Гарсиа Роблес, заложили солидную базу для дальнейшего развития идеи ЗСЯО, создав важные прецеденты на будущее. На наш взгляд, среди них особо следует выделить следующее:

— максимально широкое определение понятия «ядерное оружие», включающее взрывные устройства для осуществления ядерных взрывов в мирных целях;

— присоединение к договору протоколов, обязательных для исполнения внерегиональными державами;

— положение о негативных гарантиях безопасности;

— обязательное заключение соглашений с МАГАТЭ о применении гарантий; на практике — о всеобъемлющих гарантиях по типу *INFCIRC*/153;

— оригинальное решение сложной проблемы вступления договора в силу;

— бессрочное действие договора.

Оценивая значение Договора Тлателолко для режима нераспространения ядерного оружия в целом, можно подчеркнуть, что он положил начало принятию целой серии международно-правовых актов**, позволивших более чем ста независимым государствам обрести безъядерный статус. Вес-

---

* В соответствии с общепринятыми нормами международного права ширина территориальных вод составляет 12 морских миль.

** Вслед за Тлателолко были заключены Договор Раротонга (1985 г.) для 13 государств южной части Тихого океана, Бангкокский договор (1995 г.) — для 10 государств Юго-Восточной Азии, Договор Пелиндаба (1996 г.) — для 53 государств Африки (до образования Южного Судана) и Договор о создании ЗСЯО в Центральной Азии (ЦАЗСЯО, 2006 г.) — для пяти государств. Монголия объявила о своем безъядерном статусе в 1992 г.

ной (26-28 апреля) 2005 г. в Мехико, в районе Тлателолко, где расположен мексиканский МИД, проходила первая Конференция государств-участников и государств, которые подписали договоры о создании ЗСЯО в своих регионах. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 73/71 с 24 апреля 2020 г. проведена уже четвертая такая конференция. На втором саммите Сообщества латиноамериканских и карибских государств (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños*, *CELAC*) в Гаване в январе 2014 г. весь этот регион был объявлен «Зоной мира». Движение в пользу создания ЗСЯО в странах ЛКА стало первостепенным фактором поддержки режима нераспространения и позитивной формой приобщения государств ЛКА, Азии и Африки к мировой политике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Aquino J. Luis Rodriguez. Limiting Weapons: Crafting International Nuclear Nonproliferation Standards from Latin America. *Foro Internacional*, 2020, vol. 260 , issue 1, pp. 97-113.

2. Redick J.R. Regional nuclear arms control in Latin America. *International Organization*, 1975, 29(2), pp. 415-445.

3. Gallacher J. Article VII, The Treaty of Tlatelolco and Colonial Warfare in the 20th Century. *Arms Control*, 1975, 5(3), pp. 75-89.

4. Bobadilla E. Chilean nuclear policy [Política nuclear chilena]. *Revista médica de Chile*, 1996, 124(6), pp. 747-748.

5. Rosa L.P. History of nuclear power in Brazil. *Energy and Environment*, 2006, 17(3), pp. 485-495.

6. Mateos G., Suárez-Díaz, E. 'We are not a rich country to waste our resources on expensive toys': Mexico's version of Atoms for Peace. *History and Technology*, 2015, 1(3), pp. 243-258.

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи. Available at: http://undocs.org/ru/A/RES/1652%28XVI%29 (accessed 5.03.2020).

8. Alves P.G., Cipollone D.B. (eds). Nuclear-Weapon-Free Zones in the 21st Century. New York and Geneva: United Nations, 1997, 148 p.

9. The prohibition of nuclear weapons in Latin America. Summary of the main working phases. Available at: http://www.opanal.org/en/the-prohibition-of-nuclear-weapons-in-latin-america/ (accessed 05.03.2020).

10. Новиков В.Е., Хлопков А.В. Военная ядерная программа. Аргентина. В кн.: Хлопков А.В. (ред.). Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. Available at: https://www.pircenter.org/sections/41-voennaya-yadernaya-programma-argentiny (In Russ.) (accessed 4.11.2020).

11. Мартынов Б.Ф. Бразилия: ядерно-космическая стратегия на пороге XXI века. М., ИЛА РАН, 1992, 71 с. [Martynov B.F. Braziliya: yaderno-kosmicheskaya strategiya na poroge XXI veka [Brasil: Nuclear and Space Strategy on the Eve of the XXI Century]. Moscow, ILA RAN, 1992, 71 p. (In Russ.).

12. Новиков В.Е., Хлопков А.В. Военная ядерная программа. Бразилия. В кн.: Хлопков А.В. (ред.). Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. Available at: https://www.pircenter.org/sections/42-voennaya-yadernaya-programma-brazilii (In Russ.) (accessed 4/11/2020).

13. Хейфец В., Хейфец Л. Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе. *Мировая экономика и международные отношения*, М., 2017, т. 61, № 2, сс. 94-103. [Kheifets V., Kheifets L. Kuba: pereosmyslenie roli strany v mirovom soobschestve [Cuba: Rethinking the Role of the country in the world community], *Mirovaya Ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, Moscow, 2017, Vol. 61, N 2, pp. 94-103. (In Russ.).

14. Бородаев В.А. Стратегические векторы мировой политики Кубы в начале XXI века. *Этносоциум и межнациональная культура*. М., 2012, № 3, сс.35-49 [Borodayev V.A. Strategicheskiye vektory mirovoi politiki Kuby v nachale XXI veka [Strategic Vectors of Cuba's Policy in the World at the beginning of the XXI Century]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura*. Moscow, 2012, N 3, pp. 35-49 (In Russ.).

15. Status of Signatures and Ratifications of the Treaty of Tlatelolco and its Additional Protocols I and II. Available at: https://www.opanal.org/en/status-of-the-treaty-of-tlatelolco/ (accessed 18.02.2020).

16. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений (в двух томах) / Под общей редакцией Орлова В.А. М.: ПИР-Центр, 2002. Том II/ Ред. тома Ахтамзян И.А., 561 с. [Yadernoye nerasprostraneniye. Uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii (v dvukh tomakh*)* [Nuclear Nonproliferation. A Text-book for the Higher Education Students in Two Volumes]. Ed. by Orlov V.A. Moscow, PIR-Center, 2002. Volume II, Ed. by Akhtamzyan I.A., 561 p. (In Russ.).

17. COPREDAL/76, p.8, annexed to United Nations General Assembly document A/6663 of 23 February 1967.

18. Заявление СССР при подписании Дополнительного протокола II, см. Громыко А.А. и др. (редкол.) Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы. МИД СССР. М.: Политиздат, 1987, сс. 431-433. [See the Statement of the USSR Accompanying the Signature of Additional Protocol II in: Borba SSSR protiv yadernoi opasnosti, gonki vooruzhenii, za razoruzheniye [The Struggle of the USSR against Nuclear Threat and Arms Race, for Disarmament]. Ed. by Gromyko A.A. & Others. Moscow, Politizdat, 1987, pp. 431-433. (In Russ.)

19. Declaration made by the French Republic upon Signing and Ratifying Additional Protocol I to the Treaty of Tlatelolco. Available at: http://disarmament.un.org/trea-ties/a/tlatelolco_p1/france/rat/mexico+city (accessed 05.03.2020).

20. Contribution of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL) to the Report of the Secretary-General on Oceans and the Law of the Sea, Pursuant to United Nations General Assembly resolution 72/73 of 5 December 2017, p. 4.

Ildar A.Akhtamzyan (intrel@mgimo.ru).

Ph.D. (History), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MGIMO University

Pr-t Vernadskogo 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Treaty of Tlatelolco: an example to follow

Abstract. The article analyzes the political impact of Treaty of Tlatelolco (Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean) over the last fifty years. The achievements as well as the problems of realization of the first nuclear-weapon free zone in the densely populated region of the Earth come under scrutiny. The author concludes that Treaty of Tlatelolco greatly contributed to the idea of NWFZ, which include over 100 states in different regions.

Key words: Tlatelolco, Nuclear weapons, OPANAL, UNO, Alfonso Garcia Robles.

DOI: 10.31857/S0044748X0013676-2

Received 05.10.2020.

Ф.О.Трунов

Бразильское направление курса ФРГ на мировой арене: политико-военные аспекты

«Разморозка» мировых политических процессов, которая произойдет после окончания пандемии *COVID-19*, будет сопровождаться ростом числа угроз в сфере международной безопасности. Это потребует поиска решений, основанных, прежде всего, на координации усилий международных акторов, обладающих наибольшими ресурсной базой и влиянием. Для понимания потенциала дву- и многостороннего сотрудничества игроков данной категории следует изучить его опыт на «длинном шаге» (1990—2010-е годы). В статье исследуются особенности и «узкие места» диалога Германии и Бразилии в политико-военной области, прежде всего с позиций ФРГ. Рассматриваются первые попытки перехода к новому уровню отношений в 1990-е годы и трудности, возникшие на этом пути. Раскрывается тактика ФРГ по обеспечению активизации диалога в период пребывания Герхарда Шредера на посту канцлера (1998—2005 гг.). Особое внимание уделено координации усилий сторон по обретению постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Анализируется динамика диалога при Ангеле Меркель (2005 — н/в), неподкрепленность формулы стратегического партнерства (с 2008 г.) и запуска формата межправительственных консультаций (2015 г.) практическим сотрудничеством. Выявляются причины спада двусторонних отношений в период президентства Жаира Болсонару (2019 — н/в), а также практические попытки ФРГ по их перезапуску к началу 2020-х годов.

Ключевые слова: политическая стратегия ФРГ, Бразилия, межгосударственные отношения, Меркель, Болсонару.

DOI: 10.31857/S0044748X0013677-3

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

Начало третьего десятилетия XXI в. проходит под знаком пандемии *COVID-19*, приведшей к глобальной «заморозке» активности на международной арене. В данных условиях, а в еще большей степени по завершении эпидемии, обостряется проблема роста турбулентности в мире. Увеличение количества внутренних социально-политических трудностей в тесной увязке с экономической рецессией приводит к сокращению ресурсной базы

Филипп Олегович Трунов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (РФ, Москва, ул. Нахимовский проспект 51/21, 1trunov@mail.ru).

государств мира и, соответственно, к существенному сокращению внешнеполитической активности как минимум на ближне- и среднесрочную перспективу. Вследствие этого круг акторов, реально способных эффективно противодействовать растущему спектру вызовов безопасности, особенно на региональном и глобальном уровнях, весьма узок. В частности, в него входят державы, особенно «восходящие», то есть демонстрирующие в целом поступательный рост ресурсной базы и влияния на мировой арене, хотя кривая этого процесса имеет обычно зигзагообразный характер. Степень эффективности борьбы государства с турбулентностью и рисками нестабильности, особенно в такой чувствительной сфере, как международная безопасность, становится ключевым индикатором его дееспособности как лидера. В значительной степени успешное прохождение этого «тестирования» для конкретной державы будет зависеть от углубления имеющихся и налаживания новых связей с другими государствами.

В число «всходящих» держав входят Бразилия и Германия, притом последняя представляет собой едва ли не единственный пример данной категории игроков из числа государств — членов Евроатлантического сообщества. Под термином «восходящая» держава автор понимает государство, сумевшее существенно увеличить свой вес и влияние на региональном и, главное, на глобальном уровнях в постбиполярных реалиях. Так, несмотря на существенные различия между странами — участницами *BRICS*, Бразилия прочно утвердилась в их числе. В свою очередь, ФРГ стремится играть роль параллельного и отчасти альтернативного США центра влияния в Евроатлантическом сообществе, притом признавая для себя важность трансатлантического (с Соединенными Штатами) сотрудничества.

Задача данной статьи — оценить «багаж» сотрудничества Германии и Бразилии к концу 2010-х годов, его перспективы в политико-военной области. В отличие от экономического и культурного [1] сегментов межгосударственного диалога, его развитие применительно к сфере безопасности и обороны изучалось существенно менее подробно как отечественными, так и зарубежными — прежде всего самими бразильскими [2; 3] и германскими [4] — исследователями. Исключением, скорее точечным, стало лишь освещение координации усилий официальных Берлина и Бразилиа в рамках группы G4 по обретению постоянных мест в Совете Безопасности ООН [4]. Автор этой статьи предпринял попытку восполнить данный научный пробел, используя методы сравнительного и ивент-анализа — в первую очередь пошагового изучения чувствительных для официальной Бразилиа политико-дипломатических и военных шагов ФРГ.

Германия и Бразилия расположены в весьма удаленных друг от друга региональных подсистемах. Географический детерминизм обуславливает, с одной стороны, почти полное отсутствие элементов стратегической конкуренции между двумя государствами, а также позитивное восприятие укрепления позиций друг друга в «своих» региональных подсистемах и на глобальном уровне в целом. С другой — одновременно и ограничивает возможности практической координации Германии и Бразилии на мировой арене. Это положение отчетливо проявлялось в ходе холодной войны, когда кооперация сторон происходила преимущественно в торгово-промышленной сфере.

Объединение Германии (1990), ставшее одной из ключевых составляющих завершения периода конфронтации Запад — Восток, создало огромный потенциал для старта движения Германии к обретению статуса региональной, а в перспективе — и мировой державы. Однако в 1990-е годы скорость сближения объединенной Германии и Бразилии оставалась еще

невысокой. Почему? Рассматривая пример ФРГ, прежде всего, следует обратить внимание на два стратегических императива, которые, эволюционируя, определяли характер внешней политики Германии ещё с «эпохи» Конрада Аденауэра (1949—1963). Первый императив — высокая степень интегрированности ФРГ в Евроатлантическое сообщество. Официальный Бонн/Берлин стремился выстраивать своей курс на мировой арене сквозь призму обязательств перед государствами — партнерами по Европейскому союзу (до 1992 г. — Европейскому сообществу) и НАТО. Будучи страной — участницей этих объединений, ФРГ последовательно позиционировала себя в качестве зрелой парламентской демократии. Этот императив лимитировал объемы и качество ее политико-военного сотрудничества со странами, расположенными за пределами Евроатлантического сообщества. В социокультурном плане Бразилия (равно как и государства Латинской Америки в целом) была к Германии (Западной Германии) существенно ближе, чем, например, большинство стран Азии и Африки. Вместе с тем, к 1990-м годам между официальными Бразилиа и Бонном существовала весьма значительная дистанция в общеполитическом плане. Так, в восприятии истеблишмента ФРГ сама Бразилия лишь во второй половине 1980-х годов стала двигаться по пути создания политической системы, построенный на демократических принципах. Линия официального Бонна в 1990-е годы основывалась на активном выражении поддержки траектории, которая наметилась во внутриполитическом развитии Бразилии [2], однако носила, особенно в первой половине — середине 1990-х годов, отчасти выжидательный характер. Одна из причин этого — стремление удостовериться в том, что эта латиноамериканская страна прошла «точку невозврата» в осуществлении демократической трансформации.

Другая, не менее существенная, причина состояла в тех трудностях, с которыми в 1990-е годы столкнулась сама Германия в попытках укрепить свое влияние в мире. Во многом трудности были обусловлены вторым внешнеполитическим императивом действий официального Бонна — приверженностью концепции «стратегической сдержанности» в вопросах развития и использования своего военного потенциала. В отличие от Бразилии, ФРГ находилась в системе правовых ограничений, сформулированных в качестве добровольных в Парижских соглашениях (1954 г.) для западногерманского государства и Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990 г.) уже в случае объединившегося государства. ФРГ брала на себя, прежде всего, обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения ядерным (с 1990 г. также химическим и биологическим) оружием. Это положение определило последовательное стремление ФРГ не допустить появления собственного оружия массового уничтожения (ОМУ) или его ликвидацию у стран, не входивших в клуб легальных «ядерных держав». Соответственно, свертывание Бразилией к началу 1990-х годов программы создания собственного ядерного оружия устранило мощный потенциальный «раздражитель» для последующего сближения с ФРГ [5]. Показательно, что к началу XXI в. были налажены постоянные консультации по линии МИД двух стран (на уровне профильных министров и ниже) по вопросам нераспространения ОМУ. Германская сторона выражала удовлетворение фактом подписания Бразилией договора Тлателолко и соблюдением большинства условий. В то же время ФРГ была обеспокоена тем, что официальная Бразилиа так и не стала полноправным участником данного договора (воздерживаясь от выполнения требований, предусмотренных статьей 28) [6, s. 8].

Проявлением «стратегической сдержанности» со стороны Германии была и неготовность использовать свои войска вне зоны ответственности в период холодной войны. Сосредоточение усилий на участии в противостоянии Запад — Восток сокращало до минимума возможности страны по решению проблем безопасности в Южной Америке. Не менее значимым был и иной фактор: в годы холодной войны истеблишмент ФРГ признавал за США абсолютное лидерство в рамках «коллективного Запада» (рассматривая их в качестве ключевого внешнего гаранта обеспечения собственной обороны и безопасности) и не был готов к действиям, которые могли быть восприняты в качестве элементов конкуренции с ними в Западном полушарии.

Уже в первой половине 1990-х годов руководство ФРГ, подчеркивая готовность принять повышенную ответственность за обеспечение мира и безопасности на глобальном уровне, декларировало интерес к сближению со странами Латинской Америки, в том числе с Бразилией [5]. Вместе с тем эти заявления еще не были подкреплены должным ростом объемов практической кооперации. Одна из причин заключалась в том, что обе страны были, прежде всего, сфокусированы, особенно до конца 1990-х годов, на решении внутренних проблем: в случае Бразилии это — закрепление результатов перестройки своей политической и экономической системы, а для Германии — интеграция «новых» земель. Для официальной Бразилиа важнейшей внешнеполитической задачей к началу XXI в. являлось встраивание в глобальные институты, что сопровождалось временным снижением геополитических амбиций [2].

Вместе с тем уже в последнем десятилетии XX в. Германия стала использовать бундесвер за пределами ответственности НАТО, притом сосредоточила внимание на применении военных и дипломатических инструментов на Балканах, сумев утвердиться в роли региональной державы (1999 г.). Показателями этого стали перенос столицы из Бонна в Берлин, традиционно воспринимавшийся как символ имперской мощи Германии, и боевое применение армии в военно-воздушной операции НАТО против Югославии (27 марта — 10 июня 1999 г., в связи с развитием ситуации вокруг Косово). Симптоматично, что вскоре после этого — 28 июня 1999 г. — канцлер Герхард Шредер совершил поездку в Бразилию, ставшую его первым официальным визитом в Латинскую Америку. Двусторонняя встреча на высшем уровне, проходившая в Рио-де-Жанейро, позиционировалась в качестве первого саммита представителей глав государств и правительств стран — участниц ЕС и Латинской Америки, а также Карибского бассейна [7]. Это означало, что Бразилия и Германия достигли неофициального согласия в восприятии друг друга в качестве центров «своих» региональных подсистем, стремясь быть в авангарде их сближения [6, ss. 2-6]. Г.Шредер акцентировал внимание на усилении позиций Германии как дееспособного регулятора вооруженных конфликтов (применительно к Балканам) и центра ускорившихся интеграционных процессов внутри ЕС, притом не только экономического, но и военного характера [7].

Соответственно, на рубеже XX и XXI вв. ФРГ на практике приступила к стратегическому сближению с Бразилией, которое еще 5-10 лет назад было «вопросом на перспективу». Переход к полноценному сотрудничеству стал для ФРГ одним из направлений активности на мировой арене, движение по которому означало не только закрепление статуса региональной державы, но и постепенное утверждение в роли глобально оперирующего игрока.

В ходе регионального турне 10-16 февраля 2002 г. Г.Шредер, посетив Мексику и Аргентину, наибольшее внимание уделил развитию отношений с Бразилией. В ходе диалога обсуждению вопросов обеспечения безопасности уделялось относительно небольшое (в сопоставлении с тематикой

торгово-промышленной кооперации), но серьезное внимание [8]. Кроме того, стороны проявляли взаимный интерес к обмену информацией и опытом в борьбе с трансграничными угрозами стабильности: активизацией террористических и в целом радикализированных структур, перемещением боевиков, оружия и боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ [6, ss. 7-8]. Официальный Берлин нуждался в получении от Бразилиа подробных сведений о проявлениях данных угроз в Южной и Центральной Америке; особое внимание должно было уделяться сбору информации о развитии вооруженного конфликта в Колумбии [8]. В свою очередь для бразильской стороны был крайне важен опыт, накопленный Германией в деле использования бундесвера в ходе проведения небоевых операций по профилактике терроризма, притом в различных областях (Аденский залив, Афганистан) и природно-климатических условиях. Показательна дата поездки Г.Шредера в Бразилию, в ходе которой были согласованы соответствующие консультации на уровне профильных ведомств: это — февраль 2002 г., т.е. вскоре после старта (декабрь 2001 г. — январь 2002 г.) масштабного разнохарактерного использования бундесвера в операциях «Несокрушимая свобода» (*Enduring Freedom*) и деятельности Международных сил содействия безопасности (*International Security Assistance Force, ISAF*) [9, pp. 73-78]. Таким образом, при выстраивании отношений с Бразилией ФРГ вновь, как и в 1999 г., стремилась максимально использовать фактор усиления своей правосубъектности на мировой арене.

Германия подчеркивала, что она воспринимает Бразилию как гаранта региональной стабильности в Южной Америке, в том числе в вопросах профилактики контрабанды вооружений, включая легкое оружие. В контексте опасности получения террористами доступа не только к самому ОМУ, но даже технологиям его производства официальный Берлин подчеркивал важность соблюдения Бразилиа положений договора Тлателолко и мониторингу его выполнения в Южной и Центральной Америке в целом [6, ss. 7-8]. В свою очередь ФРГ еще с конца 1980-х годов наладила экспорт конвенциональных вооружений в Бразилию. Наиболее значимой категорией являлись дизельные подводные лодки проекта 209 (экспортного): в 1989—2005 гг. было продано 5 единиц, а в дальнейшем ФРГ стала поставлять многочисленные комплектующие для их модернизации (см. таблицу ниже).

К середине 2000-х годов две «восходящие» державы договорились о тесной координации своих усилий, направленных на обретение постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Плавный взаимный зондаж этого вопроса начался уже в конце 1990-х годов, а реальное согласование позиций, с точки зрения автора, началось не позднее визита Г.Шредера в Бразилию (2002 г.). Показательно, сколь большое внимание канцлер уделил углублению различий по вертикали Север — Юг и необходимости координации усилий [8], в том числе в вопросах реформирования архитектуры международной безопасности.

Здесь уместно задаться вопросом: почему ФРГ пошла на согласование указанных выше позиций с Бразилией лишь в 2000-е годы, хотя германская дипломатия предпринимала настойчивые попытки добиться постоянного места в Совете Безопасности еще в предшествующее десятилетие (в 1993 и 1997 гг.)? В 1990-е годы истеблишмент Германии в существенно меньшей степени, чем в начале XXI в. был готов к реальной диверсификации своих внешнеполитических связей за пределами Евроатлантического сообщества. Однако, как в более «узком» плане (провал инициатив 1993 и 1997 гг. по реформированию Совета Безопасности ООН), так и более «широком», руководство Германии убеждалось в недостаточности опоры лишь на парт-

неров по «коллективному Западу» для решения магистральных задач, стоящих перед страной на мировой арене. Более того, движение ФРГ по пути реализации лидерских амбиций стало вызывать растущее беспокойство «традиционных» западных держав, прежде всего США. Это отчетливо проявилось в ходе иракского военно-политического кризиса (2003 г.), в ходе которого начался и стал развиваться длительный (до 2005 г.) кризис отношений между Берлином и Вашингтоном. Это стимулировало ускорение при «зрелом» Г.Шредере перехода к диверсифицированной внешней политике, одной из ключевых составляющих которой и стало углубление германо-бразильских отношений, в том числе их сонаправленное движение по пути обретения постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Двусторонние контакты (прежде всего, неофициальные) резко активизировались в 2004 — первые месяцы 2005 гг., т.е. в период подготовки доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана (1997—2006 гг.) «К большей свободе». Он был озвучен 21 мая 2005 г. и включал два варианта реформы Совета Безопасности ООН: один («А») предполагал создание шести новых постоянных мест (по два для государств Азии и Африки, по одному — для стран Европы и Америки); другой («Б») — учреждение восьми возобновляемых непостоянных мест (по два для стран Азии, Африки, Европы и Америки). После обнародования доклада Бразилия, Германия, а также Индия и Япония объединились в группу G4, стремясь добиться реализации варианта «А» проекта реформы и де-факто выступая против проекта «Б» [4, ss. 740-744]. Однако действия G4 потерпели неудачу вследствие наличия ряда препятствий. Де-факто критическое отношение к самой идее реформы выражали ряд действующих членов Совета Безопасности (США, КНР); страны — участницы Африканского союза не смогли договориться о том, какие конкретно государства должны быть выдвинуты на роль постоянных членов. «Торпедирующей» для планов G4 проблемой стали действия группы «Объединившиеся ради консенсуса», причем две ее страны-участницы — Аргентина и Италия — выражали недовольство идеей предоставления регулярного представительства именно Бразилии и Германии соответственно [4, s. 744].

К осени 2005 г. стала ясна нереализуемость, как минимум на среднесрочную перспективу, планов G4. Хотя сам этот формат сохранился, интенсивность германо-бразильских консультаций по реформе Совета Безопасности ООН резко снизилась. Свидетельствовало ли это о сокращении двусторонних контактов в политико-военной области? Безусловно, наблюдалось определенное «проседание» диалога по ряду направлений. Помимо конъюнктурных причин (провал проекта реформы СБ ООН) в определенной степени это было обусловлено наступлением «эры» Ангелы Меркель с осени 2005 г. Канцлер, особенно «ранняя» (до начала 2010-х годов), стремилась перевести процесс движения ФРГ к положению полновесного глобального игрока в более латентные формы, тем самым смягчая остроту его критического восприятия, прежде всего, со стороны США. С одной стороны, это снижало вероятность «рывков» в развитии диалога, характерных для канцлерства Шредера. С другой — изменение тактики отнюдь не означало отказа от долгосрочных целей, направленных на утверждение Германии в роли мировой державы. Соответственно, сохранялась заинтересованность в развитии диалога с предельно широким кругом акторов на мировой арене, в том числе с Бразилией. В 2000-е годы эта страна в системе внешнеполитического планирования и деятельности ФРГ прочно утвердилась в роли фокусного партнера, сотрудничество с которым должно было стать осевой составляющей стратегического проникновения Германии в региональную подсистему Южной и Центральной Америки.

ЭКСПОРТ ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ФРГ В БРАЗИЛИЮ

Год	Сумма в евро (кол-во сделок)	Основные категории	Место Бразилии в топ-20 государств-импортеров	Сноска
2006	28,5 млн (75)	Комплектующие для подводных лодок (ПЛ), эхолоты	—	[12, s.124]
2007	7,8 млн (101)	Коммуникационное оборудование	—	[13, s.107]
2008	17,8 млн (113)	Комплектующие для корветов и ПЛ	—	[14, s.107]
2009	115,0 млн (126)	Боевые танки, БТР, грузовики, запчасти для бронетехники	11-е	[15, ss.26, 112]
2010	13,4 млн (115)	Комплектующие для ПЛ	—	[16, s.116]
2011	64,3 млн (157)	Боевые танки, запчасти для бронетехники	—	[17, s.96]
2012	13,5 млн (180)	Комплектующие для ПЛ, миноискатели	—	[18, s.96]
2013	53,3 млн (169)	Средства ПВО, комплектующие для бронетехники	—	[19, s.101]
2014	30,9 млн (122)	Коммуникационное оборудование	—	[20, s.103]
2015	61,0 млн (148)	Торпеды, пиротехника	—	[21, s.99]
2016	14,6 млн (121)	Тренажеры систем ПВО	—	[22, s.91]
2017	62,6 млн (134)	Комплектующие для танков и бронетехники, моторы для ПЛ	20-е	[23, ss.77, 89]
2018	79,0 млн (176)	Тренажеры систем ПВО, торпедные аппараты	16-е	[24, ss.75, 89]
2019	82,9 млн (189)	Моторы для ПЛ, комплектующие для них и надводных кораблей	19-е	[25, s.87, 104]

Текущее положение вещей ярко характеризует наличие разветвленной сети дипломатических представительств одной стороны на территории другой, оформившейся в нынешнем виде к началу 2010-х годов. Помимо посольства в Берлине Бразилия имеет два генеральных консульства — в Мюнхене (Бавария), Франкфурте-на-Майне (Гессен), а также семь почетных консулов. Они находятся в Ахене (Северный Рейн — Вестфалия), Бремене (вольный город), Гамбурге (вольный город), Ганновере (Нижняя Саксония), Гейдельберге и Штуттгарте (Баден-Вюртемберг), Штайне (Бавария). Показательно, что все консульские учреждения официальной Бразилиа расположены в «старых» землях ФРГ (не на территории бывшей ГДР), что отражает особенности межсубъектной экономической и политической кооперации двух стран. В свою очередь ФРГ, помимо посольства в столице Бразилии, располагает четырьмя генеральными консульствами — в Порту-Алегри (Риу-Гранди-ду-Сул), Ресифи (Пернамбуку), Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро (одноименные штаты) [10]. Количество дипломатических учреждений свидетельствуют о примерно равной заинтересованности сторон в развитии диалога (учитывая, что фигуры почетных консулов по

имиджевому и политическому весу существенно ниже генеральных консульств как учреждений).

13—15 мая 2008 г. канцлер А. Меркель совершила свой первый визит в Бразилию и латиноамериканский регион в целом, проведя продолжительные переговоры с президентом Луисом Инасиу Лулой Да Силвой (2003—2011). По их итогам стороны провозгласили формулу стратегического партнерства, причем Бразилия стала и по состоянию на начало 2020-х годов остается единственной страной Латинской Америки, в отношениях с которой Германия декларировала такой уровень сотрудничества [11]. Как следует из данных таблицы, обозначение перехода к новому качеству диалога сопровождалось ростом импорта Бразилией вооружений и военной техники (ВиВТ) германского производства.

Закупки продукции из ФРГ осуществлялись в первую очередь в интересах ВМС Бразилии, особенно ее подводного флота. Почему? Технологически Германия занимала одно из ведущих мест в судостроении дизельных ПЛ в мире. Иллюстрацией этого стали проекты 212А (выпускаемые в интересах самого Бундесвера), а также экспортный 209. Участвуя в улучшении тактико-технических характеристик поставленных в 1989—2005 гг. лодок данного типа (посредством поставок новых моторов, эхолотов, торпедных аппаратов), ФРГ прочно утвердилась в роли внешнего модернизатора ВМС Бразилии. Подводя практическую опору под фундамент сотрудничества, Берлин де-факто поддерживал реализацию лидерских амбиций официальной Бразилиа: относительно современный флот и наличие в его составе кораблей различного назначения существенно укрепляли ее позиции в отношении как других крупных региональных игроков (прежде всего, Аргентины), так и 4-го флота США.

К началу 2010-х годов Бразилия также стала увеличивать объемы закупаемых у ФРГ «тяжелых» наземных вооружений, включая боевые танки. Одно из оснований для этого — стремление к качественному обновлению и количественному усилению группировки войск на границе с Колумбией, где развивался вооруженный конфликт. В первое десятилетие XXI в. в активном использовании своих дипломатических и особенно военных инструментов в зонах нестабильности Германия ограничивалась, помимо Европы, лишь Ближним и Средним Востоком, зоной Африканского рога [9], т.е. в принципе не демонстрировала готовности подключаться к решению «колумбийской проблемы». Учитывая чувствительность этой проблемы для южного соседа, изложенный подход официального Берлина не мог вызывать определенного недовольства со стороны Бразилиа. Соответственно, экспортные поставки Бразилии широкой номенклатуры немецких тяжелых вооружений (вплоть до танков), которые могли использоваться для укрепления границы с Колумбией, с политической точки зрения стали в некотором смысле компенсацией недостаточного внимания ФРГ к этой проблеме.

Примечателен и тот факт, что к середине 2010-х годов А. Меркель лишь однажды (2008 г.) совершила визит в Бразилию, что свидетельствовало о высоком риске «проседания» двусторонних отношений. Негативный для ФРГ эффект усиливался еще и тем, что во втором десятилетии XXI в. Бразилия стала активно развивать отношения с государствами — партнерами по *BRICS*, то есть группой «восходящих» держав, расположенных вне Евроатлантического сообщества и в значительной степени дистанцирующихся от него. Осознавая это, руководство ФРГ пошло на существенную интенсификацию диалога: 15-16 июня 2014 г. были проведены двусторонние переговоры на высшем уровне в г. Салвадор, продемонстрировавшие возникновение переговорной «связки» Ангела Меркель — Дилма Руссефф. Важнейшим результатом встречи стало согласование запуска механизма

межправительственных консультаций [26]. Первые двусторонние переговоры в составе полных кабинетов были организованы в Бразилиа уже 19-20 августа 2015 г. и прошли в исключительно торжественной обстановке. Стороны декларировали растущий взаимный интерес к углублению сотрудничества, планируя выйти на двухгодичную периодичность работы механизма межправительственных консультаций [27].

Время для обеих встреч (середина июня 2014 г. и августа 2015 г.) было выбрано отнюдь не случайно. На фоне украинских событий марта-апреля 2014 г. в отношениях Евроатлантического сообщества и РФ началась новая холодная война. Необходимость участия ФРГ в выстраивании системы «сдерживания» России, особенно с точки зрения предоставления войск в состав группировок НАТО в Европе, существенно сократила ресурсы, которые Германия могла использовать для обеспечения своего политико-военного присутствия за пределами «коллективного Запада». Симптомы этого проявились уже к лету 2014 г., став заметными в полной мере год спустя. В сложившейся ситуации руководство Германии стало искать способы компенсации трудностей, вставших на пути сохранения и тем более укрепления своих позиций как «восходящей» державы. Одной из составляющих этого поиска и стал ускоренный запуск механизма межправительственных консультаций, закреплявший переход к стратегическому партнерству и способный принести большие дивиденды ФРГ. Однако в условиях 2015 г. эти дивиденды оказались скорее имиджевыми, нежели практическими. В отличие от экономической сферы, в политико-военной области существовало намного меньше направлений для активных контактов. По сути это — лишь продолжение ограниченных консультаций в рамках G-4, а также военно-техническое сотрудничество [26; 27].

Описанная выше особенность диалога делала его развитие уязвимым в случае глубоких внутриполитических изменений даже в одной из стран-участниц. Временное отстранение (апрель 2016 г.) президента Д.Руссефф от власти и ее последующий импичмент (август 2016 г.) «торпедировали» «переговорную связку» между этим политиком и А. Меркель. Приступивший к исполнению полномочий главы государства Мишел Темер (2016—2019 гг.), в отличие от отстраненной Д.Руссефф, не продемонстрировал готовности к поддержанию диалога с ФРГ на уровне середины 2010-х годов. Так, во время саммита G-20 в Гамбурге отдельной двусторонней встречи на высшем уровне проведено не было.

Надежды германского истеблишмента на изменение данной ситуации после новых президентских выборов в Бразилии не оправдались [28]. Жаир Болсонару (2019 — н/в)., получивший прозвище «тропический Трамп», сфокусировался на выстраивании особых отношений с США (в том числе персонально с 45-м президентом Соединенных Штатов) [29], уделяя, по сравнению с предшественниками, существенно меньшее внимание другим направлениям двустороннего сотрудничества, в том числе с ФРГ. Показательно, что во второй половине 2010-х годов не состоялось ни одного визита А. Меркель в Бразилию, не были проведены (должны были стать вторыми по счету) межправительственные консультации, то есть стороны дефакто нарушили свои планы (2015 г.) [27].

19 марта 2019 г. состоялись переговоры между Д. Трампом (2017—2021 гг.) и Ж. Болсонару, в ходе которых стороны договорились о существенном углублении общеполитического и военного сотрудничества [30], а президент США «пробросил» вопрос о возможном вступлении Бразилии в Североатлантический альянс. Какова в этой связи была позиция Германии, и чем она была обусловлена?

На первый взгляд расширение НАТО на Бразилию могло отвечать интересам ФРГ, особенно, учитывая отмеченный первый императив ее внешней политики, и де-юре открывает возможность для перехода к союзническим отношениям. Реакции официального Берлина, однако, не последовало. Формально это было обусловлено тем, что Д.Трамп сделал свое предложение в частном порядке, т.е. предварительно не согласовав его с государствами — партнерами по НАТО. Подобная практика — декларирование Соединенными Штатами в одиночку заявлений и принятие решений, затрагивающих интересы широкого круга государств — членов Североатлантического альянса, — стала «визитной карточкой» политической тактики трампизма. Стремясь подчеркнуть свое доминирование в НАТО и в рамках «коллективного Запада» в целом, Д.Трамп подвергал жесткой критике и рестриктивным мерам акторов Евроатлантического сообщества, способных играть роль параллельных и отчасти альтернативных США центров влияния, прежде всего ЕС и ФРГ. Соответственно, с точки зрения Д.Трампа одной из ключевых задач, решаемых в случае введения Бразилии в число стран — участниц НАТО, являлось ослабление позиций Германии в альянсе. Очевидно, что официальный Берлин не был готов поддержать подобное расширение блока (равно как и раскритиковать его официально, ибо это нанесло бы мощный имиджевый урон и без того непростым в этот период германо-бразильским отношениям) еще и потому, что это автоматически накладывало бы на ФРГ обязательства по решению проблем безопасности и обороны нового союзника. Была ли готова германская сторона развернуть по запросу Бразилии ротационное присутствие бундесвера на границе с Колумбией, а также Венесуэлой, причем во втором случае — с риском втягивания в широкомасштабные наступательные боевые действия против этой страны? Учитывая позицию ФРГ в обоих случаях, следует, безусловно, дать отрицательный ответ. Приняв на себя подобные весьма нелегкие обязательства, ФРГ почти ничего бы не приобрела. Более того, вступление в НАТО Бразилии с очень высокой долей вероятности сопровождалось бы дальнейшим сближением с США (включая сферу военно-технического сотрудничества) и одновременным фактическим ослаблением связей с Германией, в том числе из-за ее крайне низкой готовности (и способности) активно применять свой военно-политический инструментарий в Южной Америке.

Таким образом, вариант развития двусторонних привилегированных отношений с Бразилией (как «восходящей» державы вне «коллективного Запада») оказывался для официального Берлина выгоднее, чем вхождение Бразилии в Евроатлантическое сообщество. При этом переговоры Д.Трампа и Ж.Болсонару 19 марта 2019 г. отчетливо показали, что ФРГ «теряет» бразильского партнера, тем самым проигрывая трампизму на этом направлении. Спад в развитии отношений с высокой долей вероятности может продлиться до окончания президентства Ж.Болсонару. Необходимо подчеркнуть, что наблюдаемая деградация диалога обусловлена не только личностью действующего главы бразильского государства, но и отсутствием большой «подушки безопасности» в виде значительных объемов практического сотрудничества. Так, свою готовность подключиться к урегулированию вооруженного конфликта в Колумбии ФРГ выразила лишь в период его выхода на завершающую стадию (с 2019 г.) [31].

«Раздражителем» при выстраивании отношений с официальной Бразилиа становится линия Берлина по решению «венесуэльской проблемы». Власти ФРГ декларировали поддержку «умеренной» оппозиции, возглавляемой Хуаном Гуайдо. Так, в июле 2017 г. тогдашний глава МИД ФРГ Зигмар Габриель подчеркнул, что «парламент — это сердце демокра-

тии» [28], обозначив неприятие использования силы оппозиционным председателем Национальной ассамблеи Венесуэлы [32]. Официальный Берлин признал Х.Гуайдо временным президентом Венесуэлы (что привело к объявлению посла ФРГ в этой стране персоной *non grata*), однако сделал это лишь в марте 2019 г. Вслед за этим представители правительства Германии приняли эмиссара Х.Гуайдо Отто Гебуаэр. Однако он был признан лишь в качестве «представителя временного президента Венесуэлы», то есть ему было отказано в аккредитации в статусе посла [33]. ФРГ совершенно не была готова поддержать в политическом, а тем более в военном отношении наступательную (интервенционистскую по своей сути) кампанию против Венесуэлы, возможность осуществления которой прорабатывалась на встрече Д.Трампа и Ж.Болсонару 19 марта 2019 г. [30].

Урон, нанесенный Германии из-за спада отношений с Бразилией в политико-военной области, оказался весьма чувствителен для внешнеполитической активности ФРГ. Стремясь компенсировать сокращение контактов с единственным стратегическим партнером в Латинской Америке, официальный Берлин в конце 2010-х годов решил «перезапустить» отношения с Аргентиной, однако эта попытка оказалась безуспешной [34]. Непосредственно накануне «заморозки» практически всех политических процессов в мире, вызванных пандемией *COVID-19*, 6-7 февраля 2020 г. канцлер ФРГ совершила визит в ЮАР [35], демонстрируя тем самым заинтересованность в углублении прямых двусторонних связей с «вершинами» пятиугольника *BRICS*, особенно расположенными за пределами Евразии. Рассмотренные политико-дипломатические шаги ФРГ (как в направлении Аргентины, так и ЮАР) автор склонен истолковывать, в том числе, как «сигналы», адресованные истеблишменту Бразилии в плане стимуляции его интереса к активизации диалога с Германией. В данной связи показательно и назначение в июле 2020 г. нового посла Хайко Томса в Бразилию [10]. Сам факт осуществления подобной меры в разгар пандемии свидетельствует об особой важности скорейшей активизации отношений с этой латиноамериканской страной. Интересен и послужной список Х.Томса: в «эру» Меркель он работал на высоких постах в центральном аппарате МИД ФРГ, а в середине — второй половине 2010-х годов последовательно возглавлял германские представительства при ООН (в Нью-Йорке) и НАТО [10]. Соответственно, этот дипломат отлично ориентируется и в трансатлантических, и в межамериканских отношениях. Находясь в Бразилии, он способен предложить своему правительству адекватные меры как по реагированию на «шоковые» факторы, связанные как с самой Бразилией (предложение Д.Трампа о вхождении ее в состав НАТО), так и по заметному улучшению отношений с данной страной в целом.

Существуют ли возможности для хотя бы небольшого подъема германо-бразильских отношений еще в период президентства Ж.Болсонару? Таковых автор видит три. Первая — это заинтересованность в координации усилий и обмене опытом в борьбе с нетрадиционными (невоенными) угрозами в условиях пандемии *COVID-19*. Вторая — совместное или как минимум согласованное участие в реформировании сектора безопасности правительственных сил в Колумбии. Так, бундесвер мог бы оказать здесь не только финансовую [31], но и техническую помощь, направив группу инструкторов, имеющих опыт подготовки вновь создаваемых кадров войск, полиции и жандармерии в странах, стремящихся вступить на путь постконфликтного развития (в частности, Мали). Наконец, третья возможность — рост объемов экспорта германской военной продукции в Бразилию. На основе данных таблицы можно рассчитать, что, если в 2008—2014 гг. (т.е. на временно́м отрезке от момента провоз-

глашения стратегического партнерства до запуска межправительственных консультаций) средний ежегодный объем закупок Бразилией ВиВТ немецкого производства составлял 44,0 млн евро, то во второй половине 2010-х годов — уже 56,8 млн (+29%). Примечательно, что в трехлетие периода «пост-Руссефф» Бразилия стабильно входила в топ-20 государств — импортеров германского оружия, причем оно закупалось в интересах не только ВМС, но и армии и даже ВВС (см. таблицу).

Германо-бразильские отношения в политико-военной области развивались зигзагообразно с повышенной амплитудой колебаний. Фазы резкого подъема пришлись на 1999—2005 и 2014—2015 гг., причем если в первом случае ФРГ стремилась к углублению диалога в период усиления своих позиций в мире, то во втором — в условиях ослабления. Столь сильные колебания были обусловлены противоречивостью двух знаменателей двусторонних отношений. С одной стороны, это — взаимная заинтересованность, причем в случае официального Берлина она была вполне сопоставима с интересами Бразилии. Ключевой момент заключается в том, что к началу 2020-х годов Бразилия была единственным партнером ФРГ, способным обеспечить стратегическое присутствие последней в Латинской Америке. Другой причиной является тот факт, что направления и объемы двустороннего сотрудничества, нехватка которых обуславливала его недостаточную устойчивость, не соответствовали планам сторон (особенно Германии). Стремление ФРГ преодолеть данное противоречие совершенно очевидно. Это выразится в попытках качественной перестройки (с целью резкого наращивания объемов) сотрудничества в области безопасности и обороны в контексте общей активизации использования Германией своего политического и военного инструментария в Южной Америке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Прусов Е.В. Бразилия как вектор внешней культурной политики Германии. *Латинская Америка*. Москва, 2013, № 2. сс. 59-72. [Prusov E.V. Brazilia как vektor vneshney kulturnoiy politiki Germanii [Brazil as the vector of German foreign cultural policy]. *Latinskaya America*. Moscow, 2013, N 3, pp. 59-72.

2. Vizentini P. G.F. A Projeção Internacional do Brasil: 1930-2012. Brazilia, Elsevier Editora Ltda, 2013, 176 p.

3. Damasceno M. Especialistas alemães veem con ceticismo cooperação militar Brasil-França. 06.09.2009. Available at: https://www.dw.com/pt-br-especialistas-alemães-veem-con-ceticismo-cooperação-militar-brasil-françа/a-4637843 (accessed 05.11.2020).

4. Knapp M. Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990. *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden, GWV Fachverlage GmbH, 2007, ss.734-745.

5. Botschaftskonferenz Lateinamerika 1993: Thesen zur Lateinamerikapolitik vom 10.10.1993. *Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990-1993*. Bonn, 1993, ss.344-347.

6. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten K.-J. Hedrich, Dr. F. Pflüger, Dr. C. Ruck, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der CDU/CSU – Drucksache 15/3028 – Bilanz deutscher Lateinamerika-Politik seit 1998. Deutscher Bundestag, 15 Wahlperiode. Drucksache 15/3255, 28.05.2004, 48 s.

7. Kooperation zwischen Europa und Lateinamerika – Rede der Bundeskanzler Gerhard Schröder zur Eröffnung des EU-Lateinamerikagipfels in Rio de Janiero. 30.07.1999. Available at: https://web.archive.org/web/20170609185153/https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/1990-1999/1999/46-99_Schröder.html (accessed 05.11.2020).

8. Lateinamerika-Reise des Bundeskanzlers vom 10. bis 16. Februar 2002 – Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder auf dem Empfang der Deutsch-Brasilianischen Handelskammer am 13. Februar 2002 in Sao Paulo. 16.12.2002. Available at: https://web.archive.org/web/

20170609191141/https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2001_2007/2002/09-3_Schröder.html (accessed 06.11.2020).

9. The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009, 120 p.

10. Deutsche Vertretungen in Brasilien. Available at: https://brasil.diplo.de/ (accessed 05.11.2020).

11. Deutschland und Brasilien: Bilaterale Beziehungen. 01.10.2020. Available at: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/brasilien-node/bilateral/201112 (accessed 06.11.2020).

12. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2006. Berlin, 2007. 147 s.

13. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2007. Berlin, 2008. 131 s.

14. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2008. Berlin, 2009. 131 s.

15. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2009. Berlin, 2010. 140 s.

16. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2010. Berlin, 2011. 139 s.

17. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011. Berlin, 2012. 116 s.

18. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012. Berlin, 2013. 120 s.

19. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013. Berlin, 2014. 124 s.

20. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014. Berlin, 2015. 128 s.

21. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Berlin, 2016. 132 s.

22. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016. Berlin, 2017. 120 s.

23. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin, 2018. 116 s.

24. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Berlin, 2019. 112 s.

25. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin, 2020. 128 s.

26. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel am 20. August 2015 in Brasilia. Donnerstag, 20. August 2015. Available at: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-am-20-august-2015-846434 (accessed 12.11.2020).

27. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen am 20. August 2015 in Brasilia. Donnerstag, 20. August 2015. Available at: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404 (accessed 10.11.2020).

28. Bundeskanzlerin Merkel gratuliert dem gewählten Präsidenten der Föderativen Republik Brasilien, Herrn Jair Messias Bolsonaro. Donnerstag, 1. November 2018. Available at: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-gratuliert-dem-gewaehl-ten-praesidenten-der-foederativen-republik-brasilien-herrn-jair-messias-bolsonaro-1544688 (accessed 5.11.2020).

29. Яковлев П.П. Латиноамериканская политика Д.Трампа. *Феномен Трампа. Коллективная монография.* Отв. ред. Кузнецов А.В. Москва, ИНИОН РАН, 2020. сс. 609-624. [Yakovlev P.P. Latinoamerikanskaya politika D. Trampa [Donald Trump's policy towards Latin America]. *Phenomen Trampa. Kollektivnaya monografiya* [Trump Phenomenon]. Moscow, INION RAS, 2020, pp. 609-624.

30. Joint Statement from President Jair Bolsonaro and President Donald J. Trump – March 19, 2019. Available at: https://www.itamaraty.gov.br/en/press/-releases/20187-joint-statement-from-president-donald-j-trump-and-president-jair-bolsonaro-march-19-2019 (accessed 15.11.2020).

31. Auswärtiges Amt anlässlich des Aufrufs zur Wiederaufnahme des bewaffneten Kampfs durch ehemaligen FARC Anführer. 05.09.2019. Available at: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/wiederaufnahme-kampf-farc/2244546 (accessed 17.11.2020).

32. Außenminister Gabriel zum Angriff auf die venezolanische Nationalversammlung. 06.07.2017. Available at: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Pres-se/Meldungen/2017/170706_BM_Venezuela_Angriff_Nationalversammlung.html (accessed 17.11.2020).

33. Bundesregierung erkennt Guaidó-Gesandten nicht als Botschafter an. 27.03.2019. Available at: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-03/bundesregierung-juan-guaido-diplomat-venezuela-botschafter (accessed 19.11.2020).

34. Bundeskanzlerin Merkel gratuliert dem gewählten Präsidenten der Argentinischen Republik, Alberto Fernández. Freitag, 1. November 2019. Available at: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-gratuliert-dem-gewaehl-ten-praesidenten-der-argentinischen-republik-alberto-fernández-1687762 (accessed 20.11.2020).

35. Reise der Kanzlerin nach Südafrika und Angola. Wollen "guter Partner an der Seite Südafrikas sein". Freitag, 7. Februar 2020. Available at: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-afrika-reise-1719008 (accessed 21.11.2020).

Philipp O.Trunov (1trunov@mail.ru)

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, the Department of Europe and America, the Institution for Scientific Information on Social Sciences RAS

Nachimovskyi prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation

Brazilian direction of German foreign policy on the world stage: political-military aspects

Abstract. The «unfreezing» of world political processes that follows after the end of COVID-19 pandemics will be accompanied by the growing number of security challenges. It means the necessity to find effective solutions which are based first on the coordination between the most powerful international actors. We cannot access the potential of this bi- and multilateral cooperation without the exploration of its experience at the «long step» (1990-s – 2010-s). The article explores the features and «narrow places» of the dialogue between Germany and Brazil in political-military sphere first of all from German positions. The author studies the first attempts to achieve new quality of dialogue in 1990-s and the difficulties on this way. The scientific paper covers German tactics aimed at accelerated rise of bilateral relations during Schröder`s chancellorship. In this regard special attention is paid to the cooperation between Germany and Brazil in the question of the UN Security Council reform. The article demonstrates the dynamics of German-Brazil relations during Merkel`s chancellorship. The declaration of strategic partnership (2008) and the launch of the intergovernmental consultations format (2015) were not backed up by the sufficient volumes of bilateral practical cooperation. The scientific paper issues the reasons of the degradation of the relations during Bolsonaro`s presidency. In this regard the author shows German practical attempts to relaunch the dialogue by the beginning of 2020-s.

Key words*:* German political strategy, Brazil, interstate relations, Merkel, Bolsonaro.

DOI: 10.31857/S0044748X0013677-3

Received 05.10.2020.

Г.П.Перепиляк

Мадридский договор 1750 г.

Передел колониальных зон Испании и Португалии

В статье рассматривается процесс подготовки, заключения и реализации испано-португальского договора 1750 г. по делимитации своих заморских владений в Восточном и Западном полушариях. Особое внимание уделено картографо-топографическому обеспечению переговорного процесса и демаркационных мероприятий на основе астрономо-геодезических работ, выполненных европейскими специалистами и российским морским штурманом Нестером Гавриловичем Рубцовым в ходе Первой русской научной экспедиции в Бразилию в 1821—1829 гг.

Ключевые слова: Южная Америка, разграничение испано-португальских владений, Договор Тордесильяс 1494 г., Мадридский договор 1750 г., демаркационный процесс, знак Жауру, Н.Г. Рубцов.

DOI: 10.31857/S0044748X0013681-8

Статья поступила в редакцию 15.09.2020.

Система Утрехтских мирных договоров 1713—1715 гг., подписанных Францией и Испанией, с одной стороны, и их противниками в войне за Испанское наследство (1701—1714 гг.) Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и Савойей — с другой, урегулировавшая на период до войны за Австрийское наследство (1740—1748 гг.) территориальные споры и вопросы престолонаследия в Европе, оказала одновременно влияние и на решение проблем разграничения заокеанских владений ведущих европейских держав [1, с. 354; 2, pp. 84-86]. Так, в соответствии с франко-португальским договором от 11 апреля 1713 г. за Португалией закреплялись территории на северном берегу реки Амазонки и устанавливалась граница между французской Гвианой и португальской Бразилией по реке Ойяпок. По испано-португальскому договору от 6 февраля 1715 г. Португалии возвращался район Сакраменто (современный Уругвай) на северном берегу реки Ла-Плата [3, кол. 910; 4, p. 229]. Таким образом, в результате Утрехтских соглашений Франция и Испания под давлением Англии и ее союзников были вынуждены пойти на частичные уступки и, получив взамен временное

Глеб Павлович Перепиляк — в 1993–1996 гг. советник Посольства РФ в Бразилии (pgp2000@yandex.ru).

урегулирование территориальных споров с Португалией, утратили часть своего влияния на севере и юге Бразилии.

В западных же районах отмеченной выше португальской колонии продолжала формально действовать не обозначенная на местности линия разграничения, предусмотренная Тордесильяским договором 1494 г. Названная в нем «прямой линией от полюса до полюса, то есть от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса», она, вследствие неопределенности формулировки, явилась первопричиной возникновения территориальных споров между Испанией и Португалией, переросших к середине XVIII в. в серьезные геополитические противоречия [5, pp. 85, 88; 6, p. 78]. Их урегулирование потребовало делимитации границ колониальных зон в рамках нового соглашения, заменяющего договор 1494 г.

В этой связи целями данного исследования являются освещение политико-дипломатического процесса по подготовке, заключению и реализации Мадридского договора 1750 г., относительно мало упоминаемого в отечественных источниках, а также показ на его примере роли и значения картографо-топографического обеспечения в переговорном процессе и в ходе демаркационных мероприятий.

ПРЕДПОСЫЛКИ К ДЕЛИМИТАЦИИ ЛИНИЙ РАЗДЕЛА И ПОДГОТОВКА К ПЕРЕГОВОРАМ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ НОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Линия Тордесильяс, нарушенная Испанией в Восточном полушарии в результате установления контроля за Молуккскими островами, и Португалией — в Южной Америке вследствие экспансии на северный берег Ла-Платы, в Амазонию и бассейн реки Парагвай, к первой половине XVIII в. полностью утратила свое практическое значение как граница колониальных зон этих государств. Это обстоятельство стало главной причиной возникновения заинтересованности Испании и Португалии в полном отказе от договора 1494 г. и в подписании нового соглашения о делимитации их заморских владений, прежде всего в Южной Америке.

Дополнительным фактором, оказавшим влияние на позицию Португалии, явилась возрастающая трудность в дальнейшей маскировке происходящей экспансии в испанскую зону путем преднамеренного искажения карт региона. Такие действия предпринимались в рамках организованной в первые же годы XVI в. специальной государственной программы по разработке картографических материалов, показывающих отдельные участки атлантического побережья Южной Америки в выгодном для португальской короны свете, то есть несколько ближе к африканскому континенту [7, p. 426; 8, p. 146]. Это позволяло расширить португальскую зону, формально оставляя линию Тордесильяс в положении, соответствующем договору 1494 г. Доказательством такого подхода могут служить карты, составленные в Португалии или в других странах (но на основе португальских данных) в первое десятилетие XVI в., на которых береговая черта Бразилии, уходящая на юго-запад от нынешнего г. Рио-де-Жанейро, преднамеренно изображалась восточнее своего фактического положения. Это создавало впечатление о расположении ее южных участков (особенно вблизи устья Ла-Платы) к

востоку от линии Тордесильяс, то есть в португальской зоне [8, p. 210; 9, pp. 12-14;10, p. 161]. Вышеуказанная программа была окружена завесой глубокой тайны; все картографические материалы были строго засекречены [11, p. 333, 335, 355; 12, pp. 227-229]. При этом в 1504 г. в Лиссабоне в действие был введен специальный королевский указ, запрещавший под страхом сурового уголовного преследования несанкционированное изготовление и распространение за пределами страны навигационных карт и земных глобусов [13, p. 406; 12, pp. 227-229].

В результате подобных действий португальской короне удалось создать необходимый для себя политико-дипломатический фон в отношении оккупированных территорий, находившихся в относительной близости от линии Тордесильяс. В последовавший же период, с проникновением на значительные расстояния в Амазонию и бассейн реки Парагвай, применение такой маскировки стало невозможным, и португальской короне не оставалось другого выбора, кроме как инициировать переговоры с Испанией в целях установления новых границ колониальных зон, причем по природным линия раздела.

Существенную роль в активизации усилий Португалии в этом направлении сыграл политико-дипломатический скандал, разразившийся в Европе после презентации в 1720 г. в парижской Академии наук первой, как считалось, «научной» карты мира, составленной главным королевским географом Франции Гийомом Делилем, на которой южноамериканский континент был привязан астрономическими методами к общеземной системе географических координат. При рассмотрении карты стало совершенно очевидно, что и колония Сакраменто, и весь бассейн Амазонки и, тем более, районы в эстуарии реки Парагвай находятся к западу от линии Тордесильяс и таким образом являются собственностью испанской короны [7, p. 428; 8, p. 218]. В результате Португалия была выставлена в глазах мировой общественности в качестве «узурпатора» не принадлежащих ей территорий (илл. 1).

Крупный португальский дипломат Луиш да Кунья (участник переговоров в Утрехте в 1712—1715 гг.), находившийся в то время в Париже, немедленно сообщил о произошедшем в Лиссабон и отправил туда соответствующие материалы, которые попали на рассмотрение к Алешандри Гузману, уроженцу г. Сантос (Бразилия) и одному из наиболее влиятельных чиновников в администрации короля Жуана V (1706—1750 гг.)*. Ознакомившись с поступившими от Л.да Куньи материалами и осознав опасность, которую карта Г.Делиля представляла для международного престижа Португалии, А.Гузман немедленно начал действовать, сосредоточившись на двух основных взаимосвязанных направлениях, предусматривавших следующее:

— усовершенствование системы геодезических знаний в Португалии (в середине XVIII в. ставшей заметно отставать от уровня, достигнутого во

* А.Гузман (1695—1753 гг.) в 1710 г. по окончании семинарии отправился в метрополию, где поступил на дипломатическую службу. В Бразилии к Гузману относятся с уважением и почтением. Он считается основоположником бразильской дипломатии. В его честь в стране создан и активно функционирует специальный фонд, являющийся структурным подразделением Научно-исследовательского института международных отношений (*Instituto de Pesquisa de Relações Internacionais, IPRI*).

Илл. 1. Guillaume De l'Isle. Карта американского континента *Carte d'Amerique*, 1722.

Франции); поиск квалифицированных специалистов, способных разработать картографические материалы, в том числе по Южной Америке, доказывающие правомерность португальских территориальных притязаний и целесообразность установления колониальных границ по природным линиям раздела;

— создание условий и картографической базы для заключения нового испано-португальского соглашения о разграничении своих заморских владений, заменяющего Договор Тордесильяс 1494 г.

Гузман организовал приглашение в Португалию для работы в местных университетах некоторым квалифицированным астрономам и геодезистам (главным образом из Италии) и в 1730 г. направил в Бразилию одного из них — священника Общества Иисуса Доминика Капаччи в сопровождении португальского иезуита Диого Соариша для выполнения картографической съемки с использованием астрономических способов определения координат наземных пунктов [14, p. 14; 15, p. 164].

В период с 1730 по 1748 г. эти специалисты, называемые в исторических источниках *padres matemáticos* («отцы-математики»), основали в Рио-де-Жанейро обсерваторию и довольно точно определили ее координаты. Затем, используя это место в качестве опорного, они привязали к нему сеть из 197 пунктов, координаты которых также были определены астрономическими способами. Это позволило составить весьма подробные карты южных и центральных районов нынешней Бразилии, долготы на которых отсчитывались от обсерватории в Рио-де-Жанейро с тем, чтобы не акцентировать фактическое отстояние этих территорий от Парижского меридиана или от острова Ферро (использовавшихся большинством европейских картографов в качестве начальных линий отсчета) [15, p. 165].

Тем временем в целях изложения возможной позиции Португалии по вопросам территориальных разграничений в Америке Гузман в 1736 г. составил специальный доклад на французском языке для распространения в Европе. Это было сделано для того, чтобы выяснить реакцию европейских держав на предлагаемый в документе вариант пересмотра границ колониальных владений на основе принципа римского права *utis possidetis*, означающего «приобретение права на территорию тем субъектом, который на ней уже находится». Важное значение имели содержавшиеся в документе положения о необходимости отказа от линии Тордесильяс, пересмотра границ раздела по всему периметру их протяженности (а не отдельных

участков), а также о возможности обмена отдельными территориями [16, p. 445; 8, p. 226].

В этот же период Л.да Кунья, возможно, опираясь на вариант разграничения, предложенный Гузманом, изложил свое видение «идеальных» границ в Южной Америке, заключающееся в том, что на севере линия раздела должна проходить по реке Ойяпок, на юге — по бассейну Ла-Платы и на западе — по руслу реки Парагвай и линиям, соединяющим ее истоки с Мадейрой [8, p. 188; 17, p. 74; 18]. Кроме того, он заказал известному французскому географу Жану Батисту Бургиньону де Анвилю новую карту Южной Америки, чтобы использовать ее в ходе предстоящих переговоров по вопросам разграничения колониальных зон на этом континенте [19, pp. 274-276; 16, p. 449].

Невольно возникает вопрос: а что же делала все это время Испания, которая после публикации карты Г.Делиля превратилась в глазах всей Европы в «жертву португальского экспансионизма»? Как оказалось, практически ничего — ни в сфере дипломатических усилий, ни в области картографии [8, p. 219].

НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА

Примерно на рубеже 1745—1746 гг. уровень подготовки португальцев к проведению переговоров с Испанией по вопросу раздела владений в Южной Америке был уже достаточным для того, чтобы направить в Мадрид соответствующие предложения. Необходимый предлог и удобный случай для этого появились в июне 1746 г., когда на испанский престол взошел Фердинанд VI (1746—1759 гг.), женатый на дочери португальского короля Жуана V принцессе Марии Барбаре де Браганса. В условиях сразу же начавшихся при мадридском дворе интриг посол Португалии в Испании виконт Вила-Нова-ди-Сервейра сумел убедить новую королеву, оказывавшую сильное влияние на Фердинанда VI, в необходимости назначить на пост государственного секретаря Хосе де Карбахаля-и-Ланкастера вместо откровенно антипортугальски настроенного маркиза де Вильяриаса.

Назначение Х. де Карбахаля-и-Ланкастера позволило уже в начале 1747 г. приступить к переговорам, которые, однако, проходили довольно трудно. Уже на первом этапе обозначилась принципиальная и безоговорочная позиция Испании, заключавшаяся в стремлении закрепить за собой Филиппины в Азии и весь эстуарий Ла-Платы в Южной Америке, с восстановлением испанского контроля за северным берегом этой реки и расположенной на нем колонией Сакраменто. Понимая, что для достижения компромисса эти требования испанской стороны придется в любом случае удовлетворить, Гузман, по-видимому, пришел к мнению о необходимости увязать такую уступку с предоставлением Португалии дополнительных территорий в испанской зоне, в том числе компенсирующих утрату колонии Сакраменто. Для решения этих вопросов необходимы были соответствующие картографические материалы, причем с уже обозначенной на них разделительной линией по всей ее протяженности, удовлетворяющей требованиям и интересам обеих сторон. И такие материалы стали сразу же готовиться в Лиссабоне под наблюдением Гузмана с учетом результатов работ, выполненных в Бразилии «отцами-математиками», а также рядом других специалистов [15, p. 165].

И здесь едва не произошел серьезный сбой, вызванный тем, что Л.да Кунья, получив от Ж.Б.Бургиньон де Анвиля в 1747 г. предварительный экземпляр заказанной ему карты Южной Америки, выслал ее из Парижа прямо в португальское посольство в Мадриде для использования в ходе переговоров*. Узнав об этом, Гузман срочно отправил собственноручное указание послу с требованием не показывать испанской стороне никаких карт до тех пор, пока из Лиссабона не поступит «карта, на которой обозначенные границы будут соответствовать подлинным интересам короны (португальской. — *Г.П.*)». В декабре 1748 г. Вила-Нова-ди-Сервейра был уведомлен о том, что «обещанная генеральная карта, на которой будет изображено все необходимое, пока не закончена…» [19, p. 276]. Поскольку, из-за образовавшейся в Лиссабоне задержки с составлением обещанной карты, переговоры, и так уже длившиеся несколько лет, существенно затягивались, работы были ускорены, и 8 февраля 1749 г. подготовленные материалы были отправлены в Мадрид.

Материалы состояли из двух экземпляров генеральной карты южноамериканского континента, предназначенных для каждой из сторон, с нанесенной на них красным цветом разграничительной линией по всему ее периметру. Неофициально оригинал карты и сделанные с нее копии назывались *Mapas das Cortes*, причем копии, снятые в 1749 г. и отправленные в Мадрид, получили условное название *Mapas das Cortes primitivas*. Поступившие карты существенно ускорили процесс переговоров, в результате чего уже в мае 1749 г. практически вся разграничительная линия (за исключением ее самого южного участка) была согласована сторонами, причем в соответствии с вариантом, обозначенным на *Mapas das Cortes primitivas*. Оставалось определиться только с тем, как проводить будущую границу в районе нынешнего бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул. Поскольку португальская сторона имела в виду обменять колонию Сакраменто на расположенный к северу от нее район иезуитских поселений на восточном берегу реки Уругвай, называемый *Siete pueblos de las Missiones orientales*, на *Mapas das Cortes primitivas*, линия раздела была показана Гузманом как проходящая от Кастильос-Грандес (на атлантическом побережье) по водоразделу до истоков р. Ибикуй и затем вдоль ее русла до впадения в р. Уругвай.

---

* С самого начала переговоров Х. де Карбахаль-и-Ланкастер неоднократно жаловался на нехватку картографических материалов, необходимых для рассмотрения вопросов, связанных с расположением границ. В условиях отсутствия таких карт, подготовленных испанскими специалистами, он был вынужден прибегать к другим источникам. Так, в апреле 1749 г. в ходе переговоров использовалась карта Амазонии, составленная иезуитом чешского происхождения Самуэлем Фритцем в 1707 г. и опубликованная в 1717 г. в Париже. В ожидании готовящейся в Лиссабоне карты стороны изучали и другие материалы, в том числе предоставленный португальским послом топографический план колонии Сакраменто, а также карты, составленные испанскими иезуитами [20, p.112,113; 21]. Но, поскольку эти материалы охватывали лишь отдельные районы континента и не давали целостной картины местоположения потенциальной границы, стороны не могли достичь существенного прогресса в переговорах.

Илл. 2. Карта-схема расположения линии раздела колониальных владений Испании и Португалии в Южной Америке, образовавшейся в результате реализации Мадридского договора 1750 г.

Окончательное согласование этого и других вопросов заняло все второе полугодие 1749 г., по завершении которого договор был подготовлен к подписанию. Соответствующая церемония состоялась 13 января 1750 г. в Мадриде с участием виконта Вила-Нова-ди-Сервейра и Х.де Карбахаля-и-Ланкастера. Ратификация договора монархами Португалии и Испании произошла 26 января и 8 февраля того же года, соответственно (илл. 2).

Хотя Испания и добилась главной цели, заключавшейся в окончательном закреплении за собой островов в Юго-Восточной Азии и установлении эксклюзивного контроля за эстуарием Ла-Платы, подписанный договор стал крупнейшим успехом Португалии, легализовавшей оккупированные в ходе экспансии районы Южной Америки и увеличившей тем самым свою колониальную зону на континенте почти в три раза. Решающую роль в этом сыграло картографическое обеспечение переговорного процесса и, прежде всего, разработанные под руководством Гузмана *Mapas das Cortes*. В результате этого практически вся обозначенная на картах линия раздела, предложенная испанской стороне, была ею в конечном итоге одобрена, в чем немаловажную роль сыграли психологические факторы.

К числу указанных выше факторов следует, прежде всего, отнести эффект, достигнутый за счет искусственного смещения показанных на картах центральных районов южноамериканского континента и отклонения русла реки Парагвай в восточном направлении, что зрительно уменьшало зону, переходящую под контроль Португалии, и создавало впечатление об отно-

сительной незначительности размеров уступаемых Испанией территорий. Конкретным подтверждением этого может служить, например, значительное искажение, допущенное португальскими картографами в отношении г. Куйябы, показанного на карте с долготой, соответствующей меридиану, проходящему чуть западнее г. Белена (штат Пара), то есть почти по линии Тордесильяс. Поскольку фактически Куйяба находится значительно западнее этого меридиана (примерно на 8 градусов долготы), искажение в линейном выражении составило около 850 км, искусственно приближая город к линии Тордесильяс на это расстояние и создавая тем самым ложное представление о реальных размерах занятой Португалией территории.

Естественно, возникает вопрос о том, заметили ли испанские представители на переговорах вышеуказанные искажения или хотя бы часть из них? Ведь достаточно было, например, сравнить *Mapas das Cortes* с картой, составленной Делилем, чтобы увидеть значительные несоответствия между ними. Но, кажется, этого не произошло — то ли, как отмечалось выше, вследствие низкой картографической культуры в Испании того периода, то ли по каким-либо иным причинам*. Несомненную роль сыграло стремление испанской короны, относительно быстро решившей в свою пользу основные вопросы о принадлежности Филиппин и контроле за эстуарием Ла-Платы, закрепить этот успех путем мирного урегулирования других, менее значимых для нее, территориальных проблем в Южной Америке.

ДЕМАРКАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Началом практической реализации Мадридского договора можно считать заключение 17 января 1751 г. испано-португальского соглашения по техническим вопросам обозначения новых линий раздела колониальных владений в Южной Америке. Согласно документу, состоявшему из 37 статей и нескольких приложений, предусматривалось создание двух Смешанных комиссий высокого уровня («Север» и «Юг»). В рамках этих комиссий должны были быть сформированы демаркационные партии (по три в каждой комиссии), предназначенные для совместной рекогносцировки местности, установки пограничных знаков и составления отчетных материалов,

* Ответы на эти вопросы, по-видимому, следует искать при углубленном рассмотрении первичных материалов, использованных в Лиссабоне в ходе составления *Mapas das Cortes*, и всех карт, имевшихся в распоряжении испанской делегации. По заключению бразильских историков, в качестве одного из источников *Mapas das Cortes* использовалась карта Парагвая, составленная испанским иезуитом Х. Франсиско Да́вила. Опубликованная в 1726 г. немецким издательством *Mateus Seutter* в Аугсбурге она считалась более точной, чем карта Г.Делиля, хотя и содержала искажения, аналогичные тем, которые были допущены на *Mapas das Cortes*. Вышеуказанная карта использовалась и в ходе переговоров в Мадриде [21]. В этой связи можно сделать вывод о том, что навешенный многими историками на Гузмана ярлык откровенного фальсификатора не является таким уж бесспорным. И даже если Гузман заметил выгодные для Португалии искажения на карте Х. Франсиско Да́вилы и затем внедрил ее в процесс переговоров в качестве «испанского» (а значит «объективного» с возможной точки зрения Х. де Карбахаля-и-Ланкастера) материала, то это можно назвать не иначе как блестящим тактическим ходом португальской дипломатии.

основным из которых являлся совместно ведущийся ежедневный дневник. Таким образом, вся граница между испанскими и португальскими владениями была разделена на шесть участков, три из которых (расположенные южнее места впадения реки Жауру в Парагвай) относились к Южной комиссии, а остальные — к Северной [22, pp. 195-197].

5 октября 1752 г. к побережью современного Уругвая в районе Кастильос-Грандес прибыл корабль, доставивший из Португалии четыре пограничных знака, изготовленных из известняка в форме четырехгранной пирамиды высотой около 2 м. Увенчанные христианским крестом и украшенные государственными символами Испании и Португалии с надписями на латинском языке они условно назывались опорными (*marcos principales*) и предназначались для обозначения границ на наиболее ответственных участках: на юге — вблизи колонии Сакраменто и на севере — у места впадения реки Жауру в Парагвай.

Первый из этих знаков был установлен уже 19 октября 1752 г. силами 1-й демаркационной партии Южной комиссии на побережье Атлантического океана недалеко от места разгрузки (в настоящее время Пунта-дель-Дьябло, департамент Роча, Уругвай). Грань пирамиды с изображением герба португальского монарха была ориентирована при этом на север, а противоположная — на юг, наглядно демонстрируя, где располагаются португальские и испанские владения, соответственно [22, p. 197; 23, p. 66] (илл. 3).

Второй, идентичный по форме и размерам знак был поставлен 27 ноября 1752 г. на холме Серро-де-Индия-Муэрта (нынешний департамент Роча), а третий — 8 января 1753 г. в Сьерра-де-Карапе, недалеко от современного населенного пункта Вилья-Серрана (департамент Лавальеха) и примерно на 50 км западнее разграничительной линии, показанной на *Mapa das Cortes**.

После установки третьего знака демаркационная партия направилась, в соответствии с разделительной линией, на *Mapa das Cortes* в северо-восточном направлении и 27 февраля 1753 г. в верховьях р. Риу-Негру достигла миссии испанских иезуитов Санта-Текла с координатами 31°15′50″ ю.ш. и 54°05′25″ з.д. Встретив там серьезное сопротивление со стороны местных индейцев-гуарани, не пожелавших переходить под контроль пор-

* Поскольку в 1763 г. после очередного передела колониальных владений в Южной Америке территория, где были установлены эти знаки, оказалась в испанской зоне, губернатор Буэнос-Айреса приказал полностью уничтожить их, разбив на мелкие куски [23, p. 89]. Эта операция была поручена некоему Мануэлю Алваресу ди Оливейре (очевидно, португальцу по происхождению), с тем чтобы он доказал свою верность испанской короне. Однако последний отнесся к выполнению задания халатно, в результате чего довольно крупные фрагменты знаков уцелели. Впоследствии они были частично восстановлены и отправлены в различные населенные пункты Уругвая. Так, наиболее сохранившийся из них, из Сьерра-де-Карапе, в 1895 г. был перенесен на Сторожевую площадь в г. Мальдонадо, где демонстрируется и по сей день. Знак, установленный в октябре 1752 г. в Пунта-дель-Дьябло, был найден в 60-е годы прошлого века и доставлен в музейный комплекс *Fortaleza de Santa Teresa* в департаменте Роча. Наиболее пострадавший из всех знак из Серро-де-Индия-Муэрта был перенесен в административный центр этого департамента в 1898 г. [25, p. 120].

Илл. 3. Пограничный знак «*Marco de los Reyes*» на Сторожевой площади г. Мальдонадо (Уругвай), первоначально установленный в *Sierra de Carapé* в январе 1753 г. 1-й демаркационной партией Южной комиссии

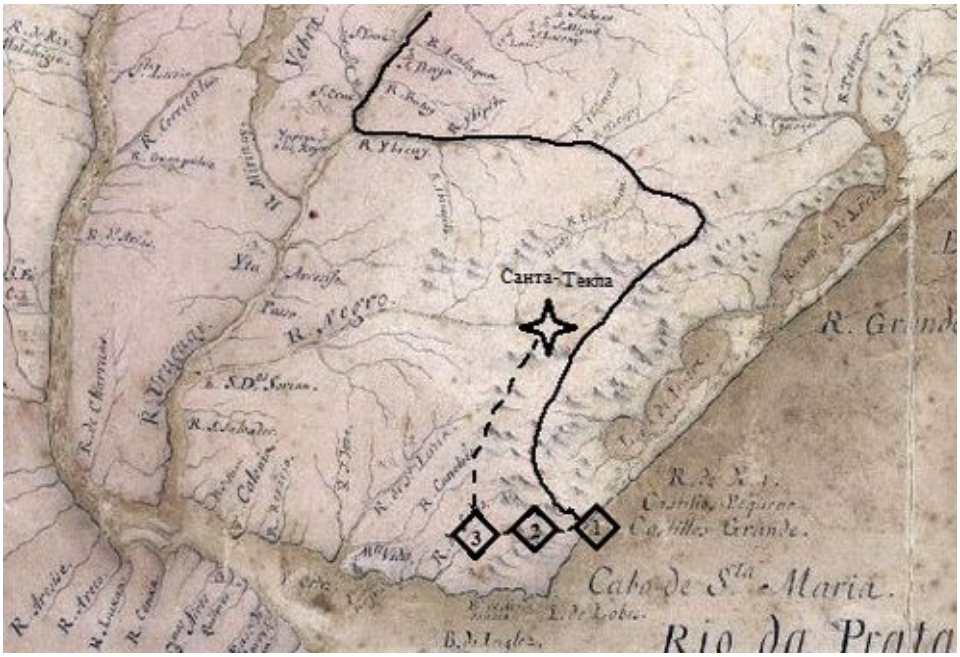
тугальских властей или покинуть эту территорию, испанская часть демаркационной партии возвратилась в Монтевидео, а португальцы убыли в колонию Сакраменто [24, pp. 4-5] (илл. 4).

Предпринятые испанскими колониальными властями попытки мирно урегулировать ситуацию не привели к положительным результатам, в связи с чем было принято решение прибегнуть к военной силе. Вследствие этого в районе *Siete pueblos de las Misiones orientales*, предназначенном для передачи Португалии, начались масштабные боевые действия с участием войск, специально прибывших из Испании. К середине 1756 г. эти операции завершились изгнанием индейцев и эвакуацией иезуитских миссий. Это позволило продолжить демаркационные работы, которые, однако, в 1758 г. окончательно прекратились вследствие значительных разногласий, возникших у сторон по вопросу об установлении границ в верховьях реки Ибикуй [26, pp. 43-92].

Более удачно сложилась деятельность 2-й демаркационной партии Южной комиссии, которая сумела относительно быстро и качественно выполнить весь объем запланированных работ в верхнем русле р. Уругвай к северу от места впадения в нее реки Ибикуй. Об этом свидетельствует довольно высокое качество составленной в ходе демаркационных мероприятий карты, на которой линии раздела нанесены по обе стороны русел рек Ибикуй, Уругвай, Пепири, Гуасу, Сан-Антонио, Игуасу и Парана (в верхнем течении) [27, p. 23].

На карте не было указано никаких пограничных знаков, что говорит о том, что они, возможно, просто не устанавливались, поскольку почти вся разграничительная линия на участке работ 2-й партии достаточно четко обозначалась руслами рек. Кроме того, определенную роль могли сыграть трудности, связанные с необходимостью изготовления довольно большого количества таких знаков. Лишь в марте 1759 г. в верховьях реки Пепири, там, где начинался относительно короткий сухопутный участок на водоразделе Уругвая и притоков Параны, был установлен знак из деревянных столбов, высотой около 5 м, увенчанный крестом [27, p. 13; 25, p. 188].

Чрезвычайно трудная и ответственная задача была возложена на 3-ю демаркационную партию Южной комиссии, которой предстояло проследовать на север против течения по малоизученному нижнему и среднему руслу р. Парагвай до места впадения в нее р. Жауру. Там планировалось установить опорный пограничный знак (четвертый из числа доставленных



Илл. 4. Фрагмент карты «Mapa das Cortes» с указанием границы раздела колониальных владений Испании и Португалии на территории нынешнего Уругвая (сплошная линия) и маршрута следования 1-й демаркационной партии Южной комиссии (прерывистая линия). Символами ◇ обозначены места установки пограничных знаков с указанием их порядкового номера

из Лиссабона в октябре 1752 г.), обладавший значительным весом. Поэтому для транспортировки он был разобран на четыре части. Поскольку в ходе предстоявших демаркационных работ предполагалось выполнить топографическую съемку местности и составить отчетные картографические материалы, в состав партии были включены квалифицированные специалисты соответствующего профиля. Так, начальником (комиссаром) партии с португальской стороны был назначен военный топограф Жозе Кустодио де Са-и-Фария, а астрономом (космографом) — специально приглашенный на службу в Португалию известный итальянский специалист Мигель Сиера. С испанской стороны на соответствующих должностях были утверждены морские офицеры, прошедшие подготовку в астрономической обсерватории в Кадисе, — капитан второго ранга Мануэль Антонио де Флорес (в будущем испанский наместник в Новой Гранаде и в Мексике) и лейтенант Атанасио Варанда. Среди испанцев, в партии находился также священник-иезуит Хосе Кирога, исполнявший функции капеллана и одновременно участвовавший в астрономо-геодезических работах [28, p. 192; 29, p. 115].

В мае 1753 г. 3-я демаркационная партия собралась на острове Мартин-Гарсия (в горле Ла-Платы, вблизи места впадения в нее реки Уругвай) и, загрузив на парусно-гребные речные суда пограничный знак для установки в устье Жауру, а также необходимые материалы и припасы, 2 июня отправилась в путь вверх по р. Паране. После прибытия в г. Асунсьон партия

приступила к обследованию закрепленного за ней участка границы, расположенного на территории между реками Уругвай и Парана. Однако вследствие трудностей, возникших из-за значительного несоответствия реальной местности имевшимся картам, партия была вынуждена временно прекратить работы с тем, чтобы, не дожидаясь наступления сезона дождей, отправиться на север по реке Парагвай к месту установки пограничного знака. Этот переход занял два месяца и на заключительном этапе происходил в сложных климатических условиях, характеризовавшихся высокой влажностью и температурой воздуха, а также огромным количеством кровососущих насекомых. Тем не менее демаркационная партия ежедневно проводила астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения, результаты, которых сразу же заносились в дневник [26, pp. 364-496]. Особое внимание уделялось точному определению магнитного склонения и широты места, что позволило несколько сократить частоту обсерваций для вычислений долготы, являющихся весьма сложными и трудоемкими. В результате был собран солидный массив данных, позволивший в дальнейшем составить довольно подробные карты русла р. Парагвай как природной линии раздела территориальных владений Испании и Португалии.

9 января 1754 г. 3-я демаркационная партия прибыла к месту впадения реки Жауру в Парагвай. Географические координаты этого места, определенные по результатам измерения астрономами меридиональной высоты α Персея и определения местного времени затмения первого спутника Юпитера, составили: широта — 16°24′20″ южная и долгота — 57°28′30″ западная, магнитное склонение — 9°39′ (восточное) [26, pp. 488, 494, 496].

Поскольку высокий уровень воды в половодье помешал установить знак непосредственно в месте впадения Жауру в Парагвай, для этих целей было избрано место на правом берегу Парагвая в 530 м южнее устья Жауру. Знак был собран на массивном квадратном фундаменте из гранитных камней и известняка и ориентирован, как записано в Дневнике демаркационной партии, «португальским гербом на северо-восток, а испанским — на юго-запад» [26, p. 496]. При этом стороны подписали дополнительную декларацию, где объяснялось, почему пограничный знак нельзя установить точно в месте предназначения и указывалось, что по этой причине знак не может служить для целей разграничения, а является «сигналом, указывающим, что в 275 тоезах (примерно 530 м. — *Г.П.*) по направлению N. 4 N.E. [т.е. 4° от направления на север в сторону северо-востока. — *Г.П.*] находится пункт, обозначающий границу двух территорий» [26, pp. 499-500].

17 января 1754 г. все запланированные работы были завершены, и демаркационная партия отправилась вниз по р. Парагвай, достигнув Асунсьона 8 февраля того же года, где приступила к составлению отчетных материалов. Среди них особо выделяется многостраничный атлас под названием *Mappa geographicum quo flumen Argentum, Parana et Paraguay*, подготовленный М.Сиерой для португальского короля Жозе I (1750—1777 гг.) и, помимо карт, включавший красочные рисунки местности, образцов флоры и фауны [28, pp. 199-200]. Оставшиеся месяцы 1754 г. (с октября по декабрь) были посвящены демаркационным работам в междуречье Параны и Уругвая. 23 ноября на берегу р. Гатими вблизи конечного участка участники 3-й партии установили два больших пограничных знака в виде обтесан-

ных с двух сторон деревянных столбов на высоком основании из уплотненного грунта [25, pp. 507-534].

В целом можно считать, что в результате работ, проделанных в 1752—1759 гг. силами трех партий Южной комиссии, была проведена успешная демаркация разграничительной линии между испанскими и португальскими владениями практически по всей ее протяженности в южной и центральной части южноамериканского континента, за исключением (как указывалось выше) спорного участка в верховьях реки Ибикуй, на территории нынешнего бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул.

Значительно более сложной и проблематичной была ситуация в Амазонии, где за проведение демаркационных работ отвечала Северная комиссия, верховным комиссаром которой с португальской стороны в 1752 г. был назначен губернатор Гран-Пара и Мараньяна Франсишку Шавьер Мендонса Фуртадо. От Испании указом Фердинанда VI от 14 декабря 1753 г. на аналогичный пост был назначен морской офицер и государственный деятель Хосе Итурриага [30, pp.73-75].

Испанская экспедиция вышла из Кадиса 15 февраля 1754 г. и, прибыв в Кумана (на побережье нынешней Венесуэлы), занялась главным образом исследованием и освоением долины реки Ориноко. Ф.Ш.Мендонса Фуртадо, со своей стороны, 2 октября 1754 г. отправился из Белена во главе крупного отряда численностью 796 человек на 25 каное вверх по Амазонке и затем по ее левому притоку Риу-Негру — в селение Мариуа, находящееся на водоразделе с бассейном Ориноко и избранное в качестве места встречи с испанцами. Прибыв туда 28 декабря, он сразу же приступил к реконструкции этого населенного пункта в целях создания благоприятных условий для проведения заседаний смешанной комиссии. Значительное внимание было уделено картографической подготовке к предстоящим переговорам. Эти задачи были возложены на довольно многочисленный отряд топографов, геодезистов и астрономов, в составе которого находились такие квалифицированные европейские специалисты, как Джованни Анджело Брунелли из университета Болоньи, а также священник-иезуит хорватского происхождения Инасио Жентмартони. Последнему была доверена астрономо-геодезическая подготовка к демаркации особо важного участка границы в районе рек Мадейра и Гуапоре [31, p. 1088; 32]. Важную роль в консолидации португальских позиций на северном берегу Амазонки сыграло также решение о формировании в этом регионе нового административно-территориального образования, получившего название *Capitania de São José do Rio Negro*, со столицей в Мариуа, переименованного в мае 1758 г. в Барселос [30, p. 80].

Аналогичные меры пытался принять и Х.Итурриага, который, однако, был вынужден решать массу возникших после прибытия в Южную Америку организационных вопросов, связанных со строительством плавсредств для следования по Ориноко и ее притокам, а также преодолевать распри среди своих подчиненных и сильное сопротивление аборигенов, вступивших в союз с голландцами. В результате практическая реализация плана действий экспедиции, предусмотренного полученными в Мадриде инструкциями, значительно задержалась. Лишь в конце 1757 г. после основания Сьюдад-Реаль в среднем течении Ориноко и переноса туда штаб-

квартиры экспедиции у Итурриаги появилась возможность заняться обследованием приграничной зоны в верховьях этой реки и основанием там нескольких населенных пунктов. В конце концов в октябре 1759 г. передовой отряд испанцев появился в Барселосе, где получил сведения, что «после ожидания в течение пяти с половиной лет португальский генерал и математики оттуда убыли» [33, p. 282]. Получив это известие, Итурриага отказался от каких-либо действий по демаркации границы, хотя Мендонса Фуртадо перед своим отъездом в Белен, а затем в Лиссабон передал все полномочия верховного комиссара смешанной комиссии губернатору Мату-Гроссу Антонио Ролим ди Моура Таваресу и оставил ему подробную инструкцию [30, p. 80]. Таким образом, демаркационные мероприятия, планировавшиеся в Амазонии в рамках реализации Мадридского договора 1750 г., были полностью сорваны по вине испанской стороны, в связи с чем положение разграничительной линии от знака Жауру до истоков реки Ойяпок, по которой проходила граница с французской Гвианой, на картах и на местности обозначено не было [34, p. 21].

Возникающий в связи с этим вопрос о возможном наличии в действиях Итурриаги некоторой преднамеренности в срыве демаркационных работ остается пока открытым. Даже такой крупный бразильский историк как Капистрано де Абреу не приводит в своих работах никаких конкретных суждений по этому поводу [30, p. 81]. Таким образом, эта тема нуждается в дополнительном исследовании, в том числе с учетом факторов, обусловленных особенностями военно-политической обстановки в Европе во второй половине 50-х гдов XVIII в. и долговременными планами испанской короны в отношении своих территориальных владений в Южной Америке.

В частности, определенный интерес представляет статья Франсишку Шавьера Рибейро ди Сампайо под названием «Историко-географический обзор Риу-Бранку в Португальской Америке», написанная по результатам его экспедиции в 1774—1775 гг. к истокам Риу-Негру. В ней вполне обоснованно утверждается, что испанцы вплоть до последних десятилетий XVIII в. все еще были одержимы идеей найти на водоразделе Амазонки и Ориноко мифический район Эльдорадо с богатейшими запасами золота [35, pp. 1-364; 36, pp. 245-250]. Ясно, что при подобных намерениях установление в этом районе точной границы с португальскими владениями было для испанской короны контрпродуктивным.

ПОСЛЕДСТВИЯ МАДРИДСКОГО ДОГОВОРА

Уже в первые годы после подписания договора некоторые оппозиционно настроенные представители властных кругов как в Испании, так и в Португалии, высказывали недовольство согласованной сторонами схемой раздела колониальных владений в Южной Америке. Свою роль сыграла и начавшаяся в Европе Семилетняя война (1756—1763 гг.), в ходе которой испанская и португальская короны оказались по разную сторону во враждовавших между собой коалициях. К тому же лагерь сторонников договора был серьезно ослаблен следующими событиями: смерть в Испании Х. де Карбахаля-и-Ланкастера (1754 г.), королевы Барбары (1758 г.), а затем и

Фердинанда VI (1759 г.); изменения в ближайшем окружении короля Португалии Жозе I; окончательное удаление А.Гузмана с политической сцены и усиление влияния государственного секретаря внутренних дел Себастьяна Жозе де Карвалью-и-Мелу, маркиза де Помбаля (1699—1782 гг.), выступавшего за сохранение португальского контроля за Ла-Платой. В сентябре 1760 г. испанский посол в Лиссабоне заявил португальским властям, что «их неспособность отказаться от колонии Сакраменто обязывает короля Карла III аннулировать Мадридский договор 1750 г.» [37, p. 231]. Поскольку Португалия не возражала, в феврале 1761 г. стороны подписали Договор в Эль-Пардо, называемый также *Tratado de Anulación*, в соответствии с которым Мадридский договор 1750 г. признавался недействительным, все работы по демаркации границ прекращались, а ситуация с разделом колониальных владений в Южной Америке возвращалась в исходное и, к тому же, весьма неопределенное состояние.

В результате этого на территории нынешних бразильских штатов Риу-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарина и в зоне, прилегающей к северному берегу Ла-Платы, возникла целая череда военных конфликтов и столкновений. Значительно обострилась ситуация и в центральной части южноамериканского континента, где обозначились намерения Испании установить контроль за районом Мату-Гроссу. В частности, 14 апреля 1763 г. многочисленное войско, отправленное по приказу испанского наместника в Перу, прибыло к окрестностям основанной португальцами в долине реки Гуапоре крепости Носса Сеньора де Консейсау, расположенной к северо-западу от знака Жауру. Начавшиеся в связи с этим боевые действия положили начало длительному противостоянию сторон в этом районе, сопровождавшемуся значительным наращиванием там масштабов португальского военного присутствия [37, pp. 231-232].

Напряженность, возникшая на юге и западе современной территории Бразилии, сохранялась вплоть до октября 1777 г., когда в целях мирного урегулирования своих территориальных притязаний Испания и Португалия заключили Договор в Сан-Ильдефонсо, основные положения которого, касающиеся границ колониальных владений, были практически идентичны формуле Мадридского договора 1750 г. и предусматривали, в частности, задействование знака Жауру в качестве ключевого объекта на линии раздела в центральной части южноамериканского континента [22, p. 200; 38, p. 29]. Прописанные в новом договоре демаркационные мероприятия планировалось выполнить в рамках деятельности четырех смешанных партий, третьей из которых поручался участок границы от знака Жауру до р. Жапура в бассейне Амазонки. И вновь, как и в случае с Мадридским договором, совместная демаркация этой части линии раздела проведена не была [34, p. 36].

Как утверждается в сборнике документов по проблемам территориального раздела южноамериканского континента, подготовленном в 1849 г. под редакцией известного аргентинского историка Педро де Анхелиса, причиной срыва этих демаркационных мероприятий стало то, что «португальская сторона не направила своих представителей в третью партию и препятствовала испанцам в обследовании берегов рек Парагвай и Жауру» [39, p. 6]. Действительно, назначенный от Португалии в состав этой партии

военный топограф Рикардо Франко де Алмейда Серра, убывший из Лиссабона 8 января 1780 г., по прибытии в Бразилию занялся вовсе не демаркационными мероприятиями, предусмотренными Договором Сан-Ильдефонсо, а приступил к обследованию притоков Амазонки. Только в 1786 г. он и сопровождавшие его астрономы и другие специалисты появились в Вила-Бела (тогдашняя столица Мату-Гроссу) и в одностороннем порядке подробно изучили среднее и верхнее русла р. Парагвай, спустившись на юг до устья р. Баия-Негра, а также сделали топографическую съемку района г. Куйяба и берегов рек Жауру и Гуапоре.

Составленные португальскими хронистами календарные перечни событий, произошедших в г. Куйяба и в капитании Мату-Гроссу в период с 1778 по 1817 г., подтверждают и факт препятствования попыткам испанцев обследовать среднюю и верхнюю часть русла р. Парагвай. Так, в сентябре 1790 г. в районе португальской крепости Нова-Коимбра было обнаружено испанское речное судно с топографической партией на борту, которому было отказано в праве дальнейшего продвижения к верховьям реки [40, p. 20].

В этой связи утверждение о намеренном срыве португальской стороной демаркационных мероприятий в районе знака Жауру и недопущении туда испанцев можно считать вполне объективным. Причины произошедшего могли быть обусловлены долговременными планами Лиссабона основательно укрепиться на водоразделе притоков Парагвая и Амазонки, трансформировать линию раздела, сместив ее в западном направлении и тем самым исключить возможность проникновения в эту зону испанцев*. О наличии подобных намерений в определенной степени свидетельствует и режим секретности в отношении практически всех географических описаний и картографических материалов вышеуказанных районов, составленных португальскими специалистами в последней четверти XVIII в. и в обязательном порядке отправлявшихся в метрополию для эксклюзивного использования в правительственных учреждениях [41, pp. 142-143; 42, pp. 53, 56, 63]. Таким образом, после обретения Бразилией независимости от Португалии в 1822 г. власти капитании Мату-Гроссу, получившей статус провинции, по, всей видимости, испытывали недостаток в картографических материалах, необходимых для решения вопросов, связанных с оформлением своих западных и северо-западных границ с Боливией и Перу.

---

* Во Всемирной цифровой библиотеке по ссылке http://www.wdl.org/es/item/910/ доступна рукописная географическая карта капитании Мату-Гроссу с обозначением на ней границ с другими административно-территориальными образованиями, в том числе на западе с испанскими провинциями Чикитос и Мохос. Автор этого манускрипта, составленного ориентировочно в 1800 г., неизвестен. Важной особенностью карты является то, что линия разграничения между португальскими и испанскими владениями показана на ней не в соответствии с Договором Ильдефонсо 1777 г., а значительно западнее, оставляя водораздел рек Парагвая и Гуапоре на территории капитании Мату-Гроссу. Примерно в таком виде в 1867 г. была согласована бразильско-боливийская граница в соответствии с договором, подписанным в Айякучо.

Возможно, что именно по этой причине русской научной экспедиции под руководством академика Григория Ивановича Лангсдорфа*, прибывшей в январе 1827 г. в Куйябу, было сразу разрешено картографировать верховья р. Парагвай в районе Вила-Мария и сделать топографическую съемку ее русла до устья Жауру с определением точных географических координат установленного там в 1754 г. знака. В настоящее время трудно сказать, каким образом у Г.И.Лангсдорфа возник этот замысел: был ли он продиктован указаниями из Коллегии иностранных дел в Петербурге или же это была собственная инициатива руководителя экспедиции, являвшегося с 1813 г. Генеральным консулом России в Рио-де-Жанейро и хорошо знавшего проблемы разграничения территориальных владений Испании и Португалии на южноамериканском континенте. Возможно, ответ на эти вопросы удастся получить, когда будут окончательно разобраны и расшифрованы донесения Лангсдорфа, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, фонд 1. Разряд II), в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФАРАН, фонд 63) и, в большинстве своем, написанные трудно читаемым почерком на немецком языке. В любом случае можно с уверенностью считать, что Лангсдорф, как опытный дипломат, прекрасно понимал важность точного знания местоположения пограничного знака в месте слияния Парагвая с Жауру, имевшего ключевое значение для формирования межгосударственных границ в регионе, где время от времени происходили ожесточенные столкновения и конфликты, связанные с переделом территорий и зон влияния. Поэтому при формировании рабочей группы для проведения топографической съемки, а также определения координат и ориентации сторон знака Лангсдорф включил в нее русского морского офицера-штурмана Нестера Гавриловича Рубцова, отвечавшего в экспедиции за проведение астрономо-геодезических и картографических работ, а в помощь ему дал художника Эркюля Флоранса, получившего задание сделать необходимые зарисовки и составить описания.

Таким образом, в августе — сентябре 1827 г. Н.Г.Рубцов и Э.Флоранс проследовали пешком по маршруту из Куйябы до Вила-Мария на левом берегу реки Парагвай (около 220 км от Куйябы), откуда, договорившись с индейцами племени бороро, спустились вниз по течению на их лодках до устья реки Жауру. Пограничный знак, идентичный установленному в октябре 1752 — январе 1753 г. в рамках демаркационных мероприятий по Мадридскому договору 1750 г. на территории современного Уругвая, был обнаружен 11 сентября 1827 г. на правом (западном) берегу реки Парагвай примерно в полукилометре к югу от устья Жауру.

Н.Г.Рубцов, завершивший к тому времени топографическую съемку русла реки Парагвай, зафиксировал координаты знака в следующих значениях: широта — 16º23′15″ S, долгота — 57º28′30″ W. Поскольку, в отличие

* Подробные сведения об экспедиции Лангсдорфа приведены в работах известного санкт-петербургского исследователя Б.Н.Комиссарова [43; 44], а также в материалах, подготовленных специалистами СПФАРАН [45]. Выполненные в ходе экспедиции астрономо-геодезические и картографические работы освещены в выпуске LX (2019 г.) сборника «Историко-астрономические исследования» [46].

Илл. 5. Hercule Florence. Рисунок пограничной пирамиды «Marco de Jauru», 1827 г.

от астрономов, участвовавших в установке знака Жауру в 1754 г., он производил измерения прецезионным английским секстантом и использовал сведения из усовершенствованных астрономических пособий, его результаты являются более точными. Так, современный электронный геодезический ресурс *LatLong* дает для места установки знака широту 16º22′51,8484″ S, что указывает на весьма незначительную погрешность, допущенную Рубцовым (23″), в то время как в ходе измерений в 1754 г. ошибка составила почти полторы дуговые минуты (89″). Менее точными получились результаты обсерваций для определения географической долготы знака. Их погрешность в сравнении с данными *LatLong* (57º46′ 28,5672″ W) составила 18 минут. Интересным с астрономической точки зрения при этом является факт того, что значение долготы, полученное Рубцовым, полностью совпадает с результатами измерений, выполненных в 1754 г. астрономами 3-й демаркационной партии (57°28′30″W). Таким образом, среди возможных причин образовавшейся погрешности могут быть какие-то общие факторы, связанные, например, с изменениями русла реки Парагвай, обозначенного на современной карте (задействованной ресурсом *LatLong)* с некоторым смещением по долготе, обусловленным значительным разливом реки в дождливый период и образованием многокилометровой затапливаемой зоны под названием Пантанал.

Другой важной операцией, выполненной Рубцовым, является точное определение ориентации сторон пирамидальной части знака. Ее результаты тщательно зафиксированы Э.Флорансом в дневнике, в котором приводится подробное описание этого объекта [47, pp.239-241] (илл. 5).

Так, Флоранс в своих записях отметил, что пирамида, состоящая из двух одинаковых вертикальных частей, обращена стороной, на которой изображен испанский герб и надпись «*SUB FERDINANDO VI HISPANIAE REGE CATHOLICO*», в северо-западном направлении по азимуту N54°O (Norte 54° Oeste), что в круговой системе счета соответствует 306°. Далее в дневнике указано, что противоположная сторона пирамиды с изображением португальского герба и надписью *«SUB IOANNE V LUSITANORUM REGE FIDELISSIMO»* ориентирована в юго-восточном направлении по азимуту S54°E (Sul 54° Este), соответствующему в круговой системе счета 126°. Таким образом получается, как это и зафиксировал Флоранс, что линия раз-

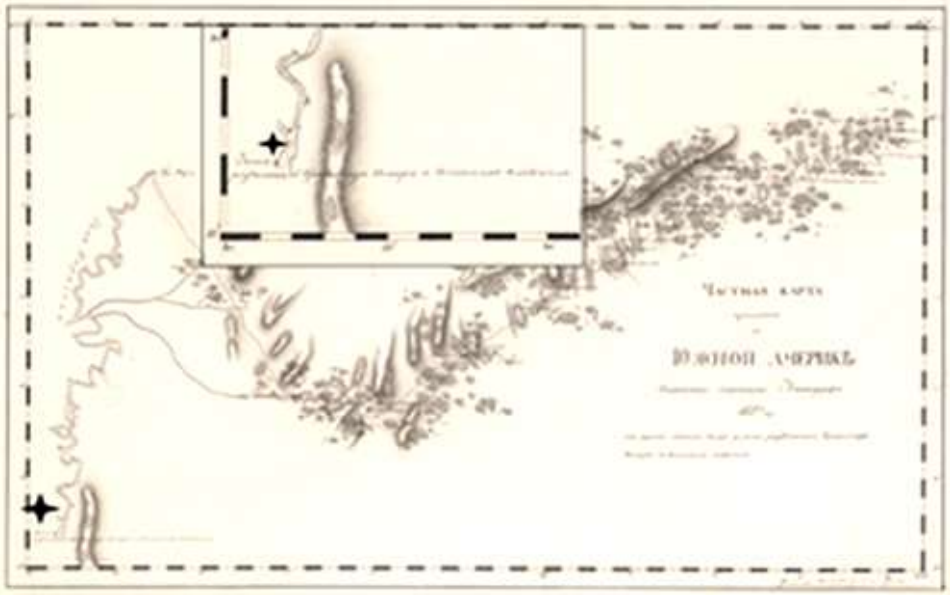
дела между испанскими и португальскими владениями имеет азимут N36°E (Norte 36° Este) — S54°O (Sul 54° Oeste), соответствующий в круговой системе счета направлению 36° (216°).

Вышеуказанные значения кардинально (на 81°) отличаются от данных азимутальной ориентации знака, зафиксированных в январе 1754 г. 3-й демаркационной партией Южной смешанной комиссии, сформированной в рамках реализации положений Мадридского договора. Как уже указывалось, в дневнике, который вели участники партии, было записано, что пирамида ориентирована «португальским гербом на северо-восток, а испанским — на юго-запад», а значит, линией раздела по азимуту 315° (135°), обеспечивавшему Португалии эксклюзивное право на судоходство по реке Жауру. В этой связи сразу же возникает мысль о возможной ошибке, обусловленной неверным определением сектора в четвертной системе счета азимутов или же неправильным переводом или толкованием географических терминов при подготовке записей Флоранса к изданию на португальском языке.

Однако при внимательном рассмотрении рисунка, сделанного Флорансом, хорошо видно, что соединительный шов двух вертикальных частей пирамиды, обозначающий линию раздела колониальных владений Испании и Португалии, почти параллелен руслу реки Парагвай, имеющему в районе установки знака направленность около 15-20° (в круговой системе счета), что примерно соответствует данным Рубцова (36°). При этом совершенно ясно, что при такой ориентации линии раздела Португалия не приобретала никаких эксклюзивных прав на русло реки Жауру, уходящее от своего устья на северо-запад, а также на водораздел притоков Парагвая и Гуапоре.

В результате складывается впечатление, что при установке пограничного знака в 1754 г. участники 3-й демаркационной партии исказили результаты азимутальных измерений (в пользу испанской короны) и фактически сориентировали его не так, как записали в своем дневнике, а исходя из упрощенной концепции, заключавшейся в том, что восточный берег Парагвая принадлежит Португалии, а западный — Испании. Такое предположение подтверждается и уже упоминавшейся в данной статье дополнительной декларацией, подписанной комиссарами 3-й демаркационной партии 13 января 1754 г., в которой объясняется, почему пограничный знак нельзя установить точно в месте впадения Жауру в Парагвай и почему его нельзя использовать для целей разграничения [26, pp. 499-500].

Результаты астрономо-геодезических работ, выполненных Рубцовым при следовании по маршруту к знаку Жауру, сильно заинтересовали губернатора провинции Мату-Гроссу, который обратился к Лангсдорфу с просьбой ознакомить с ними своего представителя — военного топографа и астронома Андре Пинто Дуарте, что и было исполнено Рубцовым, представившим руководителю экспедиции соответствующий доклад [48, с. 53, 100]. Реакция же Коллегии иностранных дел, которую Лангсдорф в своем очередном донесении вице-канцлеру Карлу Васильевичу Нессельроде от 5 октября 1827 г. известил о том, что «…Рубцов посетил и географически точно определил место пограничной пирамиды на берегу Парагвая между Бразилией и Перу», на данный момент остается неизвестной [43, с. 74].



Илл. 6. Н.Г.Рубцов. «Частная карта путешествия по Южной америке статского советника Лангсдорфа 1827 г. от деревни Маноель Альез до знака разделяющего Бразильскую Империю с Испанским владением». СПб, 1829—1830 гг. Юго-западный участок карты увеличен в масштабе и встроен в изображение карты в виде фрагмента, позволяющего снять координаты знака Жауру, обозначенного символом ✦.

С тех пор сведения об астрономо-геодезических работах, выполненных участниками экспедиции Лангсдорфа в районе расположения знака Жауру, были практически забыты. Карта, составленная Рубцовым после возвращения в Петербург в 1829—1830 гг., сразу же была отправлена в Архив Гидрографического депо (затем Гидрографического департамента) Морского министерства. С наступлением советских времен она вместе со всеми другими картами и планами, составленными Рубцовым, была передана в Центральный государственный архив Военно-морского флота (в настоящее время РГА ВМФ, фонд 1331, оп. 4, дело 663), где и находится по сей день в хорошем состоянии (илл. 6).

Г.И.Лангсдорф, тяжело заболевший на последнем этапе экспедиции, отправился на лечение в Германию и в Россию больше не возвращался. Да и сама экспедиция стала привлекать внимание отечественных ученых лишь в первые десятилетия XX в. Дневник Э.Флоранса был переведен на португальский язык и опубликован в журнале Института истории и географии Рио-де-Жанейро в 1875 г. (т. XXXVIII), а в виде отдельной книги — в 1941 г. Сам знак Жауру, оказавшийся к 1883 г. в глубине бразильской территории, был объявлен объектом национального достояния, перенесен в г. Касерес (бывшая Вила Мария) и установлен на площади перед местным кафедральным собором.

В итоге можно считать, что в условиях многочисленных пограничных споров и вооруженных конфликтов, происходивших в 30—60-е годы XIX в. в зоне расположения знака Жауру, в значительной степени обуслов-

ленных неопределенностью межгосударственных границ и нехваткой точных картографических материалов, результаты астрономо-геодезических работ, выполненных русским морским офицером Н.Г.Рубцовым, оказались незадействованными. А российская дипломатия не воспользовалась шансом приложить посреднические или миротворческие усилия и, тем самым, создать условия для укрепления авторитета и влияния России в Южной Америке. В этом отношении результаты астрономо-геодезических и картографических работ, выполненных экспедицией Лангсдорфа в районе нынешних границ Бразилии с Боливией, в определенной степени повторили судьбу многих географических открытий, сделанных русскими мореплавателями и исследователями в первые десятилетия XIX в. в Тихом океане и Северной Америке и оказавшихся невостребованными. Вследствие этого Россия утратила свои преимущественные права на многие острова и территории, впервые обнаруженные и картографированные отечественными специалистами.

Но, как говорится, не все потеряно. В условиях традиционно возникающего в научно-исторических кругах стран Латинской Америки интереса к вопросам формирования межгосударственных границ на южноамериканском континенте тема раздела колониальных владений Испании и Португалии в XVI—XIX вв., особенно с точки зрения участия в этом процессе иностранных держав, по-прежнему является актуальной и привлекает внимание многих специалистов и исследователей. В этой связи приближающееся в 2021/2022 гг. 200-летие начала Первой русской экспедиции в Бразилию под руководством Г.И.Лангсдорфа может послужить важным фактором при разработке программы внешнеполитических мероприятий, способствующих дальнейшему развитию политико-дипломатических и научно-технических связей Российской Федерации с южноамериканскими государствами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Всемирная история. АН СССР. М., Издательство социально-экономической литературы, 1958, т.5, 652 с. [Vsemirnaya istoria [World history]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-economichescoi literaturyi, 1958, t. 5, 652 p.

2. Schlosser F.C. History of the Eighteenth Century. Vol. III, London, Chapman and Hall, 1844, 503 p.

3. Советская историческая энциклопедия. Издательство "Советская энциклопедия". М., 1973– 1982, т.14, 524 с. [Sovetskaya istorichesraya entsiclopedia [Soviet Historic Enciclopedia]. Moscow, Izdatelstvo “Sovetskaya entsiclopedia”, 1973–1982, t.14, 524 p.

4. Abreu e Lima J.I. Compéndio da História do Brasil. Tomo I. Rio de Janeiro, Typográphia Universal de Laemmert, 1843, 324 p.

5. Davenport F.G. European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies: to 1648. Carnegy Institution of Washington, Publ. № 254. Baltimore, USA, The Lord Baltimore Press, 1917, 387 p.

6. Harrisse H. The Diplomatic History of America. Its first chapter 1452-1493-1494. London, B.F. Stevens Publisher, Chiswick Press, 1897, 230 p.

7. Cintra J.P. O mapa das Cortes e as fronteiras do Brasil. *Biblioteca Digital de Periódicos. Boletím CiênciasGeodésicas, sec. Artigos,* v. 18, N3, julio–setembro 2012, Curitiba, pp. 421-445.

8. Goes Filho S.S. Navegantes, Bandeirantes, Diplomatas: um ensaio sobre a formação das fronteiras do Brasil. *Fundação Alexandre de Gusmão*: *Instituto de Pesquisa de Relações Internacionais,* Brasília, 2015, 412 p.

9. Teixeira da Mota A. Reflexos do Tratado de Tordesilhas na Cartografia Náutica de Século XVI. *Guia Geográfico: História do Brasil*, Separata da *Revista da Universidade de Coimbra*, vol. XXIII. Coimbra, 1973, 15 p.

10. Reitano E. El Rio de la Plata y la cartografia portuguesa de los siglos XVI y XVII. Universidad Nacional de la Plata: *Anuario del Instituto de Historia Argentina*, 2003, N 3, pp. 159–186.

11. Cortesão J. História do Brasil nos Velhos Mapas. Vol. XI, tomo I. Imprensa Nacional — Casa da Moeda, Lisboa, 2009, 458 p.

12. Leite Duarte. O mais antigo mapa do Brasil. *História da Colonização Portuguesa do Brasil*. Vol. II, capitulo IX. Porto, Litografia Nacional, MCMXXIII, pp. 225-280.

13. Marcondes de Souza T.O. A expedição portuguesa ao Brasil em 1501–1502 e Amérigo Vespucci. *Revista de história,* N 20 (42). São Paulo, Jul. 1960, pp. 395-411. DOI: 10.11606/issn.2316-9141.rh.1960.119970.

14. Souza Cruz J.J. Do Pé Real a Légua da Póvoa. *Revista Militar,* N249/2192, Agosto/Setembro de 2009, 1035 p.

15. Menezes P.M.L., Graça, A.I.S. The Cartography of the Brazilian Empire. *History of Cartography: International Symposium of the ICA Commission.* Ed.; Elri Liebenberg, Imre Josef Demhardt, 2010, pp. 164-176.

16. Cortesão J. Alexandre de Gusmão e o Tratado de Madrid. *Anais da Conferéncia de Instituto Rio Branco do Ministério das Relacoes Exteriores*, Setembro de 1949, pp. 437-452.

17. Davidson D.M. How the Brazilian West was won: Freelance and State on the Mato Grosso Frontier, 1737–1752. *Colonial Roots of Modern Brazil: Papers of the Newberry Library Conference*, Berkeley and Los Angeles. Ed. Alden, D. University of California Press, 1973, 294 p.

18. Magalhaes J.R. O projecto de D. Luis da Cunha para o império português. *Estudos em Homenagem à Luis António de Oliveira Ramos*.Universidade de Coimbra, 2004, pp. 653-659.

19. Cintra J.P., Furtado J.F. Bourguignon D'Anville's Carte de l'Amerique méridionale: a comparative Amazonian cartography in perspective. *Revista Brasileira Hist*. Vol. 31 N 62, São Paulo, Dec. 2011, p. 273-316. DOI: doi.org/10.1590/S0102-018822011000200015.

20. Loureiro Dias C. Jesuit Maps and Political Discourse: The Amazon River of Father Samuel Fritz, *The Americas*, vol. 68, N 1. Publ. by the Academy of American Franciscan History, July 2012, pp. 95-116. DOI: 10.1353/tam.2012.0052

21. Ferreira M.C. O Mapa das Cortes e o Tratado de Madrid: a cartográfia à serviço da diplomacia. *Varia História*, vol. 23, N37, Jan/June 2007. Belo Horizonte, 2007. Available at: https://doi.org/10.1590/S0104-87752007000100004 (accessed 28.04.2020).

22. Sampognaro V. El Tratado de Madrid de 1750: su causa, su celebración, su fracaso. *Mundo Hispánico, la Revista de Estudios Políticos,* Madrid, España, № 25, 26, 1946, pp. 183-200**.**

23. Moreno M. Tierras en Disputa y sus Testimonios en Uruguay. Durazno-Montevideo, Tierradentro Ediciones, 2018, 198 p.

24. Anes A.D. El Tratado de Límites y la Rendición de Cuentas de la Expedición de Missiones y Límites en el sector Meridional (1753–1761). Universidad de Sevilla, 22 p.

25. Leon Montañes M. El temerario y deslenguado Dr. Perujo. Montevideo, Tradinco, 2012, 415 p.

26. Collecção de Notícias para a História e Geográfia das Nações Ultramarinas que vivem nos dominios portugueses ou lhes são visinhas. Tomo VII. Lisboa, Académia Real das Sciências, 1841, 611 p.

27. Capdevila Subirana J. Comisários inteligentes en la Plata y el Amazonas. Los Deslindes hispano-portugueses de fronteras del siglo XVIII. *Proyección en América de los ingenieros militares* (ed. F. Segovia, M. Nóvoa). Madrid, Ministério de Defensa, Siglo XVIII, 2016, pp. 289-312.

28. Fátima Costa M. Miguel Ciera: um demarcador de límites no interior sul-americano (1750–1760). *Anais do Museu Paulista,* vol. 17 N 2, jul–dez. 2009. São Paulo, 2009, pp. 189-214.

29. Fátima Costa M.Viajes en la frontera colonial. Histórias de una expedición de límites en la América Meridional (1753-1754). *Anales del Museo de América*, vol. 16, 2009, pp. 113-126.

30. Jobim A. O Amazônas: sua história (ensaio antropogeográfico e político). *Biblioteca Pedagógica Brasileira*. Serie 5ª - Brasiliana – Vol. 292. Companhia Editora Nacional, São Paulo, 1957, 301 p.

31. Bretones P.S. A Expedição do Maranhão: padres, instrumentos astronômicos e livros na Amazônia de século XVIII. *História, Ciências, Saúde* – Manguinhos, vol. 19, N 3, jul–set. 2012, pp. 1085-1089.

32. Abreu Mendes I. Ciência, Técnica e Arquitectura na Amazônia Brasileira (1750–1800), apontamentos históricos. *Anais Eletrônicos do 14º Seminario Nacional de História da Ciência e da Tecnologia — 14º SNHCN*. Belo Horizonte, Campus Pampulha da Universidade Federal de Minas Gerais — UFMG, 8–11 de outubro de 2014, 16 p.

33. Fajardo Josê del Rey. Los Jesuitas en Venezuela: las missiones germen de la nacionalidad. Universidad Católica Andres, 2006, 959 p.

34. Martin-Meras L. Fondos cartográficos y documentales de la Comisión de Límites de Brasil en el siglo XVIII en el Museo Naval de Madrid. *Terra Brasilis: Revista da Rede Brasileira de História da Geografia e Geografia Histórica*, 2007.

35. Papavero N. A Viagem de Francisco Xavier Ribeiro de Sampaio na Capitania de S. José do Rio Negro (1774–1775). *Archivos de NeHilP: Núcleo de Apoio à Pesquisa em Etimologia e História da Língua Portuguesa*. Vol. 11, São Paulo, 2015, pp. 1-364.

36. Relação geográphica histórica do Rio Branco da América Portuguesa composta pelo bacharel Francisco Xavier Ribeiro de Sampaio, sendo ouvidor da capitania de S. José do Rio Negro. *Revista trimensal de história e geográphia, ou, Jornal do Instituto Histórico e Geográphico Brazileiro*, Segunda Serie, Tomo Sexto, N 18, 2º Trimeste de 1850. Rio de Janeiro, Typográphia Universal de Laemmert, 1850, pp. 200-273.

37. Ribeiro Chaves O. América Portuguesa: do Tratado de Madrid ao Tratado de Santo Ildefonso. *Territórios e Fronteiras*, vol. 7, N 2, jul-dez., 2014, Cuiabá, Universidade Estadual de Mato Grosso, pp. 218-234.

38. Memória ou Informação dada ao Governo sobre a Capitania de Mato Grosso, por Ricardo Franco de Almeida Serra, tenente coronel engenheiro, em 31 de janeiro de 1800. *Revista trimensal de história e geográphia, ou, Jornal do Instituto Histórico e Geográphico Brazileiro*, Tomo Segundo, N5, Abril de 1840. Rio de Janeiro, Typographia de J.E.S. Cabral, 1840, pp. 19-48.

39. Angelis P. (ed). Archivo Americano y Espiritu de la Prensa del Mundo. Nueva serie, N 13, 15 de Mayo de 1849. Buenos Aires, Imprenta de la Independencia, 1849, 199 p.

40. Compéndio histórico chronológico das notícias de Cuyabá, repartição da Capitania de Mato-Grosso. *Revista trimensal de história e geográphia, ou, Jornal do Instituto Histórico e Geográphico Brazileiro*, Segunda Serie, Tomo Sexto, N17, 1º Trimeste de 1850. Rio de Janeiro, Typográphia Universal de Laemmert, 1850, pp. 1-199.

41. Cunha Garcia D.S., Castrillon Mendes, L.C. Do restrito ao irrestrito: o diario de reconhecimento do rio Paraguai por Ricardo Franco de Almeida Serra na revista do Instituto Histórico e Geográfico Brasileiro (IHGB). *Memória Americana. Cuadernos de Etnohistoria*: Articulo Dossier, 25.2.2017, pp. 135-147.

42. Campos R. Ciência e controle imperial no Mato Grosso português. *Memórias: revista digital de História y Arqueologia desde el Caribe colombiano.* Año 11, N25. Barranquilla, Enero–Abril, 2015, p. 34–71. DOI: http://dx.doi.org/10.14482/memor.25.1.6867.

43. Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., Наука, 1977, 132 с. [Komissarov, B.N. Pervaya russkaya ekspeditzia v Brasiliu [First Russian expedition to Brazil]. Leningrad, Nauka, 1977, 132 p.

44. Комиссаров Б.Н. Исследователь и реформатор Камчатки Г.И.Лангсдорф (1774-1852) в истории медицины. «*Всеобщее богатство человеческих познаний*». Материалы XXX Крашенинниковских чтений. М-во культуры Камчатского края, 2013., сс. 157-168. [Komissarov, B.N. Issledovatel y Reformator Kamchatki G.I.Langsdorf [G.I.Langsdorff : Explorer and Reformer of Kamchatka]. Ministry of Culture of Kamchatka, 2013, pp. 157-168.

45. Российский академик Г.И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803-1829). СПФАРАН. Нестор-История, 2016 г. [Rossiyskiy academic G.I. Langsdorf y ego puteshestviya v Braziliu (1803–1829) [The expedition of Russian academition G.I.Langsdorff to Brazil, 1803–1829]. SPb Archive of the Russian Academy of Science, Nestor-Historia Publ, 2012.

46. Перепиляк Г.П. Первая русская научная экспедиция в Бразилию (1821–1829 гг.): астрономо-геодезические работы. *Историко-астрономические исследования.* Выпуск LX. М., 2019 г., сс. 281-345. [Perepiliak, G.P. Pervaya russkaya nauchnaya ekspeditzia v Brasiliu:

astronomo-geodezicheskie rabotyi [First Russian scientific expedition to Brazil (1821–1829): astronomic and geodetic works]. *Istoriko-astronomicheskie issledovania.* Issue LX. Moscow, 2019, pp. 281-345.

47. Florence H. Viagem fluvial do Tietê ao Amazônas, 1825 a 1829. São Paulo, Edições Melhoramentos, 1948, 343 p.

48. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФАРАН). Фонд 63, оп. 1, д. 46.

Gleb P.Perepiliak (pgp2000@yandex.ru)
Counselor of the Russian Embassy in Brazil in 1993—1996

Madrid Treaty of 1750. Repartition of Spain and Portugal's overseas territories

Abstract: The article reviews the process of preparation, conclusion and realization of the treaty signed by Spain and Portugal in 1750 in order to fix the boundaries of their colonial zones in the Eastern and Western hemispheres. Special attention is given to the cartographic and topographic support of the negotiation process and demarcation works on the basis of geodetic and astronomical observations made by European specialists and by the Russian navigator N.G. Rubtzov in the course of the first Russian scientific expedition to Brazil in 1821–1829.

Key-words: South America, division of Spain's and Portugal's overseas territories, Treaty of Tordesillias of 1494, Madrid Treaty of 1750, demarcation of borders, cartography, Marco de Jauru, N.G. Rubtzov.

DOI: 10.31857/S0044748X0013681-8

Received 15.09.2020.

КУЛЬТУРА

Л.В.Ростоцкая

Стилистическая трансформация в фильмах Педро Альмодовара

В статье рассматриваются некоторые особенности авторского стиля Педро Альмодовара — одного из самых значительных современных кинорежиссеров. Сопоставление разных периодов его творчества позволяет сделать вывод о том, что углубление экзистенциальных мотивов в последних работах мастера привело к заметным изменениям характерной для него стилистики: эпатажная фарсовая эстетика уступила место более традиционным повествовательным формам, сочетающим своеобразие авторской стилистики с глубоким философским осмыслением.

Ключевые слова: авторский стиль, национальные традиции, кинематографические эксперименты, формы фарса и гротеска, экзистенциальные мотивы.

DOI: 10.31857/S0044748X0013682-9

Статья поступила в редакцию 19.09.2020.

Несколько последних десятилетий Педро Альмодовар остается одним из наиболее почитаемых современных кинорежиссеров, а его творчество — объектом пристального внимания зарубежных и отечественных искусствоведов. Ключ к пониманию такого многолетнего успеха кроется в органичном сочетании приверженности традициям национальной культуры с пристрастием к самым необыкновенным экспериментам, которое он преобразовал в уникальное художественное пространство, часто именуемое миром Альмодовара.

Одна из посвященных ему коллективных работ последних лет, приближающая читателей к постижению творческой концепции мастера, так и называется — «Вселенная Альмодовар: эстетика страсти режиссера-постмодерниста» [1]. Среди других наиболее заметных изданий — «Архивы Педро Альмодовара» [2], соавтором которого можно назвать самого режиссера, содержит уникальную информацию о его пути в искусстве.

Лидия Владиславовна Ростоцкая — старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, li-ros@mail.ru).

Огромный интерес для понимания «творческой кухни» режиссера представляет опубликованный в нашей стране цикл бесед с Альмодоваром французского кинокритика Фредерика Стросса «Интервью с Педро Альмодоваром» [3]. Среди отечественных исследователей творчества мастера — известные киноведы А.С.Плахов, А.В.Долин, К.Э.Разлогов, Е.Москвитин и другие. Данная статья, безусловно, не претендует на доскональный анализ творчества Альмодовара, поскольку я уже обращалась к нему в других своих работах*. Ее цель — привлечь внимание к некоторым тенденциям творчества режиссера последнего периода, еще не ставшим предметом широкого изучения.

С самого начала творческого пути притяжение Альмодовара к кино было сродни одержимости. Впрочем, оно и сейчас остается таким же. «Чтобы я перестал снимать фильмы, надо отнять у меня камеру. Я умру, снимая фильмы», — говорит он [4]. «Кино как страсть» — так названы материалы Международного конгресса «Педро Альмодовар», состоявшегося в Куэнке в 2003 г. [5, p. 7].

Уроженец небольшого города Кальсада-де-Калатрава провинции Сьюдад-Реаль, Альмодовар подростком переехал в Мадрид и брался за любую работу, чтобы накопить денег на свою первую 8-мм кинокамеру. К 1970—1980-м годам относятся его первые опыты в качестве актера, писателя, участника музыкальной панк-рок-группы и режиссера. Этот начальный период творчества Альмодовара был связан с движением, появившимся в середине 1970-х годов в Мадриде после падения диктатуры Франко и получившим название *Movida*. Несмотря на эстетическую эклектичность и разный художественный уровень, *Movida* стало символом культурного возрождения в стране. Кинематографические эксперименты Альмодовара тех лет претворились в череду фильмов, нарушавших все возможные запреты — семейные, религиозные, общественные. Обладая мощным бунтарским зарядом, эти ленты — короткометражные 1970-х годов и полнометражные 1980-х: «Пепи, Луси, Бум и остальные девушки» (*Pepi, Luci, Bom y otras chicas del montón*), «Лабиринт страстей» (*Laberinto de pasiones*), «В темноте» (*Entre tinieblas*), «За что мне это?» (*¿Qué he hecho yo para merecer esto?*), «Матадор» (*Matador*), «Закон желания»(*La ley del deseo*) — органично вписались в поэтику *Movida*. «Для меня начало 80-х навсегда останется годами бесстрашия, когда времени хватало на все. И не только потому, что мы были моложе и худее, — пишет Альмодовар в книге «Патти Дифуса и другие тексты». — Незнание помогало нам бросаться на любое дело с радостью. Мы не знали цены вещам и не думали о рынке. У нас не было памяти, так что мы подражали всему, что нам нравилось, и получали от этого удовольствие» [6].

Уже в первом полнометражном фильме Альмодовара «Пепи, Луси, Бом и остальные девушки», снятом на взятом напрокат оборудовании, ярко проявились особенности уникального авторского стиля. Гротеск, фарс, карикатура, отражающие реальность сквозь деформирующие «вогнутые зеркала» [7, p. 64], по определению выдающегося испанского писателя Рамона Марии дель

* Ростоцкая Л.В. «Lo español» в испанском кино. *Культура современной Испании*. Москва, Наука, 2005; Ростоцкая Л.В. Линия восхождения нового кино. *Испания. Анфас и профиль*. Москва, Весь мир, 2007; Ростоцкая Л.В. Авторское кино Испании как ипостась культурной идентичности. *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации.* Москва, ИЛА РАН, 2019.

Валье-Инклана [8, сс. 152-154], стали «фирменным» знаком молодого режиссера. Вли-яние эстетики двух великих испанцев — Валье-Инклана и Луиса Бунюэля — на творчество Альмодовара неоспоримо, что он и сам много раз подчеркивал в своих высказываниях. Их творческая общность обусловлена своеобразием национального мировосприятия, отражающегося в особых художественных формах. Отличающее их эстетику сочетание фарсового комизма, гротеска с абсолютной реалистичностью стало стилеобразующей основой и авторского стиля Альмодовара. Как и в творчестве этих уникальных мастеров, формы гротеска у него всегда связаны с жизненными реалиями, с почти документальным воспроизведением деталей. Об этой особенности испанской формы гротеска, «сплавленного с социальным анализом и документальной точностью воссоздания истории», писала Инна Артуровна Тертерян [9, с. 92], являвшаяся одним из лучших литературоведов-испанистов. Важной стороной своеобразного дарования Альмодовара стала его способность ощущать самые болевые точки, тонко улавливая суть происходящего в стране и перенося ее на экран имманентными испанской культуре способами. Интуитивное, на уровне подсознания, совпадение его художественных пристрастий, поисков, нравственных убеждений с глубинным нервом современного искусства стало сутью творческого кредо Альмодовара.

Настоящее мировое признание принес режиссеру фильм «Женщины на грани нервного срыва» (*Mujeres al borde de un ataque de nervios*,1988 г.). «На грани нервного срыва» оказываются персонажи не только этого фильма, но и всех последующих работ Альмодовара: «Цветок моей тайны» (*La flor de mi secreto*, 1995 г.), «Все о моей матери» (*Todo sobre mi madre*, 1999 г.), «Поговори с ней» (*Hable con ella*, 2002 г.), «Дурное воспитание» (*La mala educación*, 2004 г.), «Возвращение» (*Volver*, 2006 г.), «Кожа, в которой я живу» (*La piel que habito*, 2011 г.), «Джульетта» (*Julieta*, 2016 г.), «Боль и слава» (*Dolor y gloria*, 2019 г.), «Человеческий голос» (*La voz humana*, 2020 г.). Каждая новая лента становится выражением тяжелого жизненного краха, своеобразным криком о помощи, а определяющую роль в его творческом пространстве начинают играть философские проблемы поисков истины, смысла бытия.

Не удивляет поэтому, что сюжеты фильмов Альмодовара, как бы причудливы и даже экстравагантны они ни были, всегда, в большей или меньшей степени, содержат автобиографический пласт, вбирающий в себя как реальные события, так и отголоски собственных размышлений и переживаний. В основе даже самых эксцентричных лент режиссера лежат глубокие душевные драмы его героев, многие из которых стали *alter ego* самого мастера. Именно по этой причине по отношению к Альмодовару, как и к некоторым другим испанским кинорежиссерам, так уместно звучит высказывание английского историка кино Джона Хопвелла о том, что их фильмы — «результат не столько необходимости разрабатывать какую-то тему, сколько темперамента» [10, с. 312].

Противостоящие любым стереотипам и клише, дерзко сбрасывающие все прежние табу, ленты Альмодовара обнажили множество проблем самого разного уровня. Но главный секрет многолетнего успеха его магически притягательных фильмов, безусловно, состоит в уникальности авторского стиля, органично сочетающего традиционные формы национальной культуры с суперсовременными. Каждый свой творческий замысел режиссер облекает со свойственными ему творческой смелостью и стремлением к

эксперименту в столь необычные и буквально завораживающие формы, что никто не может ни воспроизвести их, ни «повторить». Однако стоит отметить: несмотря на то, что изобретаемые Альмодоваром художественные формы часто «зашкаливают» своей вызывающей экстравагантностью, сам по себе эпатаж никогда не был для него самоцелью.

Важной особенностью всех работ Альмодовара стало то, что их откровенный критический пафос, острота поднятых проблем и их временами нестерпимый драматизм всегда смягчаются особой авторской тональностью, причудливо сочетающей множество оттенков — пародии, китча, иронии, черного юмора, фарса. Уже упомянутый нами французский кинокритик Ф.Стросс пишет о том, что «в своих фильмах Педро Альмодовар предельно парадоксален и ироничен: не стоит воспринимать мир слишком всерьез, в любой очевидной бессмыслице можно обнаружить глубокий смысл, а к норме нас приближает только отклонение от нее» [3, с. 5]. Смело используя стандартные модели построения сюжета, смешивая в «котле» своего творчества известные жанровые формы — комедии, триллера, мюзикла или мелодрамы, — Альмодовар преображает тривиальность массовой культуры в утонченный артистизм.

В середине 1980-х годов в «творческой лаборатории» режиссера намечаются заметные изменения: провоцирующий бунтарский заряд прежних лент теряет остроту, смягчается, а привычная шутовская интонация становится лишь фоном, оттеняющим душевные метания персонажей. В фильмах, по-прежнему отмеченных броской стилистикой постмодернизма, проступают четкие нравственные ориентиры, обращающие нас к вечным ценностям. Это, прежде всего, близкие мироощущению Альмодовара вековые устои сельской жизни с ее неизменными традициями и ритмами. В несуетности деревенской жизни обретает, наконец, душевный покой героиня фильма «Цветок моей тайны», а героине фильма «Женщины на грани нервного срыва» в исполнении замечательной актрисы Кармен Мауры помогает вернуться «к себе» всего лишь трогательная имитация сельской жизни на балконе ее мадридской квартиры. Именно здесь, среди деревенского разнотравья, по которому невозмутимо разгуливают кролики, она, наконец, находит простые и мудрые решения своих проблем, отходя от опасной «грани нервного срыва». Фильм «Возвращение», в котором так органично сплетены реальные, будничные ситуации с запредельными, — дань памяти и любви режиссера к его родной Ла-Манче и ее жителям с их незыблемыми многовековыми обычаями. Героиня картины Раймунда, в блестящем исполнении Пенелопы Крус, поразительно достоверно воплотила образ жительницы Мадрида родом из провинции Ла-Манча, полностью сохранившей особенности народного мировосприятия. В ее характере органично уживаются самые разные качества: прямодушная и добросердечная, она временами вынуждена быть расчетливой, изворотливой и грубоватой, но в любых ситуациях сохраняет невероятную силу духа.

В последние годы «творческая кухня» режиссера претерпела еще более очевидные изменения. В фильмах Альмодовара «Джульетта» (2016 г.) и «Боль и слава» (2019 г.), хотя и сохраняющих «следы» его своеобразной эстетики, трансформация авторского стиля стала еще более заметной. Прежде всего она выражается в обращении к более традиционным формам повествования, что, вероятно, связано с углублением экзистенциальной составляющей последних работ режиссера, в которых на первый план выведена тема философ-

ского осмысления бытия. Как пишет российский кинокритик Андрей Плахов, теперь Альмодовар «защищает не «меньшинства», а индивидуальные человеческие слабости и глубинные чувства в эпоху глобальной стандартизации и нового тоталитаризма мультимедиа» [11, с. 44].

Фильм «Джульетта», проникнутый ощущением нарастающей тревоги, скрытой драмы, стилистически не только далек от прежних шокирующих экспериментов Альмодовара, но производит впечатление камерного, неспешного, как будто «прозрачного». Недаром вначале режиссер собирался назвать его «Тишина» или «Безмолвие». Главную роль в картине сыграла Эмма Суарес, сама внешность которой располагает к нежным акварельным краскам, а особенности актерского дарования позволяют психологически тонко и одновременно просто и непафосно воспроизвести страдания матери, разлученной с дочерью. Героиня фильма живет с непреходящим, разрушающим ее чувством вины, связанным с гибелью мужа, который после ссоры с ней вышел в море во время шторма и погиб. Другой гранью ее боли стала разлука с дочерью, обвиняющей мать в гибели отца. Дочь смогла простить ее, лишь сама пережив трагедию потери маленького сына. Только тогда она написала матери письмо со словами о том, что тот, «кто не пережил утрату, не может понять».

Сразу же после выхода фильм «Боль и слава» стали сравнивать с другими известными лентами, в которых идет речь о творческих и душевных терзаниях режиссера. Среди них — «Воспоминания о звездной пыли» Вуди Аллена, «Американская ночь» Франсуа Трюффо, наконец, «Восемь с половиной» Федерико Феллини. Сочтя подобное сравнение лестным для себя и назвав знаменитый фильм Ф.Феллини «абсолютным шедевром», Альмодовар уточнил, что картин о режиссерах, переживающих кризис, существует множество, но ему наиболее близок по духу фильм испанского режиссера Ивана Сулуэты «Вспышка!» (*Arrebato*, 1980 г.). Причем главным для себя Альмодовар счел не совпадение фактических данных, а то, что «в обоих фильмах передается ощущение вампиризма, которое продуцирует кино, заглатывая тебя, пожирая и помещая в такое место, где все остальное исчезает… В обоих фильмах присутствует и память детства, навеки запечатленного времени» [12]. Впрочем, любое сравнение работ режиссеров такого уровня не может быть абсолютно корректным еще и потому, что как бы ни были очевидны сюжетные параллели, способы решения творческих задач у них всегда уникальны и невоспроизводимы, как невоспроизводим авторский стиль каждого большого мастера.

По утверждению Альмодовара, картина «Боль и слава» не абсолютно автобиографична, и режиссер советует не искать в ней «кто есть кто», хотя в этой ленте много совпадений с ключевыми моментами его жизни: «Это — не автопортрет, — говорит он, — хотя и очевидно, что меня здесь больше, чем в других фильмах… не знаю, зачем нужно было выставлять себя напоказ. Был момент, когда я задал себе вопрос, способен ли я довести это до последней черты. И ответил, что — да, и пожелал себе сохранять мужество, выворачивая себя наизнанку» [13]. Хотя те или иные эпизоды биографии режиссера вошли и в другие его работы, «Боль и слава» стал самым сокровенным автобиографическим фильмом Альмодовара, подлинным откровением. Режиссер уверяет, что фильм родился благодаря его собственному вынужденному «отшельничеству» из-за болезни и пережитых физических и душевных страданий.

В названии фильма слово «боль» — ключевое. Боль душевная, боль физическая, их неразрывное сплетение сопровождает жестокий творческий кризис и жизненный крах героя фильма — немолодого режиссера Сальвадора Майо в невероятно глубоком и тонком исполнении Антонио Бандераса. Это — история человека, в жизнь которого властно входит болезнь и разрушает ее. Рушится блистательная карьера, исчезает желание не только работать, но и жить. Иссякает водоворот жизни и творчества, в бурлении которого он черпал силы и вдохновение, он утрачивает себя, суть и смысл своей жизни, и картины прошлого, муки несбывшегося продолжают его терзать.

Постоянный мотив фильма — щемящие воспоминания о нелегком, прожитом в бедности детстве, согретом, однако, материнской любовью. Одна из впечатляющих своей поэтикой сцен картины — оживший в памяти героя яркий эпизод о стирке белья в деревне, когда собравшиеся на берегу реки женщины, среди которых была и его мать, стирают похожее на паруса белье в прозрачной воде, где плавают рыбки, привлеченные мыльными хлопьями. Стирка сопровождается песнями, незатейливыми шутками и безмерной чистой радостью детей.

Счастливые блики прошлого смешиваются с трагическими эпизодами жизни героя фильма, вызванными болью потери близких, друзей, наконец, самого себя — себя как режиссера, как личности. Его жизненное пространство до краев заполняют одиночество, болезнь, нравственное опустошение, отчаяние, приводящие к попытке избавиться от них с помощью наркотиков. Дословно воспроизводя известное высказывание Альмодовара о его отношении к своей работе, Сальвадор говорит, что «не может жить, не снимая», что «без съемок его жизнь лишена смысла». В ситуации полного одиночества лишь прошлое никогда не покидает героя, оно всегда перед ним. С.Майо перебирает в памяти самые значимые события своей жизни и тех, кто с ними связан. Это, прежде всего, его мать и его любовь, оставшаяся в далеком прошлом, но по-прежнему причиняющая неимоверную боль. Он ощущает глубокую потребность объясниться с теми, с кем еще можно увидеться наяву, и с теми, кого уже нет рядом. В фильме есть сцена, которую, по словам Альмодовара, он написал накануне съемок. Это — сцена объяснения между матерью и сыном, которой, по его словам, на самом деле не было в его жизни, но которая могла бы быть. В этом воображаемом разговоре с матерью он говорит ей о том, что не был сыном, которого она хотела бы видеть, но что он — «такой, какой есть, он — другой».

Тему прошлого, памяти, определяющей и настоящее, и будущее, Альмодовар намеренно исключал из своего раннего творчества. В одном из интервью он говорит о том, что это было своего рода способом «отомстить за все дурное наследие, попытаться начать сначала, с нуля. Но это была рассудочная позиция, это не означало, что можно забыть… Память необходима во всех своих аспектах — личном, историческом, социальном, государственном. Никогда нельзя забывать ни о хороших, ни о плохих вещах» [5].

С конца 1980-х годов в лентах Альмодовара начинает звучать щемящая, проникновенная нота, берущая начало в боли и страданиях прошлого. В фильме «Боль и слава» тема прошлого становится превалирующей, полностью определяющей драматургию фильма. В этой картине режиссеру удалось примирить прошлое и настоящее, смягчить их болезненную для героя

несовместимость. Фильм — не только о режиссере, переживающем кризис, но о любом предельно отчаявшемся человеке, вновь обретающем спасительную опору. Альмодовар не был бы Альмодоваром, если бы не оставлял надежды своим героям: Сальвадор Майо начинает писать сценарий, собирается снимать кино, а значит — жить. И как всегда почти во всех лентах мастера самые светлые и любимые им образы — женские; в картине «Боль и слава» это — образ его матери. Ее роль, в молодости и в старости, сыграли две замечательные актрисы — Пенелопа Крус и Хульета Серрано.

Что касается А.Бандераса, исполнителя сложнейшей драматической роли, то создается впечатление, что он будто и не играл ее, не «изображал» душевные терзания своего героя, а в полной мере их разделял. Неудивительно, что Бандерас, чья игра в картине близка к абсолютному, невероятному перевоплощению и в своего героя, и в автора фильма, получил в 2019 г. множество премий за лучшее исполнение мужской роли, включая Каннский фестиваль, премию Европейской киноакадемии и испанскую премию Гойя. Всего же фильм завоевал семь премий Гойя в разных номинациях, в том числе за «Лучший фильм», «Лучшую режиссуру» и «Лучшую женскую роль». На счету же самого Альмодовара, уже несколько десятилетий входящего в число наиболее признанных мастеров киноискусства, бесчисленное количество самых престижных премий, среди которых премии Оскар, Гойя, Европейской киноакадемии, фестивалей в Каннах и Венеции. Абсолютно заслуженным стал приз «Золотой лев» за вклад в мировой кинематограф Международного кинофестиваля в Венеции 2019 г. На том же венецианском фестивале в сентябре 2020 г. Альмодовар вновь продемонстрировал свое пристрастие к экспериментам, представив короткометражную картину «Человеческий голос», которую он сам назвал фильмом-экспериментом. Эта лента, снова погружающая зрителя в бездну нервного срыва, поставлена по одноименной пьесе Жана Кокто, а в главной роли снялась Тильда Суинтон. В одном из недавних интервью, посвященном выходу фильма в прокат, Альмодовар говорил о том, в какой ужас приводят его правила и схемы действий в киноискусстве. Он назвал их «алгоритмом, контролирующим драматургию», и подчеркнул, что этот фильм «построен на противоположном — полном отрицании формулы» [14].

Тезис Альмодовара о полном неприятии им любых формул и правил, безусловно, можно отнести ко всему его творчеству, с самого начала отвергавшему любые стереотипы. Киноленты знаменитого режиссера стали уникальной иллюстрацией пути, пройденного испанским кинематографом после переходного периода до наших дней: от шокирующих экспериментов 1970-х — начала 1980-х годов, эпатирующих зрителей всеми возможными и невозможными способами, до фильмов, сочетающих в себе своеобразие авторского стиля с философским осмыслением самых сокровенных проблем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Sánches Noriega, José Luis. Universo Almodóvar: Estética de la pasión en un cineasta posmoderno. Madrid, Libros Singulares, 2017, 480 p.

2. Los archivos de Pedro Almodóvar, Koln, Taschen, 2017, 456 p.

3. Стросс Ф. Интервью с Педро Альмодоваром. СПб, Азбука-Арт Хаус, 2007, 352 с. [Stross F. Interviu s Pedro Almodovarom [Interview with Pedro Almodovar]. SPb, Asbuka-Art Haus, 2007, 352 p.

4. Pedro Almodóvar. No hay jóvenes y viejos, solo jóvenes. Available at: http://los40/2018/04/17cinetv/1523986259_456845/html (accessed 2.10.2020).

5. El cine como pasión: actas del Congreso internacional Pedro Almodóvar. Universidad de Castilla. La Mancha, 2005, 536 p.

6. Альмодовар П. Патти Дифуса и другие тексты. М., Азбука-классика, 2005, 256 с. [Almodovar P. Patti Difusa i druguie teksti. [Patti Difusa and other texts]. Moscow, Azbuka-classica, 2005, 256 p.

7. Valle-Inclán R. del. Luces de bohemia. Madrid, Espasa-Calpe, 1961, 115 p.

8. Ростоцкая Л.В. "Lo español" в испанском кино. *Культура современной Испании. Коллективная монография*. Отв. редактор Константинова Н.С. Москва, Наука, 2005, 177 с. [Rostotskaya L.V. "Lo espaniol" v ispanskom kino ["Lo español" in Spanish cinema]. *Kultura sovremenoy Ispanii. Kollektivnaya monografia*. Moscow, Nauka, 2005, 177 p.

9. Тертерян И. А. «Виридиана» и испанская культура XX века. *Луис Бунюэль*. Москва, Искусство, 1979, 340 с. [Terterian I.A."Viridiana" i ispanskaya kultura XX veka [Viridiana and Spanish culture of the XXth century]. *Luis Buñuel.* Moscow, Iscusstvo, 1979, 340 p.

10. Pérez Perucha J. Recapitulación introductoria. *Un siglo de cine español*. Madrid, 2000, 316 p.

11. Плахов А. Испанская грусть. Эволюция Педро Альмодовара. *Коммерсант Власть.* М., 2016, № 30, сс. 44-49 [Plajov A. Ispanskaya grust. Evoluzia Pedro Almodovara [Spanish sadness. Evolution of Pedro Almodovar]. *Komersant Wlast.* Moscow, 2016, N 30, pp. 44-49.

12. Pedro Almodóvar se sincera sobre "Dolor y gloria". Available at: https://www.fotogramas.es/noticias-cine/26905764/dolor-gloria-pedro-almodovar-entrevista (accessed 21.04.2020).

13. Pedro Almodóvar: Mi vida es una lista de abstinencias. Available at: htttps://www/elperiodico.com/es/ocio-y–cultura/20190321/entrevista-pedro-almodovar-estreno-cine-dolor-e-gloria-7364390 (accessed 1.12.2020).

14. Pedro Almodovar: Me aterra y horroriza el algoritmo. *El País*, 20.10.2020. Available at: https://elpaís.com (accessed 24.10.2020).

Lidia V.Rostotskaya (li-ros@mail.ru)
Senior Researcher of Institute of Latin American of RAS

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Stylistic transformation in the films of Pedro Almodovar

Abstract. The article examines the features of the author's style of Pedro Almodovar, one of the most significant modern film Directors. A comparison of different periods of his work allows us to conclude that the deepening of existential motives in his recent films led to a noticeable change in their style. The outrageous farcical aesthetic of the early works gave way to more traditional narrative forms that combine the originality of the author's style with a deep philosophical understanding.

Key word: author's style, national traditions, cinematic experiments, farce and grotesque techniques, existential motives.

DOI: 10.31857/S0044748X0013682-9

Received 19.09.2020.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru ***http: // urss.ru***

УРСС

- *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Холодков Н.Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы.
- *Мартынов Б.Ф.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Индейский мир перед вызовами XXI века (сборник статей). Отв. ред. *Чумакова М.Л.*, *Мартынов Б.Ф.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Дьякова Л.В.* Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Ермольева Э.Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- *Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Россия — Аргентина: история и современность.
- Возможности и пределы инновационного развития. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- *Ракуц Н.В.* Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба Sí. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *В.М.Давыдов*. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- *Кодзоев М.А.-М.* США — Куба: эхо холодной войны.
- *Яковлев П.П.* Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П.*, *Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

По вопросам приобретения через систему «Книга почтой» обращаться в Институт Латинской Америки (E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70); в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru), а также в магазины:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76; «Фаланстер» (Малый Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21); Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru